

ISSN 2219-6838

**ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К «РОССИЙСКОМУ
ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»**

**НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ,
ИНФОРМАЦИОННОЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ
ИНТЕРАКТИВНОЕ ИЗДАНИЕ**

Основано в 2010 году

1/2025

electronic.ruzh.org

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – к. ю. н., доц. **И. В. Федоров**

д. ю. н., доц. **О. И. Андреева** (Томск), д. ю. н., проф. **Ю. С. Безбородов** (зам. гл. редактора), д. ю. н., проф. **О. В. Болтинова** (Москва), д. ю. н., проф. **Л. Ю. Василевская** (Москва), д. ю. н., проф. **Т. С. Волчецкая** (Калининград), д. ю. н., проф. **С. Ю. Головина** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **Е. Р. Ергашев** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **С. К. Загайнова** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **Т. В. Заметина** (Саратов), д. ф. н. **О. А. Зигмунт** (Фехта), д. ю. н., проф. **И. А. Игнатьева** (Москва), д. ю. н., проф. **С. В. Кодан** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **И. Я. Козаченко** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **Н. В. Козлова** (Москва), к. ю. н. **Я. Койстинен** (Хельсинки), д. ю. н., проф. **В. В. Комарова** (Москва), к. ю. н., доц. **Т. В. Кондрашова** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **П. И. Кононов** (Киров), д. ю. н., проф. **Э. А. Кочкарова** (Бишкек), д. ю. н., проф. **Е. В. Кудрявцева** (Москва), д. ю. н., проф. **П. У. Кузнецов** (Екатеринбург), к. ю. н., доц. **А. В. Лисаченко** (Екатеринбург), к. ю. н., доц. **Т. Е. Логинова** (Пермь), д. ю. н., проф. **Е. В. Марковичева** (Москва), д. ю. н., проф. **С. Ю. Марочкин** (Тюмень), д. ю. н., доц. **М. В. Мещанова** (Минск), д. ю. н., проф. **С. П. Мороз** (Алматы), д. и. н., проф. **В. П. Мотревич** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **В. В. Никишин** (Санкт-Петербург), д. ю. н., проф. **Д. В. Осинцев** (Екатеринбург), проф. **П. Поликастро** (Щецин), д. ю. н., проф. **С. Б. Поляков** (Пермь), д. ю. н., проф. **В. Ф. Попондопуло** (Санкт-Петербург), д. ю. н., проф. **С. В. Рыбакова** (Саратов), д. ю. н., проф. **Г. В. Сахнова** (Красноярск), д. ю. н., проф. **Е. В. Смахтин** (Тюмень), д. ю. н., проф. **А. И. Стахов** (Москва), д. ю. н., проф. **В. Л. Толстых** (Москва), д. ю. н., проф. **А. Трунк** (Киль), д. ю. н., проф. **М. Ю. Федорова** (Екатеринбург), к. ю. н., доц. **С. Д. Хазанов** (Екатеринбург), проф. **Хуан Даосю** (Пекин), д. ю. н., проф. **В. М. Шафиров** (Красноярск), проф. **П. Шокинс** (Лёвен)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief – **I. Fedorov** (candidate of legal sciences, assoc. prof.)

O. Andreeva (doctor of legal sciences, assoc. prof., Tomsk), **Yu. Bezborodov** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **O. Boltinova** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **E. Ergashev** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **S. Golovina** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **Huang Daoxiu** (prof., Beijing), **I. Ignatieva** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **S. Khazanov** (candidate of legal sciences, assoc. prof., Yekaterinburg), **E. Kochkarova** (doctor of legal sciences, prof., Bishkek), **S. Kodan** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **Ja. Koistinen** (candidate of legal sciences, Helsinki), **V. Komarova** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **T. Kondrashova** (candidate of legal sciences, assoc. prof., Yekaterinburg), **P. Kononov** (doctor of legal sciences, prof., Kirov), **I. Kozachenko** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **N. Kozlova** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **E. Kudryavtseva** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **P. Kuznetsov** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **A. Lisachenko** (candidate of legal sciences, assoc. prof., Yekaterinburg), **T. Loginova** (candidate of legal sciences, assoc. prof., Perm), **E. Markovicheva** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **S. Marochkin** (doctor of legal sciences, prof., Tyumen), **M. Miashchanava** (doctor of legal sciences, assoc. prof., Minsk), **S. Moroz** (doctor of legal sciences, prof., Almaty), **V. Motrevitch** (doctor of historical sciences, prof., Yekaterinburg), **V. Nikishin** (doctor of legal sciences, prof., Saint Petersburg), **D. Osintsev** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **P. Policastro** (prof., Szczecin), **S. Polyakov** (doctor of legal sciences, prof., Perm), **V. Popondopulo** (doctor of legal sciences, prof., Saint-Petersburg), **S. Rybakova** (doctor of legal sciences, prof., Saratov), **T. Sakhnova** (doctor of legal sciences, prof., Krasnoyarsk), **O. Siegmunt** (doctor of philosophy, Vechta), **E. Smakhtin** (doctor of legal sciences, prof., Tyumen), **A. Stakhov** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **V. Tolstykh** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **A. Trunk** (doctor of legal sciences, prof., Kiel), **M. Fedorova** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **V. Shafirov** (doctor of legal sciences, prof., Krasnoyarsk), **P. Schoukens** (prof., Leuven), **L. Vasilevskaya** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **T. Volchetskaya** (doctor of legal sciences, prof., Kaliningrad), **S. Zagaynova** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **T. Zametina** (doctor of legal sciences, prof., Saratov)

Редакционная коллегия определяет текущую редакционную политику журнала, рассматривает и утверждает содержание очередных номеров, контролирует деятельность журнала

Адрес редакции: 620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 23, оф. 207
Корреспонденцию, материалы и статьи направляйте по адресу:
620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21, УрГЮУ,
редакция «Российского юридического журнала».
Тел./факс (343) 375-54-20.
E-mail: ruzh@usla.ru.
electronic.ruzh.org.

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77-41478 от 28 июля 2010 г.

Точки зрения авторов статей, иных материалов не обязательно совпадают с точкой зрения редакции.

Перепечатка статей и иных материалов, опубликованных в «Электронном приложении к „Российскому юридическому журналу“», допускается только с разрешения редакции

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВОВЕДЕНИЕ И ПОЛИТОЛОГИЯ

- Васильева Ю. В.* Новый вектор социальной политики Российского государства в отношении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей 5
- Толстых В. Л.* Политико-правовое развитие и международно-правовая политика Китая в первой половине XX в. 13

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

- Голубитченко М. А.* Современные тенденции правового регулирования защиты прав потребителей финансовых услуг Банком России 33

ВОПРОСЫ СЛЕДСТВЕННОЙ И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- Смушкин А. Б.* Криминалистические аспекты исследования компьютерных сетей уровней BAN и PAN 40
- Тарасова Е. В.* Принцип личной ответственности при применении судебного штрафа 50

Трибуна молодого ученого

- Войта У. А.* Трудная судьба «права социальной культуры» в правовой доктрине и системе права: из Российской империи в СССР 59
- Родионов А. О.* Допустимость прямого судебного нормоконтроля в отношении специфических источников трудового права 69

CONTENTS

PUBLIC ISSUES AND POLITICAL SCIENCE

- Vasilyeva Yu.* New vector of social policy of the Russian state in relation to orphans and children left without parental care 5
- Tolstykh V.* Political and legal development and international legal policy of China in the first half of the XX century 13

CIVIL LAW AND PROCEDURE

- Golubitchenko M.* Current trends in the legal regulation of consumer protection of financial services by the Bank of Russia 33

QUESTIONS OF INVESTIGATION AND OPERATIVE-RESEARCH ACTIVITY

- Smushkin A.* Forensic aspects of the study of computer networks of the BAN and PAN levels 40
- Tarasova E.* The principle of personal responsibility in the application of a court fine 50

YOUNG SCIENTISTS' TRIBUNE

- Voita U.* The difficult fate of the «social culture law» in the legal doctrine and system of law: from the Russian Empire to the USSR 59
- Rodionov A.* The permissibility of direct judicial review in relation to specific sources of labour law 69

НОВЫЙ ВЕКТОР СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В ОТНОШЕНИИ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ

Васильева Юлия Валерьевна

Профессор кафедры трудового и международного права Пермского государственного национального исследовательского университета (Пермь), доктор юридических наук, ORCID: 0000-0002-8010-340X, e-mail: ktpiso@live.ru.

Анализируется новелла ч. 4 ст. 67.1 Конституции РФ с позиции ее соотносимости с действующим социально-обеспечительным, а также смежным законодательством, адресно направленным на реализацию социальной политики в отношении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Дается характеристика современным законодательным тенденциям, именуемым «социальным конституционализмом» и «детоцентризмом», приводятся точки зрения ученых-юристов на этот счет. Уделяется внимание проблемам детской бедности и социального сиротства, законодательным решениям этих проблем, принятие которых обусловлено провозглашением России социальным государством. Отмечается правовая неопределенность в части понимания конституционной терминологии, в том числе обозначенной в ч. 4 ст. 67.1 Конституции РФ. Дается оценка новому вектору социальной политики, нашедшей отражение в обновленной редакции п. 1 ст. 123 СК РФ и получившей обозначение «деинституционализация детей-сирот». Делается общий вывод о том, что детство любого ребенка (а ребенка, попавшего в трудную жизненную ситуацию, – в первую очередь) должно быть окружено всесторонней заботой государства. Для решения этой задачи необходим кардинальный пересмотр социальной политики, ограничение которой выплатой социальных пособий представляется недопустимым, поскольку нарушает социальный баланс. Кроме того, констатируется, что приоритет заботы о семье и ребенке должен исходить от государства, и именно государство в первую очередь обязано обеспечивать заботу о ребенке и гарантировать его благополучие.

Ключевые слова: социальная политика, социальное государство, детоцентризм, правовой статус детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, социальное сиротство, детская бедность, демографическая ситуация, институт семьи

Для цитирования: Васильева Ю. В. Новый вектор социальной политики Российского государства в отношении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 1. С. 5–12. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_1_5.

NEW VECTOR OF SOCIAL POLICY OF THE RUSSIAN STATE IN RELATION TO ORPHANS AND CHILDREN LEFT WITHOUT PARENTAL CARE

Vasilyeva Yulia

Professor, Perm State University (Perm),
doctor of legal sciences, ORCID: 0000-0002-8010-340X, e-mail: ktpiso@live.ru.

The article analyzes the amendment to Part 4 of Art. 67.1 of the Constitution of the Russian Federation from the standpoint of its correlation with the current social security and related legislation, specifically aimed at implementing social policy in relation to orphans and children left without parental care. It provides a description

of modern legislative trends called «social constitutionalism» and «child-centrism» and presents the views of some legal scholars on this matter. Attention is paid to the problems of child poverty and social orphanhood, as well as legislative solutions to these problems, the adoption of which is conditioned by the proclamation of Russia as a social state. The legal uncertainty is noted in terms of understanding the constitutional terminology, including that specified in Part 4 of Art. 67.1 of the Constitution of the Russian Federation. An assessment is given to the new vector of social policy, reflected in the updated version of Par. 1 of Art. 123 of the Family Code of the Russian Federation and designated «deinstitutionalization of orphans». A general conclusion is made that the childhood of any child, and a child in a difficult life situation first of all, must be surrounded by comprehensive care from the state. To solve this problem, a radical revision of social policy is necessary, limiting it to the payment of social benefits seems unacceptable, since it disrupts the social balance. In addition, the article states that the priority of caring for the family and the child should come from the state, and it is the state that is primarily obliged to ensure care for the child and guarantee his well-being.

Key words: social policy, welfare state, child-centrism, legal status of orphans and children left without parental care, social orphanhood, child poverty, demographic situation, institution of the family

*For citation: Vasilyeva Yu. (2025) New vector of social policy of the Russian state in relation to orphans and children left without parental care. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 1, pp. 5–12, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_1_5.*

Значимые конституционные преобразования 2020 г., многие из которых обладают социально-правовым контекстом, демонстрируют существенную модификацию основ социальной политики государства, в том числе в отношении детей, оставшихся без попечения. В научной литературе эта тенденция получила наименование «социальный конституционализм»¹. До закрепления новелл в Конституции РФ на острую демографическую ситуацию в России обратил внимание Президент РФ. В своем Послании Федеральному Собранию от 15 января 2020 г. он подчеркнул, что «высший национальный приоритет – сбережение и приумножение народа России». Следует заметить, что убывающее население России – это фактор угрозы национальной безопасности нашей страны, а также сохранения целостности ее границ. В условиях крайне неблагоприятной демографической ситуации современной России поддержка семьи во всех ее проявлениях должна стать первоочередной стратегической целью государственной социальной политики. Однако, несмотря на очевидную значимость этого вопроса, концептуальный подход к формированию законодательства о социальном обеспечении семьи, материнства, отцовства и детства по-прежнему отсутствует. Вместе с тем укрепление института семьи и его целостная правовая защита невозможны без совершенствования мер социального обеспечения.

Непосредственное отношение к исследуемой в рамках настоящей статьи проблематике имеет конституционная новелла, получившая отражение в ч. 4 ст. 67.1 Конституции РФ. Среди ученых-юристов, акцентирующих внимание на указанной конституционной норме, встречаются как позитивные, так и негативные оценки. К примеру, по мнению Т. И. Ряховской, указанная конституционная норма права отличается высокой степенью декларативности, а термины, используемые в тексте соответствующей статьи, порождают правовую неопределенность, поскольку не задают никаких конкретных параметров реализации прав и соответствующих им обязанностей². Детоцентризм, усматриваемый в анализируемой норме права, также подвергается критике. Квалифицируя положения новеллы ч. 4 ст. 67.1 Конституции РФ в качестве семейно-воспитательной хартии, Л. Б. Ескина отмечает, что правило о том, что госу-

¹ См., например: Рязяконова Е. В. К вопросу о признаках социально-экономического конституционализма // Юридическая наука и практика. 2020. Т. 16. № 2. С. 35.

² Ряховская Т. И. Иллюстрации некоторых конституционных особенностей Российской Федерации в контексте исследования конституционной идентичности // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 7. С. 7.

дарство берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения, действительно обладает правовым содержанием¹.

Несколько иную оценку конституционным новеллам, касающимся детей, дают П. В. Крашенинников и Е. В. Бадулина, по мнению которых декларативность конституционных предписаний естественна: «В большинстве своем конституционные нормы – это нормы-принципы, правила, декларации, цели. Цель конституционного законодателя – выстроить комплексную систему»². Комплексность правового регулирования в этой предметной сфере достигается за счет конкретизации конституционных предписаний в нормах федерального и регионального законодательства. Вектор социальной политики, который избирает государство, находит воплощение в рамках не только конституционных предписаний, но и системы правовых норм, регламентирующих правоотношения, возникающие в социальной сфере. Отношения, возникающие по поводу прав и интересов детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, традиционно отличаются межотраслевым правовым характером и регулируются как нормами семейного законодательства, так и нормами права социального обеспечения, что само по себе, как представляется, требует отдельного научного изучения.

Взяв на себя повышенные обязательства в социальной сфере, государство тем самым заявило о новом этапе развития социального государства, концепция которого начиная с середины XX в. строится по принципу «государство – главный субъект, предоставляющий социальное обеспечение». В научной литературе обращается внимание на кризис современной модели социального государства, обязанности которого сведены до минимума и ограничиваются исключительно системой пособий, назначаемых после проверки нуждаемости лица³. Поэтому норма ч. 4 ст. 67.1 Конституции РФ также вызывает скептицизм: к примеру, сохраняется правовая неопределенность в части понимания конституционной терминологии⁴. Применительно к обсуждаемой норме права остается неясным и то, какие именно условия, способствующие всестороннему развитию детей, создает государство и существует ли ответственность государства перед своими гражданами, прежде всего детьми, за ненадлежащее исполнение этого конституционного предписания.

Следует отметить, что социальные права в целом могут реализовываться как государством, так и самим человеком там, где это объективно возможно. Вмешательство государства в рыночный механизм обосновано в тех случаях, когда непосредственное участие в судьбе лиц, уязвимость которых предопределена возрастом, состоянием здоровья либо иными заслуживающими внимания обстоятельствами, является единственным способом достижения социальной справедливости. Неудивительно, что доктринальные дефиниции понятия «социальная политика» зачастую указывают на ее адресность, заключающуюся в направленности на поддержку особенно уязвимых слоев населения, среди которых – дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей⁵. Следует поддержать Е. Г. Азарову в сделанном ею выводе о детском возрасте как социальном риске в целом⁶.

Под социальной политикой в самом общем виде следует понимать целенаправленную деятельность государства по решению проблем, возникающих у лиц, относящихся к одной из социально незащищенных категорий, по причине чего они утратили полностью или частично способность к самостоятельной реализации и защите принадлежащих им прав и свобод. Государство, одним из предназначений которого выступает реализация социальной политики, обязано осуществлять функции пред-

¹ Ескина Л. Б. Поправки к Конституции РФ: обновление содержания или возврат к советской модели // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 2. С. 11.

² Крашенинников П. В., Бадулина Е. В. Поддержка института семьи: конституционные поправки // Семейное и жилищное право. 2020. № 4. С. 21.

³ См. об этом: Воронин Ю. В., Столяров А. В., Тучкова Э. Г. К вопросу о выработке нового общественного договора // Социальное и пенсионное право. 2019. № 4. С. 3–8.

⁴ См. об этом: Истомина Е. А., Федорова М. Ю. Конституционная терминология в сфере социальной защиты // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2024. № 2. С. 5–13.

⁵ См., например: Шелудякова Т. В. Понятие и признаки социальной политики государства в России и зарубежных странах // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 2. С. 44.

⁶ Азарова Е. Г. Конституционные гарантии социального обеспечения детей // Журнал российского права. 2015. № 2. См. также: Азарова Е. Г. Конституционные требования к российскому законодательству о социальном обеспечении // Журнал российского права. 2018. № 7.

ставительства несовершеннолетних, оставшихся без попечения. Адекватное обеспечение интересов этих лиц А. В. Полукаров считает важнейшей задачей Российского государства¹. При этом в научной литературе справедливо отмечается, что дети, оставшиеся без попечения, особенно нуждаются в такой ценности, как защищенное детство, обеспечение которого является формой реализации социальной политики Российского государства².

Интересна также точка зрения А. А. Салчак, по мнению которой социальная политика в отношении несовершеннолетних, именуемая автором «ювенальной», только начинает приобретать черты социальной, что обусловлено серьезной деформацией поведения детей³. Представляется, что приоритет заботы о семье и ребенке должен исходить от государства, и именно государство в первую очередь обязано обеспечить заботу о ребенке и гарантировать его благополучие.

Правовая политика в отношении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, зачастую находит воплощение в актах стратегического характера, правовой статус которых, несмотря на наличие федерального закона, посвященного им, остается весьма дискуссионным. Так, неясно, являются ли нормы, содержащиеся в стратегических актах, обязательными для исполнения и имеют ли они юридическую силу в случае отсутствия соответствующего правового регулирования на уровне федеральных законов, можно ли говорить об ответственности (и чьей) за неисполнение указанных предписаний⁴.

Социальная политика в отношении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, конкретизирована в нормах Федерального закона от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ (в ред. от 29 мая 2024 г.) «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей». Вместе с тем ни стратегические акты, ни указанный Федеральный закон не содержат комплексной системы, обеспечивающей социальное обеспечение детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, достаточное для их полноценного развития. Кроме того, нормы конституционного, семейного и социально-обеспечительного законодательства, ориентированные на формирование правового статуса детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, не образуют системное единство, поскольку слабо согласованы между собой ввиду разности в предметах правового регулирования.

Слабая систематизация социально-обеспечительного законодательства в совокупности с делегированием полномочий по регулированию этих вопросов региональным законодательным органам власти не способствуют единому подходу к решению социальных проблем детей, попавших в трудную жизненную ситуацию. Правовой статус таких лиц находится в состоянии правовой неопределенности: он непонятен ни адресатам соответствующих правовых норм, ни лицам, обязанным применять социально-обеспечительное законодательство. Неэффективность правового регулирования в этой предметной сфере свидетельствует о безответственном отношении государства к насущным социальным проблемам.

Проблема социального сиротства до сих пор остается для нашей страны крайне актуальной, что свидетельствует о необходимости всестороннего анализа генезиса этого явления, а также разработки стратегии управления им. Острота проблемы обусловлена тем, что дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, в своей личной взрослой жизни сталкиваются с серьезными трудностями социальной адаптации, обеспечения материального благополучия: так, они нередко повторяют ошиб-

¹ Полукаров А. В. Коррупциогенные риски в социальном законодательстве и административно-правовые средства противодействия им // Административное и муниципальное право. 2017. № 1. С. 79–94.

² См. об этом: Махник Д. И., Крысенкова Н. Б., Цомартова Ф. В. Право и социальное развитие: новая гуманистическая иерархия ценностей // Журнал российского права. 2014. № 8. С. 144–169.

³ Салчак А. А. Ювенальная юстиция: проблемные вопросы гражданско-правового аспекта // Российская юстиция. 2010. № 12. С. 34–38.

⁴ Среди стратегических актов, имеющих непосредственное отношение к исследуемой тематике, следует отметить Указ Президента РФ от 28 декабря 2012 г. № 1688 «О некоторых мерах по реализации государственной политики в сфере защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей». Из наиболее свежих актов вызывает особый интерес Указ Президента РФ от 29 мая 2017 г. № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства», а также соответствующий этому нормативному правовому акту План основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства, на период до 2027 года.

ки своих родителей и оставляют собственных детей или лишаются в отношении них родительских прав. Д. В. Волков и Г. М. Погорелова полагают, что одной из причин такой закономерности социального сиротства может быть признан крайне низкий уровень воспитательного потенциала государственных учреждений, в которых воспитываются дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей¹.

В рамках исследуемой проблематики особый интерес представляет действующая редакция ст. 123 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ) в сравнении с ее предыдущей редакцией. Уточнение, внесенное в качестве изменения в эту норму права и вступившее в силу с 13 февраля 2013 г., касается временного характера устройства детей, оставшихся без попечения родителей, в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (далее также – государственные учреждения). Подобное уточнение демонстрирует новый вектор социальной политики государства, именуемый «деинституционализация детей-сирот». Под данным понятием в самом общем виде принято понимать целенаправленную деятельность государства по выводу воспитанников интернатных учреждений на альтернативные семейные формы устройства. На такой вектор социальной политики государства обращено внимание в письме Минобрнауки России от 1 сентября 2014 г. № ВК-1850/07: «Следует обеспечить завершение разработки (корректировки) законодательной и нормативной правовой базы, регламентирующей вопросы организации деятельности организаций для детей-сирот с учетом современных требований и приоритетов политики деинституционализации»².

Как отмечает Е. Б. Мизулина, помещение ребенка, оставшегося без попечения родителей, в государственное учреждение должно быть исключительной мерой, поскольку только в семье у ребенка есть условия для полноценной социализации³. Вслед за ней В. В. Измайлов справедливо подчеркивает, что дети, чьи родители трагически погибли, или дети, родители которых от них отказались, воспитываются государством, что на практике вызывает серьезные затруднения психологического, морально-этического, профессионально-педагогического и иного толка⁴.

Межотраслевое правовое регулирование института прав и интересов детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в совокупности с актами стратегического характера, отражающими социальную политику государства в данной предметной сфере, приводят к правовой неопределенности относительно действительных гарантий правового статуса этой уязвимой группы лиц. В Федеральном законе от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ (в ред. от 23 ноября 2024 г.) «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» указанная группа лиц отнесена к «детям, находящимся в трудной жизненной ситуации». Специфика их правового статуса сводится к констатации факта возложения представительских и надзорных функций на органы государственной власти и специализированные учреждения, что нельзя признать достаточным для эффективного исполнения государством возложенных на себя в ч. 4 ст. 67.1 Конституции РФ функций.

Еще больше вопросов вызывает социальная политика по сокращению количества детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, по принципу «деинституционализации» с одновременным принятием государством на себя дополнительных обязательств по выполнению родительских обязанностей в отношении таких детей. Представляется, что социальный конституционализм, в рамках которого продемонстрирован детоцентризм, должен найти воплощение в конкретных мерах по реализации соответствующей политики: очевидно, что отдельных констатаций в рамках

¹ Волков Д. В., Погорелова Г. М. Проблемы социального сиротства в современной России // Социальное и пенсионное право. 2007. № 1. С. 14–17.

² О реструктуризации и реформировании организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и совершенствовании сети служб сопровождения замещающих семей (вместе с «Методическими рекомендациями органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органам опеки и попечительства по реструктуризации и реформированию организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и совершенствованию сети служб сопровождения замещающих семей»): письмо Минобрнауки России от 1 сентября 2014 г. № ВК-1850/07 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Мизулина Е. Б. В здоровом обществе не может быть ничейных детей // Парламентская газета. 2008. 6 марта. С. 14.

⁴ Измайлов В. В. Правовая природа и некоторые проблемы усыновления в период реформирования семейного законодательства России // Семейное и жилищное право. 2021. № 2. С. 6–9.

актов стратегического характера недостаточно. Наблюдая объективный рост числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, социальное государство должно сконцентрироваться как на выяснении базовых причин такого роста и принятии конкретных мер по их оперативному устранению, так и на комплексном социальном обеспечении детей, уже попавших в трудную жизненную ситуацию.

Одной из наиболее острых проблем в социальной сфере государства остается детская бедность, которая в свою очередь является следствием тяжелого материального положения российских семей, имеющих детей¹. Факторы, по которым семья, родившая одного или двух детей, попадает в группу риска, широко изучены в научной литературе, эти причины многочисленны и разнообразны. При этом масштабы детской бедности настолько внушительны, что совершенно очевидно экономическое неблагополучие населения нашей страны в целом.

Конституционных преобразований 2020 г. явно недостаточно для того, чтобы обозначенные социальные проблемы можно было считать решенными. Политика детоцентризма, продемонстрированная в Конституции РФ, а также в ряде стратегических актов, нуждается в качественной нормативной платформе, которая бы в упорядоченном виде обеспечивала всестороннее правовое регулирование правоотношений, связанных с детством. Одним из результатов такого регулирования должна стать целостная концепция правового статуса детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Сегодня такая концепция неочевидна. Одной из причин сложившейся ситуации может быть признано длительное отсутствие в нашей стране идеолого-нравственных ориентиров, которые были бы положены в основу всей политики страны в целом. Дезориентация в ценностях, произошедшая под влиянием отказа от жесткой идеологической политики, имевшей место в советском прошлом, при одновременной ориентации на либеральные ценности, не способствовали объективной оценке действительного уровня развития российского общества и налаживанию внутреннего механизма правового регулирования, учитывающего этот уровень. Почти двадцатилетняя борьба с демографической проблемой и кризисом семьи оказалась неэффективной. В таких условиях обнаружился дефицит идеолого-нравственной составляющей политики Российского государства, ее комплексного характера, что, по видимому, и предопределило появление в ней анализируемого вектора.

Ценностный ориентир Российского государства приобрел особое звучание не столько после конституционных новелл 2020 г., сколько после принятия Указа Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809. В нем одной из российских ценностей названа крепкая семья, что не требует дополнительной аргументации. По справедливому замечанию Е. Г. Азаровой, «семья может и обязана своими силами полностью обеспечить детям функцию российского социального государства, предусмотренную ч. 1 ст. 7 Конституции РФ»². При этом выполняя конституционную обязанность заботиться о своих детях, конкретизированную в нормах семейного законодательства, родители нередко попадают в трудное материальное положение, особенно если обязанность по содержанию ребенка ложится на плечи только одного родителя, а второй уклоняется от ее выполнения. Усложнение семейной ситуации нередко приводит к пагубным социальным последствиям, одним из которых следует признать детское сиротство. В этом смысле нельзя не отметить, что любое социальное государство, и Россия не исключение, стремится к сокращению, насколько это возможно, количества детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Снижение их количества – один из главных показателей эффективности социальной политики, на что обращается внимание в Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года³.

Таким образом, анализ нормативно-правового регулирования в исследуемой сфере пока не дает результатов, заслуживающих одобрения. Нормативные правовые

¹ См. об этом: Азарова Е. Г. Правовое регулирование социального обеспечения женщин и детей (демографический аспект) // Журнал российского права. 2015. № 10. С. 57–73.

² Азарова Е. Г. Дети как приоритет государственного регулирования социального обеспечения // Журнал российского права. 2021. № 5. С. 106–119.

³ Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 24.01.2025).

акты в области социальной поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, отличаются крайне низкой степенью систематизации, что не способствует эффективности их применения. Вопросы жизнеобеспечения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, точно урегулированы нормами семейного, а также социально-обеспечительного законодательства. Из современного законодательного массива в области социальной поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, не усматривается ни комплексного подхода к решению демографической и иных взаимосвязанных проблем, ни форм и механизма ответственности государства за выполнение возложенных им на себя обязанностей родителей в отношении таких детей.

Список литературы

Азарова Е. Г. Дети как приоритет государственного регулирования социального обеспечения // Журнал российского права. 2021. № 5. С. 106–119.

Азарова Е. Г. Конституционные гарантии социального обеспечения детей // Журнал российского права. 2015. № 2. С. 65–81.

Азарова Е. Г. Конституционные требования к российскому законодательству о социальном обеспечении // Журнал российского права. 2018. № 7. С. 16–32.

Азарова Е. Г. Правовое регулирование социального обеспечения женщин и детей (демографический аспект) // Журнал российского права. 2015. № 10. С. 57–73.

Волков Д. В., Погорелова Г. М. Проблемы социального сиротства в современной России // Социальное и пенсионное право. 2007. № 1. С. 14–17.

Воронин Ю. В., Столяров А. В., Тучкова Э. Г. К вопросу о выработке нового общественного договора // Социальное и пенсионное право. 2019. № 4. С. 3–8; 2020. № 1. С. 3–8.

Ескина Л. Б. Поправки к Конституции РФ: обновление содержания или возврат к советской модели // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 2. С. 11–15.

Измайлов В. В. Правовая природа и некоторые проблемы усыновления в период реформирования семейного законодательства России // Семейное и жилищное право. 2021. № 2. С. 6–9.

Истомина Е. А., Федорова М. Ю. Конституционная терминология в сфере социальной защиты // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2024. № 2. С. 5–13.

Крашенинников П. В., Бадулина Е. В. Поддержка института семьи: конституционные поправки // Семейное и жилищное право. 2020. № 4. С. 19–24.

Махник Д. И., Крысенкова Н. Б., Цомартова Ф. В. Право и социальное развитие: новая гуманистическая иерархия ценностей // Журнал российского права. 2014. № 8. С. 144–169.

Мизулина Е. Б. В здоровом обществе не может быть ничейных детей // Парламентская газета. 2008. 6 марта. С. 14.

Полукаров А. В. Коррупциогенные риски в социальном законодательстве и административно-правовых средствах противодействия им // Административное и муниципальное право. 2017. № 1. С. 79–94.

Раздьяконова Е. В. К вопросу о признаках социально-экономического конституционализма // Юридическая наука и практика. 2020. Т. 16. № 2. С. 33–40.

Ряховская Т. И. Иллюстрации некоторых конституционных особенностей Российской Федерации в контексте исследования конституционной идентичности // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 7. С. 7–11.

Салчак А. А. Ювенальная юстиция: проблемные вопросы гражданско-правового аспекта // Российская юстиция. 2010. № 12. С. 34–38.

Шелудякова Т. В. Понятие и признаки социальной политики государства в России и зарубежных странах // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 2. С. 42–45.

References

Azarova E. G. (2015) Konstitutsionnye garantii sotsial'nogo obespecheniya detei [Constitutional Guarantees of Social Security for Children]. In *Zhurnal rossiiskogo prava*, no. 2, pp. 65–81.

Azarova E. G. (2015) Pravovoe regulirovanie sotsial'nogo obespecheniya zhenshchin i detei (demograficheskii aspekt) [Legal Regulation of Social Security for Women and Children (Demographic Aspect)]. In *Zhurnal rossiiskogo prava*, no. 10, pp. 57–73.

Azarova E. G. (2018) Konstitutsionnye trebovaniya k rossiiskomu zakonodatel'stvu o sotsial'nom obespechenii [Constitutional Requirements for Russian Legislation on Social Security]. In *Zhurnal rossiiskogo prava*, no. 7, pp. 16–32.

Azarova E. G. (2021) Deti kak prioritet gosudarstvennogo regulirovaniya sotsial'nogo obespecheniya [Children as a Priority of State Regulation of Social Security]. In *Zhurnal rossiiskogo prava*, no. 5, pp. 106–119.

Eskina L. B. (2022) Popravki k Konstitutsii RF: obnovenie sodержaniya ili vozvrat k sovetskoj modeli [Amendments to the Constitution of the Russian Federation: Updating the Content or Returning to the Soviet Model]. In *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, no. 2, pp. 11–15.

Istomina E. A., Fedorova M. Yu. (2024) Konstitutsionnaya terminologiya v sfere sotsial'noi zashchity [Constitutional terminology in the sphere of social protection]. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 2, pp. 5–13.

Izmajlov V. V. (2021) Pravovaya priroda i nekotorye problemy usynovleniya v period reformirovaniya semeinogo zakonodatel'stva Rossii [Legal Nature and Some Problems of Adoption during the Period of Reforming Family Legislation in Russia]. In *Semeinoe i zhilishchnoe pravo*, no. 2, pp. 6–9.

Krashennikov P. V., Badulina E. V. (2020) Podderzhka instituta sem'i: konstitutsionnye popravki [Support for the Institution of the Family: Constitutional Amendments]. In *Semeinoe i zhilishchnoe pravo*, no. 4, pp. 19–24.

Mahnik D. I., Krysenkova N. B., Tsomartova F. V. (2014) Pravo i sotsial'noe razvitiye: novaya gumanisticheskaya ierarkhiya tsennostei [Law and social development: a new humanistic hierarchy of values]. In *Zhurnal rossiiskogo prava*, no. 8, pp. 144–169.

Mizulina E. B. (2008) V zdorovom obshchestve ne mozhet byt' nicheinykh detei [There can be no one's children in a healthy society]. In *Parlamentskaya gazeta*, 6 March, p. 14.

Polukarov A. V. (2017) Korruptsiogennyye riski v sotsial'nom zakonodatel'stve i administrativno-pravovyye sredstva protivodeistviya im [Corruption risks in social legislation and administrative and legal means of counteracting them]. In *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo*, no. 1, pp. 79–94.

Razd'yakonova E. V. (2020) K voprosu o priznakakh sotsial'no-ekonomicheskogo konstitutsionalizma [On the issue of the features of socio-economic constitutionalism]. In *Yuridicheskaya nauka i praktika*, vol. 16, no. 2, pp. 33–40.

Ryahovskaya T. I. (2024) Illyustratsii nekotorykh konstitutsionnykh osobennostei Rossiiskoi Federatsii v kontekste issledovaniya konstitutsionnoi identichnosti [Illustrations of Some Constitutional Features of the Russian Federation in the Context of the Study of Constitutional Identity]. In *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, no. 7, pp. 7–11.

Salchak A. A. (2010) Yuvenal'naya yustitsiya: problemnyye voprosy grazhdansko-pravovogo aspekta [Juvenile Justice: Problematic Issues of the Civil Law Aspect]. In *Rossiiskaya yustitsiya*, no. 12, pp. 34–38.

Sheludyakova T. V. (2013) Ponyatie i priznaki sotsial'noi politiki gosudarstva v Rossii i zarubezhnykh stranakh [Concept and Features of State Social Policy in Russia and Foreign Countries]. In *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*, no. 2, pp. 42–45.

Volkov D. V., Pogorelova G. M. (2007) Problemy sotsial'nogo sirotstva v sovremennoi Rossii [Problems of social orphanhood in modern Russia]. In *Sotsial'noe i pensionnoe pravo*, no. 1, pp. 14–17.

Voronin Yu. V., Stolyarov A. V., Tuchkova E. G. (2019) K voprosu o vyработке novogo obshchestvennogo dogovora [On the issue of developing a new social contract]. In *Sotsial'noe i pensionnoe pravo*, no. 4, pp. 3–8.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.10.2024

Дата принятия рукописи в печать: 20.02.2025

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ РАЗВИТИЕ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

Толстых Владислав Леонидович

Доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения
Российской академии наук (Москва), ORCID: 0000-0001-5103-5324, e-mail: vlt73@mail.ru.

Период с 1911 по 1949 г. – время «сборки» Китая как государства. В течение этого времени он опробовал разные формы правления и территориального устройства и разные идеологии, использовал разные внешнеполитические стратегии: изоляционизм, ориентацию на Запад и сотрудничество с СССР. Результатами стали выбор в пользу республики, унитаризма и коммунизма (все это с выраженной китайской спецификой) и формирование паттернов, определяющих внутреннюю и внешнюю политику Китая. Статья описывает процесс развития китайского государства, акцент сделан на событиях, имеющих отношение к международному праву. Указанный период делится на две части: период политической турбулентности, предшествовавший японской агрессии (1911–1931), и период относительной консолидации (1931–1949), вызванный данной агрессией. Кроме того, рассматриваются состояние китайской доктрины международного права, обстоятельства отделения Монголии и отношения между Китаем и Тибетом. В заключении автор делает ряд выводов. Во-первых, в указанный период Китай решил сразу четыре задачи: он преодолел зависимость от иностранных государств, отказался от старой феодальной системы в пользу республики, преодолел региональную раздробленность и разрешил классовые противоречия. Во-вторых, институты современного китайского государства были сформированы как ответ на вызовы, вставшие перед китайским народом. В-третьих, внешнеполитические задачи были решены лишь частично: Китай добился отмены неравноправных договоров и частично восстановил свою территориальную целостность, но не смог эффективно противодействовать агрессии со стороны Японии. В-четвертых, опыт данного периода определил внешнеполитические стратегии Китая (самодостаточность, инструментализм и др.). В-пятых, трансформация Китая породила ряд новых проблем, связанных с самоопределением, изоляционизмом и рецепцией права.

Ключевые слова: международное право, история государства и права, государственность, право на самоопределение, неравноправные договоры, международные споры

Для цитирования: Толстых В. Л. Политико-правовое развитие и международно-правовая политика Китая в первой половине XX в. // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 1. С. 13–32. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_1_13.

POLITICAL AND LEGAL DEVELOPMENT AND INTERNATIONAL LEGAL POLICY IN CHINA IN THE FIRST HALF OF THE XX CENTURY

Tolstykh Vladislav

Doctor of legal sciences, leading researcher, Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences (Moscow), ORCID: 0000-0001-5103-5324, e-mail: vlt73@mail.ru.

The period from 1911 to 1949 was a time of «assembling» China as a state. During this time, it tried out different forms of government and territorial organisation and different ideologies, are experienced different foreign policy strategies: isolationism, orientation

towards the West and cooperation with the USSR. The result was a choice in favour of a republic, unitarism and communism (all with distinctly Chinese characteristics) and the formation of patterns that shape the domestic and international policies of China. The article describes the process of development of the Chinese state and emphasises events related to international law. The above period is divided into two parts: the period of political turbulence preceding the Japanese aggression (1911–1931) and the period of relative consolidation caused by this aggression (1931–1949); it also examines the state of Chinese international law doctrine, the circumstances of the secession of Mongolia and the relationship between China and Tibet. The author draws a number of conclusions. First, in the above period China resolved four challenges at once: China overcame dependence on foreign states, abandoned the old feudal system in favour of a republic, overcame regional fragmentation and resolved class contradictions. Second, the institutions of the modern Chinese state were formed as a response to the challenges faced by the Chinese people. Third, foreign policy objectives were only partially fulfilled: China managed to abrogate unequal treaties and partially restored territorial integrity, but was unable to effectively counter Japanese aggression. Fourth, the experience of the above period shaped China's foreign policy strategies: self-sufficiency, instrumentalism, etc. Fifth, China's transformation has generated a number of new problems related to self-determination, isolationism and reception of law.

Key words: international law, history of state and law, statehood, right to self-determination, unequal treaties, international disputes

For citation: Tolstykh V. (2025) Political and legal development and international legal policy of China in the first half of the XX century. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnal»*, no. 1, pp. 13–32, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_1_13.

Введение

1. Период с 1911 по 1949 г. – время «сборки» Китая как государства. В течение этого времени он опробовал разные формы правления (монархическую и республиканскую), разные формы территориального устройства (трибутарную систему, квазифедерацию и унитарное государство) и разные идеологии (консерватизм, национализм и коммунизм). Он также использовал разные внешнеполитические стратегии: изоляционизм, ориентацию на Запад и сотрудничество с СССР. Результатом стал выбор в пользу республики, унитаризма и коммунизма (все это с выраженной китайской спецификой). Данный выбор, с одной стороны, отражал личные пристрастия политических лидеров и народных масс, а с другой – стал следствием объективных процессов, как развернувшихся на пространстве бывшей империи Цин, так и происходивших в мире. Другим результатом стало формирование паттернов, определивших и продолжающих определять внутреннюю и внешнюю политику китайского государства.

До недавнего времени этот период не вызывал большого интереса ни у западных ученых, сосредоточившихся на более отдаленном прошлом Китая или его современной политике, ни у китайских авторов, избегавших эту тему в силу ее политизированности. Исключением являются несколько крупных работ Дж. К. Фэрбэнка и исследования, посвященные отдельным фрагментам: неравноправным договорам, роли китайских дипломатов, тибетскому вопросу и др. В последние годы, однако, были опубликованы работы, авторы которых пытаются представить целостную картину событий этого периода и извлечь из нее общие уроки. К их числу относятся монография итальянского автора М. Каррай «Суверенитет в Китае»¹, монография Чжипэн Хэ и Лу Суня «Китайская теория международного права» и др.²

Статья делит указанный период на две части: период политической турбулентности, предшествовавший японской агрессии (1911–1931), и период относительной консолидации (1931–1949), вызванный данной агрессией. Кроме того, рассматриваются состояние китайской доктрины международного права, обстоятельства отделения Монголии и отношения между Китаем и Тибетом. Статья написана на стыке истории,

¹ Carrai M. A. *Sovereignty in China*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.

² Zhipeng He, Lu Sun. *A Chinese Theory of International Law*. Singapore: Springer, 2020.

политологии и юриспруденции: при описании процесса развития китайского государства сделан акцент на событиях, имеющих отношение к международному праву, и приведены их оценки западными, китайскими и иногда российскими авторами. Для российского читателя данная тема представляет интерес не только в силу значимости китайского вектора внешней политики РФ, но и в связи с наличием некоторых параллелей в истории обоих народов.

Синьхайская революция, правление Юань Шикая, «эра милитаристов» и Нанкинское десятилетие (1911–1937)

2. Во второй половине XIX в. Китай пережил восстания тайпинов и ихэтуаней и принял несколько попыток модернизации, не давших результата. Его суверенитет все более ущемлялся в пользу западных держав, России и Японии; трибунарная система распадалась, а престиж династии падал. В 1911 г. в стране произошло несколько восстаний военных частей, первым из них стало Учаньское восстание (10 октября); все они проходили под антицинскими и республиканскими лозунгами (Синьхайская революция). 12 февраля 1912 г. император Пуи отрекся от престола, и власть перешла к правительству во главе с генералом Юань Шикаем. Последний изначально был избран в качестве временного президента, но в декабре 1915 г. объявил себя императором, после чего против него выступили все политические силы, и он был вынужден отречься от престола. После его смерти началась борьба военных кланов («эра милитаристов», 1916–1928). Формально власть принадлежала Бэйянскому правительству (Пекин), внутри которого происходило соперничество Аньхойской и Чжилийской клик, но Синьцзян, Шаньси, Маньчжурия, Сычуань и некоторые другие провинции управлялись самостоятельными правителями – часто из числа военных.

В 1912 г. была создана националистическая партия Гоминьдан во главе с Сунь Ятсеном, обладавшая влиянием на юге страны и в Национальной ассамблее. В 1913 г. Юань Шикай вступил в открытый конфликт с Ассамблеей и приказал убить ее лидера Сун Цзяожэня, после чего подавил плохо организованное восстание южан и запретил Гоминьдан (Сунь Ятсен бежал в Японию). После смерти Юань Шикая Сунь Ятсен воссоздал Гоминьдан и в 1921 г. был избран президентом Китайской республики со столицей в Гуанчжоу (Кантонское правительство). После его смерти в 1925 г. военным лидером Гоминьдана стал Чан Кайши, который в 1926–1928 гг. объединил страну (Северный поход). Председателем национального правительства стал Ван Цзинвэй, выступавший за более тесное сотрудничество с СССР и коммунистами.

В 1921 г. была создана Коммунистическая партия Китая (КПК), принявшая активное участие в Северном походе (Первый объединенный фронт). 3 марта 1927 г. ее сторонники в Шанхае подняли восстание против Бэйянского (Пекинского) правительства, а 23 марта мародеры из Шестой армии, среди которых было много членов КПК, напали на иностранные консульства, фабрики и поселения в Нанкине, после чего корабли западных держав и Японии обстреляли город с целью обеспечить эвакуацию иностранцев. 9 апреля Чан Кайши, встревоженный усилением КПК и левого крыла Гоминьдана, ввел в Шанхае военное положение и разорвал союз с КПК, а 12 апреля члены Зеленой банды, действовавшие по его поручению, убили несколько тысяч членов КПК и левых активистов¹. Ответом на репрессии стали восстания 1927 г. в Наньчане, Хунане и Кантоне – плохо организованные и быстро подавленные. Коммунисты были вынуждены покинуть крупные города и уйти в горные районы провинций Цзянси, Фуцзянь и Хубэй и др., где в 1931 г. провозгласили Советскую республику. Гоминьдан предпринял против них несколько карательных походов, спасаясь от которых они ушли на северо-запад (Великий поход).

3. Период с 1927 по 1937 г. называется *Нанкинским десятилетием*. Его начальный этап характеризовался регулярными мятежами как старых милитаристов, так и гоминьдановских генералов. Захват Японией Маньчжурии, однако, способствовал консолидации политических сил. Главным приоритетом внешней политики Гоминьдана была отмена неравноправных договоров и территориальных уступок. 6 июня 1928 г. Нанкинское правительство заявило, что стороны неравноправных договоров должны «начать переговоры о новых договорах на основе полного равенства и взаимного

¹ Эта дата считается началом гражданской войны.

уважения суверенитета». Эти усилия не принесли большого результата, но Китай добился отмены 20 из 33 концессий.

Другим приоритетом был протекционизм. После Первой мировой войны Китай заключил с Германией и Австрией равноправные торговые соглашения. В 1926 г. Китай потребовал от Бельгии пересмотра договора о дружбе, торговле и мореплавании 1865 г., сославшись на «многочисленные политические и торговые изменения» и практику регулярного пересмотра торговых соглашений. Бельгия предложила передать спор в международный суд, но Китай отказался, заявив, что политические споры, затрагивающие принцип равенства, не могут рассматриваться судами. В итоге стороны заключили новый договор в ноябре 1928 г.¹ В декабре 1928 г. Китай объявил о восстановлении таможенной автономии и новых ставках пошлин; США и некоторые другие государства признали это решение, заключив с Китаем новые торговые соглашения.

Китайские правительства первых десятилетий XX в. часто оценивались как слабые, фрагментированные и коррумпированные, а их внешняя политика – как неэффективная. Некоторые современные авторы, опирающиеся на новые источники, однако, считают, что им удалось решить многие важные задачи: Китай стал активным участником международных отношений, вступил в международные организации, предъявил требования на утраченные территории и стал регулярно использовать правовые аргументы. Большую роль в этом сыграли китайские дипломаты – Веллингтон Ку, Лу Чжэн Сян, Альфред Сао-Кэ Цзе и др. Тем не менее, по мнению китайской доктрины, Китай оставался объектом, а не субъектом международной политики, а Запад по-прежнему использовал международное право для умаления его интересов².

4. В 1898 г. Германия арендовала часть полуострова Шаньдун (Циндао). В 1914 г. ее владения были заняты японцами и британцами. 18 января 1915 г. Япония вручила правительству Юань Шикая 21 требование, сгруппированное в пять групп: передача Шаньдуна, уступки во Внутренней Монголии и Маньчжурии; предоставление прав на Ханьпинский угольно-металлургический комбинат, задолжавший японцам; запрет предоставления иностранцам прибрежных концессий без согласия Японии; приглашение японцев в качестве советников и свобода деятельности японских учреждений. После некоторого сопротивления Юань Шикай принял их (Договор от 25 мая 1915 г.).

В августе 1917 г. Китай объявил войну Германии и Австрии, надеясь на возвращение Шаньдуна и отмену неравноправных договоров. В Версальский договор, однако, была включена ст. 156, согласно которой «Германия отказывается в пользу Японии от всех своих прав... которые она приобрела в силу договора, заключенного ею с Китаем 6 марта 1898 г.». Это решение спровоцировало протесты в Пекине (Движение 4 мая), после которых правительство заявило о непризнании Договора.

В 1921–1922 гг. состоялась Вашингтонская конференция об ограничении морских вооружений и проблемах Дальнего Востока и Тихого океана. Заключенный на ней Договор девяти держав гарантировал целостность Китая, закрепил принцип равных возможностей в торговле с ним, запретил использовать внутреннюю ситуацию в нем для получения особых прав и обязал уважать его нейтралитет. Фактически речь шла об ограничении претензий Японии, которая в 1922 г. под давлением США согласилась вернуть Шаньдун в обмен на привилегии для своих граждан. В 1923 г. сенат Китая объявил Договор с Японией от 25 мая 1915 г. недействительным, сославшись на то, что он не был ратифицирован.

18 сентября 1931 г. японские военные инсценировали диверсию на Южно-Маньчжурской железной дороге (ветка КВЖД, соединявшая Харбин и Порт-Артур и пере-

¹ Wang Tiewa. *International Law in China: Historical and Contemporary Perspectives* // *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*. Vol. 221. 1990. P. 346–348.

² «Революция 1911 года не заставила другие страны мира признать Китай современной страной. Следуя логике империализма, Великобритания заглядывалась на китайский Тибет, Россия – на северо-восток Китая и Монголию, а Япония жаждала не только китайский полуостров Шаньдун, но также северо-восток и Монголию. Они предприняли ряд правовых мер, подкрепленных угрозами, включая конференцию в Симле, договор Чукту (*Chuktu Treaty*), „21 статью“ и т. д., чтобы заставить Китай принести в жертву еще больше интересов... Международная система постоянно обманывала доверие Китая и заставляла китайцев чувствовать, что международное право является ненадежным, добавляя к этому множество пассивных и негативных впечатлений» (*Zhipeng He, Lu Sun*. *Op. cit.* P. 114, 120).

данная Японии по Портсмутскому договору) (Мукденский инцидент). Используя это как предлог, Япония оккупировала Маньчжурию, создав марионеточное государство Маньчжоу-Го. Правительство Китая заняло позицию несопротивления¹ и обратилось в Лигу Наций, но проект резолюции Совета Лиги, требовавший вывода войск, был заблокирован Японией. В 1932 г. комиссия Лиги (Комиссия Литтона) установила, что Япония нарушила Устав Лиги, отвергла ее аргументы о самообороне и о несостоятельности Китая как государства и признала Маньчжоу-Го марионеточным режимом. Вместе с тем, стремясь к компромиссу, она признала дефекты китайского управления в Маньчжурии, не назвала Японию агрессором и предложила предоставить Маньчжурии большую степень автономии. В марте 1933 г. Япония покинула Лигу. В Китае она продолжила распространять свое влияние на северные провинции, способствуя их независимости от центральной власти, и захватила ряд новых территорий. В 1935 г. СССР, занявший позицию нейтралитета, продал КВЖД Маньчжоу-Го.

В ответ на японскую агрессию США сформулировали доктрину Стимсона, в соответствии с которой признание не должно предоставляться государствам, образовавшимся в результате агрессии (частный случай действия принципа *ex injuria jus non oritur*)². Эта доктрина была взята на вооружение и китайской дипломатией, благодаря чему постепенно стала обычной нормой.

5. В 1890-х гг. Россия получила в аренду Порт-Артур (Ляодунский полуостров), а также концессию на строительство КВЖД, соединившую Читу с Владивостоком и Порт-Артуром. Финансирование и эксплуатация КВЖД осуществлялись Русско-Китайским банком, а позднее Русско-Азиатским банком. После Октябрьской революции Россия и Китай провели несколько раундов переговоров: Россия стремилась получить признание и установить дипломатические отношения, а Китай – получить права на КВЖД и восстановить контроль над Монголией³. Признание СССР рядом западных держав в 1924 г. ухудшило позиции Китая.

31 мая 1924 г. стороны подписали Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между СССР и Китайской республикой (КР), в котором договорились восстановить дипломатические отношения, в месячный срок созвать конференцию, на которой заменить предыдущие договоры новыми на основе равенства и справедливости. В ст. 9 стороны закрепили намерение урегулировать на этой конференции вопрос о КВЖД, опираясь на ряд принципов (коммерческий характер деятельности, компетенция администрации КВЖД только в деловых вопросах, возможный выкуп КВЖД правительством КР). В ст. 12 СССР отказался от экстерриториальных прав и консульской юрисдикции. Конференция, предусмотренная Соглашением, состоялась с четырнадцатимесячным опозданием; формальным предлогом, на который сослался советский представитель Л. М. Карахан, было неприбытие советских экспертов и отсутствие инструкций от правительства⁴.

¹ По словам Чан Кайши, Китай должен «справедливостью встречать насилие, миром встречать варварство, без гнева терпеть унижения, временно всему покориться». Цит. по: Чудодеев Ю. В. СССР и Китай накануне и в годы Второй мировой войны // Общество и государство в Китае. 2015. Т. 45. № 2. С. 750.

² См. ноты правительства США от 7 января 1932 г.: «Американское правительство считает своим долгом уведомить Императорское правительство Японии и правительство КР о том, что оно не может признать законность какой-либо ситуации *de facto* и не намерено признавать какой-либо договор или соглашение, заключенные между ними или их представителями, которые могут ущемить договорные права Соединенных Штатов или их граждан в Китае, в том числе те, которые касаются суверенитета, независимости или территориальной и административной целостности КР или международной политики по отношению к Китаю, широко известной как политика открытых дверей; и что оно не намерено признавать какую-либо ситуацию, договор или соглашение, которые могут быть достигнуты средствами, противоречащими условиям и обязательствам Парижского пакта от 27 августа 1928 года...» См.: The Secretary of State to the Consul General at Nanking (Peck). URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1932v03/d10> (дата обращения: 06.02.2025).

³ По словам И. А. Литвиновского, «в итоге возникла своеобразная, нечасто встречающаяся в международной практике ситуация, когда страны, не имеющие между собой официальных дипломатических отношений, имеют на своей территории дипломатических представителей, признавая за ними определенные полномочия» (Литвиновский И. А. Восстановление советско-китайских отношений в 1924 г. // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 8 / под ред. А. П. Салькова, О. А. Яновского. Минск: БГУ, 2013. С. 179).

⁴ Об отношениях СССР и Китая в этот период см.: Литвиновский И. А. Указ. соч. С. 174–184; Герасимов Д. И. Советско-китайские отношения в 1919–1924 гг.: формирование дальневосточного узла противоречий // Человеческий капитал. 2022. № 7. С. 11–22.

31 мая 1924 г. было заключено Соглашение о временном управлении КВЖД, возложившее эту функцию на Правление из десяти человек (пять от СССР, пять от КР). Статья V закрепила принцип равного представительства при назначении служащих КВЖД. 20 сентября 1924 г. СССР, однако, подписал секретное соглашение с главой Маньчжурии Чжан Сюэляном, пообещав предоставить ему право назначения китайских членов Правления. В результате СССР приобрел фактический контроль над КВЖД, 67 % служащих которой были его гражданами.

После подавления Кантонского восстания власти КР казнили пятерых сотрудников советского консульства и закрыли советские представительства. В 1928 г. они объявили Соглашение 1924 г. неравноправным, а в 1929 г. арестовали 2 тыс. служащих КВЖД и консульства СССР в Харбине и захватили имущество КВЖД. В ответ СССР арестовал ряд китайских граждан, отозвал дипломатов и остановил железнодорожное сообщение. После этого Китай разорвал дипломатические отношения. Осенью 1929 г. СССР направил части Красной армии в Маньчжурию, заявив, что стремится разгромить милитаристов, а не захватить территорию. Эта стратегия оказалась успешной, и 22 декабря 1929 г. СССР и Китай подписали Хабаровский протокол, восстановивший действие Соглашения 1924 г. и статус КВЖД как совместного предприятия. В ходе операции СССР занял Большой Уссурийский остров, который был возвращен Китаю только в 1991 г.

СССР был также вовлечен в события в Синьцзяне. С 1907 г. этот регион управлялся Ян Цзэнсином, опиравшимся на мусульман-хуэй (дунган). После Октябрьской революции Ян интернировал 30 тыс. белогвардейцев и заключил с Россией торговое соглашение; советские консульства были открыты в Синьцзяне, а китайские, подчинявшиеся Урумчи, – в Семипалатинске, Улан-Уде, Ташкенте и др. В 1928 г. Ян был убит. Новый губернатор Цзинь Шужэнь поощрял иммиграцию ханьцев, продвигал своих соратников и повысил налоги, что привело к Кумульскому восстанию мусульман. После того как он заключил с СССР тайное соглашение о поставках оружия и переброске интернированных в СССР китайцев, Гоминьдан попытался сместить его при помощи дунган (сражение при Урумчи), но в итоге он был смещен служившими под его началом белогвардейцами (1933 г.). Новый губернатор Шэн Шицай при поддержке белогвардейцев и приглашенных советских частей подавил дунган и провозгласил равноправие народов Синьцзяна. В 40-х гг. правительство КР восстановило контроль над этим регионом.

Японо-китайская война и возобновление гражданской войны (1937–1949)

6. В 1937 г. началась вторая японо-китайская война; поводом для нее стал инцидент на мосту Лугоу (Марко Поло) (7 июля). В соответствии с Заключительным протоколом от 7 сентября 1901 г., заключенным после подавления восстания ихэтуаней, Китай согласился на оккупацию западными державами, Россией и Японией 12 пунктов между Пекином и морем. Япония разместила в этих пунктах 7–15 тыс. человек; Гоминьдан удерживал город-крепость Ваньпин (восточный конец моста, по которому проходила железная дорога). Во время учений японских сил пропал один солдат, и японцы потребовали разрешения войти в Ваньпин. Получив отказ, они начали обстрел Ваньпина, но китайцы смогли удержать его. Спустя некоторое время японцы начали полномасштабное наступление и заняли Пекин, Тяньцзинь, Шанхай и Нанкин. В 1938–1939 гг. были заняты Шаньдун, Ухань, Кантон, Наньчан и Фучжоу. Столкнувшись с сопротивлением китайской армии и мощным партизанским движением, они, однако, были вынуждены перейти к локальным операциям и пропаганде панasiatизма. Вплоть до конца 1941 г. Китай не объявлял войну Японии (как и Япония – Китаю) и не разрывал с ней дипломатических отношений, так как этот шаг позволил бы Японии ввести морскую блокаду, что привело бы к прекращению поставок через нейтральные порты во Вьетнаме и Мьянме¹.

¹ В деле *Kawasaki* (решение Высокого суда Англии от 26 мая 1938 г.) британская компания сдала в аренду японской компании судно *Nailsea Meadow* под условием, что в случае войны с участием Японии контракт будет расторгнут. После нападения Японии на Китай она заявила о расторжении контракта. Японская сторона обратилась в арбитраж, а затем в Высокий суд, ссылаясь на то, что Япония не находится в состоянии войны с Китаем. Суд поддержал британскую компанию. Он описал военные действия и отметил, что на стороне Японии воюют 100 тыс. человек, используются самолеты, танки и артиллерия,

12 декабря 1936 г. генерал Чжан Сюэлян арестовал Чан Кайши и потребовал от него прекратить гражданскую войну и вступить в союз с КПК ради спасения страны (Сианьский инцидент). Чан был вынужден выполнить эти требования, после чего был создан Второй объединенный фронт. Части Национально-революционной армии, сформированные из коммунистов, провели несколько успешных операций («Битва ста полков» и др.). В 1938 г. отношения между КПК и Гоминьданом стали портиться: причинами были стремление КПК установить контроль над партизанским движением, усиление ее военной мощи и неповиновение приказам Гоминьдана. В декабре 1940 г. части Гоминьдана атаковали Новую 4-ю армию (коммунисты) и уничтожили ее. После этого тактика сторон изменилась: помимо сражений с японцами они пытались расширить свои сферы влияния.

7. 7 декабря 1941 г. Япония атаковала американскую базу в Перл-Харборе, а 8 декабря – британский Гонконг; в результате этих событий китайский фронт стал для нее второстепенным, а японо-китайская война стала одним из театров Второй мировой войны. 9 и 10 декабря 1941 г. Китай объявил войну Японии¹, Германии и Италии, указав, что все договоры с этими странами являются недействительными. 26 декабря 1941 г. Китай заключил военный союз с Великобританией и США, а 11 января 1943 г. подписал с этими державами договоры, отменившие консульскую юрисдикцию, концессии, специальные суды, иностранную лоцманскую проводку и др. Позднее похожие договоры были заключены с другими государствами. В 1943 г. Китай, Великобритания и США подписали Каирскую декларацию о целях войны с Японией, а в 1945 г. – Потсдамскую декларацию, предусматривавшие независимость Кореи и возвращение Китаю Тайваня и Маньчжурии.

В 1941–1944 гг. военные действия на территории Китая носили локальный характер, но весной 1944 г. японцы провели крупное наступление, установив контроль над почти всем востоком страны. К 1945 г. Япония, однако, утратила способность к активным действиям; ее армия была разбита западными державами на Тихом океане и СССР в Маньчжурии. В начале августа коммунисты и националисты перешли в наступление, а 14 августа Япония капитулировала.

8. Позиция СССР в японо-китайской войне претерпела несколько трансформаций. На первом этапе (1937–1941) СССР помогал Китаю: предоставлял кредиты, направлял военных советников, поставлял оружие, построил дорогу для их доставки и нефтеперегонный завод в Синьцзяне. В августе 1937 г. был подписан советско-китайский договор о ненападении, а в 1938 и 1939 гг. СССР выступил против Японии в двух пограничных конфликтах². В 1941 г. СССР перестал поддерживать Китай в связи с заклю-

---

а на стороне Китая – 300 тыс. человек. При заключении контракта стороны должны были использовать термин «война» в том значении, в котором его понимают коммерсанты, и вряд ли вдавались в тонкости международного права.

¹ Заявление о войне с Японией гласит: «Национальная политика Японии всегда была направлена на господство в Азии и овладение Тихим океаном. Более четырех лет Китай решительно противостоял японской агрессии, невзирая на страдания и жертвы, чтобы не только сохранить свою национальную независимость и свободу, но и поддержать международное право и справедливость, а также способствовать миру во всем мире и человеческому счастью. Китай – миролюбивая нация. Взяв в руки оружие для самообороны, Китай питал надежду, что Япония еще может осознать тщетность своих завоевательных планов. На протяжении этой борьбы все другие державы проявляли максимальную терпимость, надеясь, что Япония однажды раскается и изменит свою политику в интересах мира во всем Тихоокеанском регионе. К сожалению, агрессивные склонности Японии оказались неисправимыми. После долгих и бесплодных попыток завоевать Китай Япония, не проявляя никаких признаков раскаяния, вероломно напала на друзей Китая – Соединенные Штаты и Великобританию, тем самым расширив театр своей агрессивной деятельности и превратив себя в заклятого врага справедливости и мира во всем мире. Этот последний акт агрессии со стороны Японии обнажает ее ненасытные амбиции и создает ситуацию, с которой не может мириться ни одна нация, верящая в международную добросовестность и человеческую порядочность. Настоящим правительство Китая официально объявляет войну Японии. Правительство Китая также заявляет, что все договоры, конвенции, соглашения и контракты, касающиеся отношений между Китаем и Японией, являются недействительными». См.: World War II: China's Declaration of War Against Japan, Germany and Italy (December 9, 1941). URL: <https://www.jewishvirtuallibrary.org/china-s-declaration-of-war-against-japan-germany-and-italy-december-1941> (дата обращения: 06.02.2025).

² В 1938 г. произошел конфликт у озера Хасан. Советская сторона ссылается на провокации японцев (нарушения границы) и их попытки захватить участки возле границы; японцы – на то, что советские войска в нарушение Пекинского договора 1860 г. заняли несколько высот на маньчжурской территории (соп-

чением с Японией Пакта о нейтралитете (13 апреля 1941 г.), началом Великой Отечественной войны и сближением Китая с США. Летом 1945 г. СССР денонсировал Пакт и разбил Квантунскую армию в Маньчжурии, вернув себе Курильские острова и юг Сахалина, а Китаю – Маньчжурию¹. 14 августа 1945 г. СССР и Китай подписали Договор о дружбе и сотрудничестве.

После войны Китай стал одним из основателей ООН и постоянным членом Совета Безопасности. 10 октября 1945 г. при посредничестве США Гоминьдан и КПК подписали соглашение о переходе к конституционному правлению. Работа Политического консультативного совещания в январе 1946 г., однако, не увенчалась успехом, и в стране возобновилась гражданская война («Война за освобождение»). США поддержали Гоминьдан, а СССР – КПК (он, в частности, отказался передать занятую им Маньчжурию Гоминьдану и передал коммунистам японскую технику в обмен на поставки продовольствия из Маньчжурии). Силы КПК, сосредоточенные на северо-востоке, постепенно заняли центр и юг страны. 1 октября 1949 г. в Пекине была провозглашена КНР², а 7 декабря гоминьдановцы эвакуировались на Тайвань.

Внешняя политика Гоминьдана в этот период была сосредоточена на противостоянии японской агрессии, отмене неравноправных договоров и восстановлении контроля над Тибетом и Монголией. Китайские авторы, анализирующие этот период, обычно отмечают стремление западных держав и СССР использовать Китай в своих целях, сохранение элементов неравноправия, несовершенство международного порядка, вклад Китая в победу союзников во Второй мировой войне³ и вклад китайских дипломатов в строительство нового порядка. При этом они принижают роль Гоминьдана в отмене неравноправных договоров⁴.

Китайская наука международного права

9. В данный период в Китае начала развиваться наука международного права. Правительство приглашало иностранных юристов читать лекции и советовалось с ними (например, в споре с Бельгией), а китайская молодежь получала образование в университетах Европы, Японии и США. Известный ученый Чжоу Вэй (Zhou Wei) получил техническое и юридическое образование во Франции и защитил в Швейцарии диссертацию на тему «Юридическая организация международного сообщества» (1917). Он предложил две модели обеспечения мира: добровольное разоружение и создание наднациональной организации, карающей за незаконное применение силы, отдав предпочтение второй; соответствующая организация должна состоять из парламента, суда и администрации, обеспечивающей исполнение ее решений. Он также подробно рассмотрел вопрос об экономических санкциях (бойкотах). По возвращении в Китай (1918) он занял должность в МИД и начал преподавать в Пекинском

ки Заозерная и Безымянная). Японские силы были разбиты. В 1939 г. произошел более масштабный конфликт. Японцы считали, что граница между Маньчжоу-Го и Монголией проходит по руслу Халхин-Гола, и ссылались на старые карты (сфабрикованные, по мнению советских историков); СССР – что она проходит на 15 км восточнее. Советские войска находились в Монголии на основании Протокола о взаимопомощи 1936 г. Японская армия атаковала советские части, размещенные на восточном берегу, форсировала реку и попыталась закрепиться на западном берегу, но была разгромлена Красной армией, позднее осуществившей контрнаступление. В сентябре 1939 г. было подписано соглашение о прекращении военных действий, а в 1942 г. – соглашение о демаркации.

¹ Чудодеев Ю. В. Указ. соч. С. 750–772; Нетужилов К. Е. Японо-китайская война (1937–1945) в отражении советской периодической печати // Россия в глобальном мире. 2016. № 8. С. 104–112.

² СССР стал первым государством, признавшим КНР (2 декабря). Чжипэн и Лу, однако, напоминают, что советское посольство эвакуировалось вместе с Гоминьданом на Тайвань, в то время как американское осталось в Нанкине (*Zhipeng He, Lu Sun. Op. cit. P. 127*).

³ «Китайский народ родился в страданиях и испытывал недостаток комфорта. Благодаря внутренней солидарности и мужеству, а также активному сотрудничеству с иностранными государствами он противостоял японской агрессии и уничтожил большое количество живой силы японцев. В общем процессе Второй мировой войны Китай не только не погиб, но и возродился в огне, внося выдающийся вклад в победу в мировой антифашистской войне» (*Zhipeng He, Lu Sun. Op. cit. P. 122–123*).

⁴ Ван Тейя завершает обзор этого вопроса следующим пассажем: «Предсмертный звонок по режиму неравноправных договоров прозвучал с основанием КНР». Далее он ссылается на ст. 55 Общей программы Народной политической консультативной конференции от 29 сентября 1949 г., согласно которой правительство КНР должно изучить договоры Гоминьдана с иностранными правительствами и в зависимости от их содержания признать, отменить, пересмотреть или перезаключить их (*Wang Tieya. Op. cit. P. 262*).

университете, но уже в 1919 г. вернулся в Европу в составе китайской делегации на Парижской мирной конференции, а затем делегации при Лиге Наций. В 1921 г. он был избран членом-корреспондентом Института международного права¹.

Цянь Тай (Qian Tai, 1886–1962), также учившийся во Франции и работавший в правительстве, делал акцент на праве на существование (*shengcunquan*); по его мнению, оно стоит выше договоров и обычаев и является источником прав на самосохранение и свободу. Альфред Саоке Сзе (Alfred Sao-ke Sze, 1877–1958) развил эту идею: по его словам, некоторые права присущи государствам в силу суверенитета и основаны на предположении, что государства являются политическими личностями, подобными индивидам. Со времен Канта признано, что человек – конечная цель, а его благо – абсолютное добро; применив эту доктрину к государствам, мы приходим к тому, что ни одна нация не имеет этического или юридического права использовать ресурсы или рынки другого государства для продвижения своих интересов в ущерб благу этого государства. Право на существование есть право государства защищать материальные и культурные интересы своего народа, существенные для поддержания его удовлетворительной жизни. Экстерриториальность и ограничение тарифной автономии посягают на суверенное право Китая использовать его фискальные полномочия для обеспечения процветания его народа; неравноправные договоры, таким образом, лишены этической основы и противоречат праву на существование².

Чжоу Гэншэн (Zhou Gengsheng, 1889–1971) получил образование в Японии, Великобритании и Франции и работал в университетах Пекина и Уханя. В своих ранних работах он констатировал постепенное распространение идеи взаимной помощи (*Qunxing gongji zhi sixiang*), отрицающей борьбу между государствами и являющейся основой интернационализма (*guoji zhuyi*). Лига Наций должна стать ответственной за реализацию этой идеи. Самые сильные государства, опирающиеся на силу, неизбежно терпят поражение, сталкиваясь с коллективной силой международного сообщества. В связи с этим политический реализм, делающий ставку на применение силы, недалек от идеала. Как и Лига Наций, ООН должна проводить политику коллективной безопасности, успех которой зависит от сотрудничества между США и СССР. После создания КНР Чжоу пересмотрел свои взгляды и заявил, что международные организации используются империалистами для вмешательства в дела других государств³.

Веллингтон Ку (Gù Wéijūn, 1888–1985), занимавший должности министра иностранных дел, премьер-министра и президента КР, в своей диссертации, защищенной в Колумбийском университете (1912), утверждал, что права иностранцев, закрепленные в неравноправных договорах, были обеспечены «с помощью меча». Иностранные государства пытаются добиться от Китая односторонних преимуществ, в то время как в отношениях между государствами, как и в отношениях между людьми, должны преобладать взаимная терпимость и уступки. Отсутствие взаимности в связи с этим может быть основанием для прекращения договора. В ходе Парижской конференции Ку сослался на доктрину *rebus sic stantibus*, заявив, что соглашения с Японией были заключены под давлением, носят временный характер и затрагивают военные вопросы, которые следует решить на Конференции. Его доводы, однако, не были услышаны.

Лю Ши Шунь (Liu Shih Shun), первый посол Китая в Канаде, придерживался иной позиции, считая, что неравноправные договоры могут быть аннулированы только по взаимному согласию, а односторонние действия со ссылкой на отсутствие взаимности недопустимы. Прекращение экстерриториальности и восстановление суверенитета – вопрос времени, поскольку доктрина территориального суверенитета стала преобладающей, а китайская правовая система – достаточно зрелой и совместимой со «стандартом цивилизации»⁴.

Среди крупных китайских работ по международному праву следует отметить монографии Нин Севань (Ning Xiewan, *Public Law of All Nations*, 1919) и Тао Юэ (Tao Yue,

¹ Li Chen. A forgotten proponent of a league of nations and his contributions to international law // *Leiden Journal of International Law*. 2022. Vol. 35. № 2. P. 245–263.

² Carrai M. A. Op. cit. P. 114–117.

³ Hiroki Morikawa. In Pursuit of Peace: Zhou Gengsheng's Internationalism after the World Wars // *ZINBUN*. 2017. № 47. P. 177–194.

⁴ Carrai M. A. Op. cit. P. 117–119.

History Theory of Modern International Law, 1943). Кроме того, на китайский язык было переведено несколько работ японских авторов (Shingo Nakamura, Yoshiyuki Imai и др.)¹.

Принцип самоопределения

10. После падения Цин Тибет и Монголия объявили о независимости, а Маньчжурия, Внутренняя Монголия и некоторые другие регионы стали фактически самостоятельными. Правительство КР, однако, претендовало на суверенитет над ними. Статья 3 Временной Конституции 1912 г. гласила: «Территория КР состоит из 22 провинций, Внутренней и Внешней Монголии, Тибета и Цинхая»; ст. 1 Временной Конституции 1931 г.: «Территория КР состоит из различных провинций, Монголии и Тибета» (ст. 80 устанавливала, что система местного управления в Монголии и Тибете будет регулироваться специальным законом с учетом местных условий). Конституция 1947 г. определяла Тибет и Монголию как самоуправляемые регионы в составе Китая. Некоторые карты включали в состав китайской территории Таиланд, Мьянму и Корею.

Китай рассматривал национальное единство и территориальную целостность как критерий государственности и цивилизованности. В начале XX в. начал формироваться принцип самоопределения, который он воспринял с учетом своего исторического опыта. Идеологической основой национальной политики Гоминьдана стал один из трех народных принципов Сунь Ятсена – *миньцзу* (*mínzú zhūyì*, национализм), имевший несколько аспектов. Во-первых, китайский народ должен преодолеть угрозу со стороны империалистических держав и стать независимой нацией; для этого он должен обрести экономическую независимость и военную силу. Во-вторых, основная нация – хань – должна освободиться от власти маньчжуров². В-третьих, хань, монголы, тибетцы, мусульмане (уйгуры) и маньчжуры должны создать единое государство, в котором каждому из этих народов будет предоставлено ограниченное самоуправление («союз пяти народов», символом которого стал пятицветный флаг). В-четвертых, указанный союз предполагает не равенство культур, но постепенную ассимиляцию всех других народов ханьцами. Таким образом, в основе принципа *миньцзу* лежали нарративы, восходящие к идее Тянься.

Чан Кайши писал: «Наша китайская нация (*zhonghua minzu*) была образована путем смешения многочисленных кланов. Эти кланы изначально были ветвями одной расы, распространившейся на восток от Памирского плато... Но движущей силой этого смешения была ассимиляция, а не завоевание. На территории Китая обычаи каждого клана и образ жизни в каждой местности были разными. Тем не менее обычаи каждого клана были объединены, чтобы сформировать национальную культуру Китая, и сочетание образов жизни в каждой местности сделало возможным существование китайской нации. Этот выдающийся факт истории Китая основан на его географии, экономической структуре, требованиях национальной обороны и общей исторической судьбе (*mingyun*) и не является лишь результатом политической необходимости»³.

Принцип *миньцзу* подвергается критике со стороны некоторых западных авторов. Так, по мнению Дж. Милворда, китайской историографии свойственны несколько ключевых нарративов: первый состоит в том, что любой народ, тесно взаимодействующий с Китаем, становится китайцами из-за притяжения китайской культуры (именно этим объясняется мирное увеличение территории Китая); второй – идея преемственности, т. е. сохранения основных ценностей китайской культуры на протяжении всей истории; третий – идея «конфуцианского мира» (отказ от конфронтации и применения силы). Эти нарративы, однако, не подтверждены: Китай осуществлял экспансию и поселенческий колониализм на Тайване с конца XVII в., в Монголии с XIX в., в Синьцзяне и Тибете после 1949 г. Образования, существовавшие на территории

¹ Yuanzhen Ji. The Generation and Development of International Law Ideology in China // Chinese Studies. 2018. № 7. P. 120.

² «Причины национальной революции в том, что мы не желаем, чтобы маньчжуры уничтожали нашу государственность и управляли нами. Мы стремимся свергнуть их правительство и возродить наше национальное государство. Таким образом, мы питаем ненависть не ко всем маньчжурам, а лишь к тем из них, кто чинит вред ханьцам» (Сунь Ятсен. Избранные произведения. М.: Наука, 1985).

³ Chiang Kai-shek. China's Destiny. N. Y.: Roy Publishers, 1947. P. 30, 35.

Китая, отличались друг от друга идеологически, территориально и этнографически и конкурировали друг с другом (образования тангутов, киданей и чжурчженей не были китайскими)¹.

Монголия

II. Внешняя Монголия (Халха), отделенная от Китая пустыней Гоби, признала власть династии Цин в 1691 г. 1 декабря 1911 г. ее князь и ламы объявили о независимости, сославшись на падение династии. Россия, заинтересованная в ресурсах Монголии и создании на ее территории буферного государства, поддержала стремление Монголии к независимости, одновременно пытаясь не допустить ухудшения отношений с Китаем. 21 октября 1912 г. Россия заключила с Монголией *Соглашение о дружбе*, в котором обязалась оказывать ей «помощь к тому, чтобы она сохранила установленный ею автономный строй, а также право содержать свое национальное войско, не допуская на свою территорию китайских войск и колонизации своих земель китайцами»; Монголия, со своей стороны, предоставила России ряд преимуществ. В русскоязычной версии Соглашения использовался термин «Монголия», а в монгольской – «государство Монголия» (*Монгол улс*). Китайские власти не признали Соглашение, а общественность обвинила Россию в агрессии. 8 апреля 1912 г. Юань Шикай отменил вассальный статус Монголии, Тибета и Восточного Туркестана и приравнял их к провинциям. Российско-китайская *Декларация* от 23 октября 1913 г. подтвердила *сюзеренитет* Китая и *автономию* Внешней Монголии; Китай обязался не вмешиваться в ее внутреннее управление, не содержать в ней гражданских и военных властей и не колонизировать ее (разрешалось лишь направление амбана). Эта Декларация не была признана Монголией. Трехсторонний *Кяхтинский договор* от 25 мая 1915 г. признал сюзеренитет Китая и автономию Монголии в составе Китая; Монголия не имела права заключать международные договоры по политическим и территориальным вопросам, но имела право заключать торговые соглашения².

Российская доктрина склонна преувеличивать значение этих актов, особенно Соглашения 1912 г. Так, по мнению Б. Э. Нольде, при сюзеренитете «между политическими единицами устанавливается гораздо более поверхностная связь, чем та, которую выражают подлинным понятием власти – суверенитетом»; вне определенных в договоре полномочий сюзерена вассал пользуется полной автономией. Права Китая как сюзерена сводились к участию во внешних сношениях Монголии, инвеституре монгольского хутухты и содержанию в Урге особого сановника, выполняющего церемониальные функции; как итог – полная независимость Монголии во внутренних делах и свобода внешних сношений в вопросах торговли. Таким образом, в силу договоров 1912–1915 гг. Внешняя Монголия представляла собою государство под сюзеренитетом Китая и под протекторатом России³.

Схожую позицию занимает С. Л. Кузьмин, дополнительно опирающийся на принцип самоопределения. По его мнению, монголы не считали свою страну частью Китая, но рассматривали себя как подданных Цин. Статус Монголии отличался от статуса цинских провинций и предполагал не прямое управление, а сюзеренитет; посягательство на традиционный образ жизни и колонизация Монголии китайцами не допускались. Во второй половине XIX в. из страха перед экспансией великих держав цинские власти начали заселять и китаизировать Маньчжурию, Монголию и Тибет. Реакцией на это стало национально-освободительное движение в Монголии и провозглашение ею независимости. Китайская республика не может считаться преемником Цин, поскольку она «отбросила в основном те черты, которые отличали империю Цин от Китая, в том числе разные формы легитимации центральной власти для разных народов и запрет китайской колонизации монгольских и тибетских земель»; кроме того, монголы и тибетцы были отстранены от процесса государственного стро-

¹ Millward J. A. Sinicisation, the Tribute System and Dynasties: Three Concepts to Justify Colonialism and Attack non-Sinitic Diversity in the People's Republic of China // IAI Papers 23 | 17 – July 2023. См. также: *Perdue P. C. The Tenacious Tributary System // Journal of Contemporary China*. 2015. Vol. 24. № 96. P. 1002–1014.

² Тексты договоров и их анализ см.: Вестник Института востоковедения РАН. 2023. № 1.

³ Нольде Б. Э. Международное положение Монголии // Вестник Института востоковедения РАН. 2023. № 1. С. 190–196.

ительства. Несмотря на упоминание сюзеренитета Китая, Внешняя Монголия была государством и субъектом международного права¹.

12. В 1918 г. Китай ввел в Монголию войска и в 1919 г. ликвидировал ее автономию. В 1920 г. в Монголию вошла дивизия барона Унгерна, которая выбила китайские силы из Урги (Улан-Батора), позволив Монголии вновь обрести независимость (февраль 1921 г.). В это же время в Иркутске было создано Временное революционное правительство Монголии, которое обратилось к России с просьбой об интервенции; летом 1921 г. части Красной армии вошли в Ургу, где была провозглашена власть Народного правительства. 5 ноября 1921 г. Россия и Монголия заключили *Соглашение о дружбе*, в котором признали единственно законными их существующие правительства, обязались не допускать на своей территории деятельность враждебных организаций, обмениваться представителями и консулами, определить границу и др. В ст. 5 *Советско-Китайского соглашения 1924 г.* СССР, однако, признал, что Внешняя Монголия является составной частью КР и находится под ее *суверенитетом*. Вопрос о выводе вооруженных сил СССР из Внешней Монголии должен был быть решен на конференции, которая была созвана с опозданием. За это время СССР поставил Монголию под свой контроль, в связи с чем монгольский вопрос на конференции даже не обсуждался. Вплоть до конца Второй мировой войны Монголия, однако, была признана только СССР².

В 1945 г. Китай согласился признать независимость Монголии после проведения на ее территории плебисцита. На плебисците, состоявшемся в том же году, 100 % участников проголосовали за независимость. Зимой 1946 г. КР признала Монголию и установила с ней дипломатические отношения (КНР – 6 октября 1949 г.).

Тибет

13. В конце XIX в. усилилось влияние России в соседних с Тибетом районах, и Далай-лама вступил с ней в переговоры о протекторате, используя в качестве посредника ламу Агвана Дорджиева, бурята по национальности. Кроме того, тибетцы мешали торговле Великобритании с ее протекторатом Сикким. Обеспокоенная всем этим Великобритания в 1903–1904 гг. вторглась в Тибет и добилась заключения мирного договора, в соответствии с которым тибетцы признали англо-китайское соглашение о границе между Сиккимом и Тибетом 1890 г., обязались не принимать без ее согласия представителей других держав, выплатить ей контрибуцию и др. Договор между Великобританией и Китаем о Тибете 1906 г. подтвердил китайский *сюзеренитет*; британцы обязались не аннексировать Тибет и не вмешиваться в его управление, а Китай – не позволять другим государствам вмешиваться в дела Тибета. В соответствии с англо-русским соглашением 1907 г. стороны признали сюзеренитет Китая над Тибетом и обязались не вступать с последним в переговоры кроме как через китайское правительство³. В 1910 г. Тибет был оккупирован войсками Цин; Далай-лама бежал в Индию. После падения династии он вернулся и объявил о независимости Тибета, заявив, что отношения между Тибетом и Китаем основывались на личных связях (январь 1913 г.)⁴. После этого из Тибета были удалены китайские войска и наместник. В 1913 г. Тибет и Монголия подписали договор о дружбе и союзе⁵.

¹ Кузьмин С. Л. Русско-Монгольское соглашение 1912 г. и международно-правовой статус Монголии // Вестник Института востоковедения РАН. 2023. № 1. С. 11–35; *Его же*. Международная реакция на Русско-Монгольское соглашение 1912 г. // Там же. С. 69–91; Батсайхан О. Монголо-русский договор 1912 г. является началом дипломатических отношений двух стран // Мөнгө, санхүү, баялаг. Сэтгүүл 2021. № 26. С. 32–46.

² Литвиновский И. А. Указ. соч. С. 175–176.

³ Данные договоры см.: *Treaties & Conventions Relating to Tibet*. URL: <https://www.tibetjustice.org/materials/treaties> (дата обращения: 06.02.2025).

⁴ Декларация гласит: «Я, Далай-лама, всеведущий обладатель буддийской веры... говорю вам следующее... Во времена Чингисхана и Алтан-хана у монголов, династии Мин у китайцев и династии Цин у маньчжуров Тибет и Китай сотрудничали на основе отношений патрона и наставника. Несколько лет назад китайские власти в Сычуани и Юннани попытались колонизировать нашу территорию... Тем временем маньчжурская империя рухнула. Тибетцы воодушевились, чтобы изгнать китайцев из центрального Тибета... Теперь китайское намерение колонизировать Тибет в рамках отношений патрона и духовника померкло, как радуга на небе... Мы – маленькая, религиозная и независимая страна. Чтобы не отставать от остального мира, мы должны защищать свою страну...» См.: *Proclamation issued His Holiness the 13th Dalai Lama in 1913*. URL: <https://thus.org/tibetan-declaration-of-independence> (дата обращения: 06.02.2025).

⁵ В Договоре указывалось, что Монголия и Тибет, «освободившись от династии маньчжуров и отделившись от Китая, образовали независимые государства» и «оба государства испокон веков испове-

Великобритания полагала, что сюзеренитет Китая над Тибетом не предполагает его права вмешиваться во внутреннее управление последним. В ответ Китай ссылался на ст. 2 Договора 1906 г. и утверждал, что термин «сюзеренитет» никогда им не использовался. Для разрешения этой коллизии была созвана конференция в Симле (Индия, 1913–1914), в которой приняли участие представители Великобритании, Тибета и Китая. Великобритания настаивала на сюзеренитете Китая, предполагавшем лишь право контроля внешних сношений Тибета. Тибет настаивал на признании его независимости, денонсации Конвенции 1906 г., расширении его территории и др. Китайское правительство предлагало признать Тибет частью Китая, обещало не превращать его в провинцию и требовало контроля над его международными и военными делами¹. При обсуждении границы тибетский представитель ссылался на осуществление налоговой и административной юрисдикции, а Китай – на эффективную оккупацию отдельных районов отрядами амбана Тибета генерала Чжао Эрфэна в 1906–1911 гг.

Британский губернатор Мак-Магон предложил сначала решить вопрос о границе между Китаем и Тибетом и только после этого перейти к политическим вопросам. По аналогии с Монголией он предложил разделить Тибет на Внутренний, под юрисдикцией Китая, и Внешний, пользующийся автономией под управлением Далай-ламы (при этом он ссылался на исторические данные, свидетельствующие о степени интенсивности китайского контроля). Он также провел границу между Тибетом и Индией (линия Мак-Магона); она обсуждалась делегатами Великобритании и Тибета в отсутствие китайского представителя. Проект конвенции был парафирован китайским представителем, но китайское правительство не одобрило указанную в нем границу между Внутренним Тибетом и Внешним Тибетом и отвергло конвенцию в целом (в том числе индо-тибетскую границу). После этого делегаты Великобритании и Тибета подписали конвенцию как двустороннюю, оставив для Китая возможность присоединиться к ней позднее. Конвенция исходила из того, что Тибет остается частью Китая: «Правительства Великобритании и Китая, признавая, что Тибет находится под сюзеренитетом Китая, и признавая автономию Внешнего Тибета, обязуются уважать территориальную целостность страны и воздерживаться от вмешательства в управление Внешним Тибетом (включая выборы и введение в должность Далай-ламы), которое должно оставаться в руках тибетского правительства Лхасы. Правительство Китая обязуется не превращать Тибет в китайскую провинцию. Правительство Великобритании обязуется не аннексировать Тибет или какую-либо часть его»².

14. После революции центральное правительство пыталось подтвердить свою власть над Тибетом. В 1934 г. представитель Гоминьдана Хуан Мусун прибыл в Тибет, чтобы выразить соболезнования в связи с кончиной Далай-ламы XIII; во время встречи с тибетцами он выполнил церемонии, символизирующие китайское владение Тибетом, и озвучил позицию Китая (суверенитет с правом автономии). Тибетские власти согласились пойти на уступки, в частности консультироваться с Китаем во время военных вторжений при сохранении независимости во внутренних делах, гражданском и военном управлении. Другими проявлениями признания Тибетом власти Китая стали прокитайская деятельность Панчен-ламы IX, участие китайских должностных лиц в назначении и интронизации Далай-ламы XIV (1939–1940), контакты Министерства КР по делам Монголии и Тибета с тибетскими властями и др. Тем не менее Тибет использовал свою валюту, взимал таможенные пошлины, выдавал паспорта и имел свою армию. Одновременно в нем усиливалось влияние Великобритании.

В 1950 г. Тибет был занят частями НОАК. Незадолго до этого тибетские власти обратились к Великобритании, Индии, Непалу и США с просьбой содействовать вступлению Тибета в ООН, в рассмотрении которой им было отказано (Великобритания утратила интерес к Тибету после приобретения Индией независимости). 23 мая 1951 г. было подписано Соглашение между центральным правительством и тибетским пра-

---

дуют одну религию». Стороны признали друг друга и своих правителей, закрепили обязательства «совместно работать для благополучия буддийской веры», «оказывать друг другу помощь против внешних и внутренних опасностей», «вести взаимную торговлю и открывать промышленные предприятия». См.: Treaty of Friendship and Alliance Between the Government of Mongolia and Tibet (1913) [397]. URL: <https://www.tibetjustice.org/materials/treaties/treaties14.html> (дата обращения: 06.02.2025).

¹ Carrai M. A. Op. cit. P. 129–131.

² Кузьмин С. Л. Международная реакция... С. 85.

вительством по мирному освобождению Тибета (Соглашение из 17 пунктов), согласно которому «Тибет вернется в великую семью народов Родины – КНР», а его народ получит право пользоваться самоуправлением под руководством центрального правительства¹.

Китай воспринимал проблему Тибета как еще одно ограничение его суверенитета Западом; ее решение, соответственно, было необходимо для обретения им полной субъектности. Россия и Великобритания заняли двойственную позицию: с одной стороны, они поддерживали стремление Тибета к независимости, с другой стороны, признавали сюзеренитет Китая².

15. Ряд западных авторов полагают, что Тибет никогда не принадлежал Китаю и не должен ему принадлежать. Их аргументы состоят в следующем. Во-первых, отношения между Тибетом и Китаем основывались на принципе чой-йон (*Chö-Yön*), согласно которому тибетские ламы выступали духовными наставниками монгольских ханов и императоров, а те, в свою очередь, принимали их под покровительство и оказывали им военную помощь. Эти отношения предполагают не неравенство, а симбиоз ламы и мирского последователя, личную связь двух глав государств. Власть монгольских и маньчжурских правителей над Тибетом не была властью Китая, который сам был лишь одним из их владений. КНР в связи с этим не может претендовать на Тибет по праву преемства. Во-вторых, в период с 1912 по 1950 г. Тибет был независимым государством *de facto*; незначительные проявления китайской власти не должны учитываться; вторжение Китая в 1950 г. представляет собой акт агрессии, за которым последовала незаконная оккупация. В-третьих, Китай нарушает право тибетцев на самоопределение: проводит активную переселенческую политику, эксплуатирует ресурсы Тибета, нарушает права человека, в том числе право на свободу вероисповедания. Тибет в связи с этим имеет право на сецессию. В-четвертых, Соглашение из 17 пунктов было заключено под угрозой применения силы, тибетские делегаты превысили полномочия, впоследствии оно было нарушено китайскими властями. Таким образом, легитимным правительством Тибета является правительство в изгнании (Дхарамсала, Индия)³.

По мнению Р. Слоана, в 1950 г. Тибет был суверенным государством. Он мог сформироваться как современное государство, но его элиты предпочли не замечать того, что происходит вокруг, чтобы сохранить доминирование. В результате он не смог оказать сопротивления Китаю. Другая причина – его изолированное положение и неосведомленность о его проблемах международного сообщества, внимание которого в 1950 г. было приковано к другим местам, особенно к Корее. Сегодня ни одно государство не может игнорировать мощь Китая и не заинтересовано в том, чтобы поднимать вопрос о Тибете. Но с правовой точки зрения Тибет остается суверенным государством, а фикция, согласно которой он является частью Китая, лишь придает моральный авторитет его продолжающейся колонизации. Таким образом, тибетский народ имеет право на самоопределение, тем более что в отличие от населения дру-

¹ Соглашение между Центральным Народным правительством и местным тибетским правительством о мероприятиях по мирному освобождению Тибета. URL: <http://russian.china.org.cn/russian/248118.htm> (дата обращения: 06.02.2025).

² В 2008 г. Великобритания изменила свою позицию: «Наше признание „особого положения“ Китая в Тибете основывалось на устаревшей концепции сюзеренитета. Некоторые использовали это, чтобы... заявить, что мы отрицаем суверенитет Китая над значительной частью его собственной территории. Мы ясно и публично дали понять китайскому правительству, что не поддерживаем независимость Тибета. Как и все остальные страны-члены ЕС и Соединенные Штаты, мы рассматриваем Тибет как часть КНР. Мы заинтересованы в долгосрочной стабильности, которая может быть достигнута только путем соблюдения прав человека и предоставления тибетцам большей автономии». Заявление министра иностранных дел от 29 октября 2008 г. см.: URL: <https://hansard.parliament.uk/commons/2008-10-29/debates/08102940000010/Tibet> (дата обращения: 06.02.2025).

³ *Van Walt van Praag M.* The Status of Tibet: History, Rights and Prospects in International Law. Boulder, Colo.: Westview Press, 1987; *Watson S.* Self-determination and the International Legal Order: the Tibetan Experience // *James Cook University Law Review*. 1997. Vol. 4. P. 89–102; *Bruce A.* Tibet and International Law // *One World – Many Paths to Peace*. Canberra: ANU eView, 2009. P. 152–155; *Clark R. M.* China's Unlawful Control Over Tibet: The Tibetan People's Entitlement to Self-Determination // *Indiana International & Comparative Law Review*. 2002. Vol. 12. № 2. P. 293–328; *Dulaney A. G., Cusack D. M., van Walt van Praag M.* The Case Concerning Tibet: Tibet's Sovereignty and the Tibetan People's Right to Self-determination. New Delhi: Tibetan Parliamentary and Policy Research Centre, 1998.

гих бывших колоний он обладает отчетливо выраженной идентичностью, основанной на религиозных, языковых, расовых, культурных, исторических и политических связях¹.

16. Официальная китайская позиция состоит в том, что Тибет находился в составе единого государства начиная с династии Юань (XIII в.), объединившей под своей властью все народы, проживавшие на территории Китая, и создавшей специальные органы для управления Тибетом. При династии Мин китайское правительство жаловало тибетским лидерам титулы, передача которых по наследству требовала утверждения императора, и привлекало местных чиновников к ответственности за злоупотребления. При династии Цин центральное правительство давало санкцию на возведение в сан высших лам и назначение чиновников; в 1727 г. оно учредило должность амбаня (резидента), отвечавшего за внешние сношения, торговлю и охрану границ. После 1911 г. правительство КР продолжило управлять Тибетом и учредило для этого ряд органов. После победы КПК Тибет был «освобожден». Правительство КНР упразднило крепостной строй, гарантировало личную свободу, политические и социальные права и заботится о развитии экономики Тибета и улучшении жизни его народа².

По мнению Ван Чэньюя, в XIII в. Тибет стал членом трибутарной системы. Отношения «патрон – наставник» между императором и ламой не могли быть сугубо религиозными и личными, поскольку они были политическими фигурами. Их отношения также были политическими и основанными на неравенстве: в религиозном плане император мог считать ламу своим учителем, но в политическом плане лама не мог считаться равней императору. В 1793 г. Цяньлун издал «29 положений для лучшего управления Тибетом», существенно увеличив полномочия амбаня; в результате Тибет приобрел статус внутреннего данника и перестал быть независимым. Политика Великобритании в начале XX в. подорвала суверенитет Китая над Тибетом, но не изменила статус данного региона. «Сюзеренитет» предполагает деление суверенитета на внешние и внутренние аспекты: за первые отвечает сюзерен, за вторые – вассал, который не имеет собственного положения в семье наций. Данная концепция не применима к Тибету, так как уже в конце XVIII в. династия Цин стала управлять внутренними делами Тибета (т. е. осуществлять суверенитет). Провозглашение Тибетом независимости не имело правовых последствий, так как он не был признан большинством государств; кроме того, его декларация независимости не отражает явного намерения отделиться. Фактически в 1912–1951 гг. Тибет был режимом *de facto*, осуществлявшим эффективный контроль над территорией, которая юридически принадлежала метрополии. Правительство Тибета представляло собой повстанческое формирование, обладавшее субъектностью по праву вооруженных конфликтов, но не имевшее полномочий за пределами этой сферы; оно, в частности, не могло согласовывать границу на конференции в Симле³.

Квалификация вопроса о Тибете затруднена не только в силу политических причин. Другая проблема состоит в том, что отношения между центральным правительством Китая и тибетскими властями в первой половине XX в. и ранее, возможно, не являются ни отношениями суверенитета, ни отношениями независимости – речь идет об особой форме взаимодействия, которая не может быть четко описана при помощи категорий западного международного права. Р. Слоан справедливо отмечает: «Утверждение о том, что Тибет считался независимым государством в 1950 г., не означает, что Тибет всегда был независимым государством; однако это не подтверждает и того, что Тибет всегда был частью Китая. На самом деле, обе стороны спора в значительной степени страдают от категоричной ошибки. Современная западная концепция национального государства с четкими границами и единым централизованным правительством, вероятно, не может быть применена к Китаю и Тибету до XX в.»⁴ Любая квалификация в связи с этим носит приблизительный характер, что едва

¹ Sloane R. D. The Changing Face of Recognition in International Law: A Case Study of Tibet // Emory International Law Review. 2002. Vol. 16. P. 107–186.

² Официальную позицию КНР см.: Кому принадлежит суверенитет над Тибетом и как в Тибете обстоит дело с правами человека (Белая книга). URL: https://www.mfa.gov.cn/rus/zt/ce_ceml_chn/zfbps/199209/t19920925_878916.html (дата обращения: 06.02.2025).

³ Wang Chenyu. The Status of Tibet in International Law – From the 1840s to the 1950s. Utrecht: Universiteit Utrecht, 2021. P. 177–195.

⁴ Sloane R. D. Op. cit. P. 131.

ли уместно при рассмотрении важных политических вопросов. Выходом из ситуации может стать *презумпция в пользу сложившегося status quo*, презумпция, которая отвечает интересам центрального правительства, но не исключает применения других инструментов, защищающих интересы тибетцев, прежде всего права на самоопределение¹.

Заключение

1. В первой половине XX в. Китай решил сразу четыре задачи. Во-первых, он преодолел зависимость от иностранных государств: вернул себе захваченные (арендованные) ими территории и добился прекращения неравноправных договоров и отмены экстерриториальной юрисдикции. Из полуколониальной, «нецивилизованной» страны он сумел превратиться в полноправного члена международного сообщества. Во-вторых, он отказался от феодально-монархической системы, функционировавшей на основе принципа Тянься, в пользу республики, опирающейся на демократическую идеологию. Иными словами, он облекся в форму современного суверенного государства (государства Нового времени). Несмотря на то что это государство сохраняет элементы традиционной культуры, оно является устойчивым и эффективным. В-третьих, он преодолел региональную раздробленность и национальный сепаратизм, усилившиеся в первые годы после революции, избежав таким образом угрозы распада. В-четвертых, он разрешил накопившиеся классовые противоречия: в нем сформировалось однородное гражданское общество, в рамках которого был оформлен общественный договор. Решение этих задач – заслуга *нескольких* режимов, политических партий и поколений политиков, конкурировавших друг с другом. Все они, однако, были решены самим Китаем, без помощи иностранных держав – в этом смысле китайский опыт выглядит уникальным².

2. Современный Китай был создан как *ответ* на вызовы, вставшие перед китайским народом. Его *форма правления* с акцентом на коллективное принятие решений представляет собой своеобразный баланс между единоличной властью, показавшей свою неэффективность в эпоху Цин и во время правления Юань Шикая, и западным парламентаризмом. Его *централизованное устройство*, нетипичное для столь большого государства, является реакцией на раздробленность и междоусобные войны эпохи милитаристов и одновременно гарантией сохранения в составе страны регионов с неханьским населением. Наконец, его *политический режим*, сохраняющий некоторые традиционные черты (иерархичность и закрытость, экзаменационную и контрольную ветви власти, акцент на обязанностях гражданина), основан на коммунистической идеологии, выступающей инструментом сплочения нации и легитимации правительства. Победа КПК во многом связана с тем, что эта идеология была адаптирована к *потребностям и культуре* Китая, а лидеры КПК сумели выдвинуть более привлекательную повестку, чем Гоминьдан, и использовать более эффективные инструменты консолидации нации и построения государства (антиимпериализм, опора на крестьянство, партийная дисциплина, контроль над интеллигенцией и др.)³.

¹ В 1987 г. Далай-лама выдвинул план, предполагающий широкую автономию Тибета в составе КНР, который был поддержан Правительством Тибета в изгнании и в настоящее время используется тибетцами в качестве *основной стратегии*. См.: Herzer E. Self-governance through an autonomous arrangement. New Delhi: Tibetan Parliamentary and Policy Research Centre, 2002; Hari Har Jnawali. Tibet's response to state nationalism: Utilising China's fear of secession // Studies in Ethnicity and Nationalism. 2023. Vol. 23. № 2. P. 158–177.

² «По сравнению с революцией в России китайская революция была гораздо более сложным процессом спасения целой цивилизации, находящейся под угрозой исчезновения, от внешних посягательств со стороны могущественных национальных государств и внутреннего политического и социального разложения. Китайские интеллектуалы конца XIX – начала XX века, в том числе интеллектуальные основатели КПК, стремились создать новую основу для китайской цивилизации... Установление национальной идентичности и единства через сопротивление империализму, что включало в себя искоренение внутренних слабостей, таких как военное правление (*warlordism*) и политическая отсталость, было необходимой предпосылкой для продолжения существования Китая как отдельной культурной единицы в международном порядке» (Hoffheimer D. J. China and the International Legal Order: An Historical Introduction // Case Western Reserve Journal of International Law. 1979. Vol. 11. P. 254).

³ Дж. Фэрбэнк и М. Голдман перечисляют следующие слабости Гоминьдана: стремление заручиться поддержкой Запада; примирительная позиция по отношению к Японии; акцент на сборе таможенных пошлин, а не налогов; плохой контакт с крестьянами и студенчеством; нежелание проводить аграрную

3. Во внешней политике китайские правительства первой половины XX в. преследовали несколько целей: 1) отмена неравноправных договоров; 2) восстановление территориальной целостности; 3) защита от агрессии со стороны Японии; 4) приобретение надежных союзников. *Первая* цель была в основном достигнута; большую роль в этом сыграли аргументы, разработанные китайскими юристами и дипломатами. *Вторая* цель была достигнута лишь частично: правительство восстановило контроль над всеми провинциями, но не смогло помешать отделению Монголии и фактической независимости Тибета. *Третья* цель достигнута не была: обращения Китая за помощью к Лиге Наций и иностранным государствам не принесли результата; победа над Японией была одержана в основном силами самого Китая (СССР и США вмешались в конфликт лишь на финальной стадии). *Четвертая* цель также не была достигнута: отношения Китая с другими странами определялись не долгосрочной стратегией и договоренностями, а политической конъюнктурой. Это можно объяснить несколькими причинами: западные державы были вовлечены в большую войну и по-прежнему относились к Китаю как к недостаточно цивилизованной стране, а Тихоокеанский регион оставался на периферии мировой политики. Большую роль в изоляции Китая, однако, сыграла и его сосредоточенность на внутренних проблемах, непонимание им особенностей европейской политики и отсутствие идеологической платформы для сближения с другими странами.

4. Опыт первой половины XX в. определил и внешнеполитические стратегии Китая. Во-первых, поскольку обращение в Лигу за защитой от Японии не принесло результата, Китай осознал необходимость полагаться только на себя и в дальнейшем дистанцировался от активного участия в деятельности международных организаций. Во-вторых, он был вынужден совместить ценностные и морализаторские подходы с *Realpolitik*, допустив возможность использования силы («винтовка рождает власть»). В-третьих, он взял на вооружение принципы западного права, гарантировавшие его выживание в рамках новой для него системы (суверенитета, территориальной целостности, добровольной юрисдикции судов и др.), и, наоборот, отверг те из них, которые угрожали этому выживанию (самоопределения, прав человека и др.). В-четвертых, отношение Китая к международному праву стало *инструментальным*, что в позитивной коннотации можно определить как гибкость подходов, а в негативной – как практику двойных стандартов. Наконец, в-пятых, Китай выработал собственную дипломатическую культуру, характерными чертами которой являются морализаторство и резкость оценок, осмотрительность и постепенность, акцент на развитии дружественных связей (гуаньси, *guanxi*), а не на создании обязательств (по сути, речь идет об адаптированном конфуцианстве).

5. Трансформация Китая не только разрешила ряд проблем, но и создала новые. *Первой* из них является проблема развития неханьских народов: современному Китаю присуща гораздо большая степень унификации и централизации, чем Китаю эпохи Цин, что неизбежно вызывает сопротивление, перерастающее в сепаратизм¹. *Вторая* проблема свойственна любому государству Нового времени и состоит в отчуждении населения от политической жизни и дефиците политической коммуникации; в современном Китае, где традиционная кастовость элит сочетается с монополией одной идеологии, эта проблема может принимать крайние формы. *Третья* проблема – культурный изоляционизм, в результате которого Китай по-прежнему не способен вести полноценный диалог с другими государствами и формулировать универсальные смыслы. Речь идет не об эгоизме или высокомерии, а скорее о неспособности построить перспективу. Любая проблема воспринимается Китаем через призму его собственного опыта; как результат, все, что Китай может предложить, – это повторение данного опыта, который в силу своей уникальности едва ли может быть востребован другими. *Четвертая* проблема состоит в том, что Китай так и не смог реципи-

реформу; отсутствие партийной дисциплины и попытки использовать старую бюрократию, милитаристов и гангстеров; коррумпированность и плохое управление (Fairbank J. K., Goldman M. China: a New History. Harvard: Belknap Press, 2006. P. 289–293, 331–334, 316–321).

¹ «[Коммунистическая] революция, которая принесла китайскому народу нечто вроде самоопределения, определила его колониально-империалистическое отношение к соседним народам Тибета, Синцзяна (Восточного Туркестана) и Монголии» (Fairbank J. K. The great Chinese revolution, 1800–1985. N. Y.: Harper and Row Publishers, 1986. P. 10).

ровать идею права во всей ее полноте – как по причине ее культурной чуждости, так и под впечатлением от неравноправных договоров. В итоге его вклад в формирование мирового порядка ограничивается разработкой ценностей и стратегий (но не норм). Наконец, *пятая* проблема состоит в том, что сложившаяся конфигурация власти и необходимость участия в глобальном мировом порядке, возможно, отдаляют Китай от того патриархального, религиозного и интеллектуального общества, образ которого запечатлен в китайской культуре.

Список литературы

Батсайхан О. Монголо-русский договор 1912 г. является началом дипломатических отношений двух стран // Мөнгө, санхүү, баялаг. Сэтгүүл 2021. № 26. С. 32–46.

Герасимов Д. И. Советско-китайские отношения в 1919–1924 гг.: формирование дальневосточного узла противоречий // Человеческий капитал. 2022. № 7. С. 11–22.

Кузьмин С. Л. Русско-Монгольское соглашение 1912 г. и международно-правовой статус Монголии // Вестник Института востоковедения РАН. 2023. № 1. С. 11–35.

Кузьмин С. Л. Международная реакция на Русско-Монгольское соглашение 1912 г. // Вестник Института востоковедения РАН. 2023. № 1. С. 69–91.

Литвиновский И. А. Восстановление советско-китайских отношений в 1924 г. // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 8 / под ред. А. П. Салькова, О. А. Яновского. Минск: БГУ, 2013. С. 174–184.

Нетужилов К. Е. Японо-китайская война (1937–1945) в отражении советской периодической печати // Россия в глобальном мире. 2016. № 8. С. 104–112.

Нольде Б. Э. Международное положение Монголии // Вестник Института востоковедения РАН. 2023. № 1. С. 178–196.

Сунь Ятсен. Избранные произведения. М.: Наука, 1985. 780 с.

Чудодеев Ю. В. СССР и Китай накануне и в годы Второй мировой войны // Общество и государство в Китае. 2015. Т. 45. № 2. С. 750–772.

Bruce A. Tibet and International Law // One World – Many Paths to Peace. Canberra: ANU eView, 2009. P. 139–160.

Carrai M. A. Sovereignty in China. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 274 p.

Chiang Kai-shek. China's Destiny. N. Y.: Roy Publishers, 1947. 347 p.

Clark R. M. China's Unlawful Control Over Tibet: The Tibetan People's Entitlement to Self-Determination // Indiana International & Comparative Law Review. 2002. Vol. 12. № 2. P. 293–328.

Dulaney A. G., Cusack D. M., van Walt van Praag M. The Case Concerning Tibet: Tibet's Sovereignty and the Tibetan People's Right to Self-determination. New Delhi: Tibetan Parliamentary and Policy Research Centre, 1998. 114 p.

Fairbank J. K. The great Chinese revolution, 1800–1985. N. Y.: Harper and Row Publishers, 1986. 396 p.

Fairbank J. K., Goldman M. China: a New History. Harvard: Belknap Press, 2006. 560 p.

Hari Har Jnawali. Tibet's response to state nationalism: Utilising China's fear of secession // Studies in Ethnicity and Nationalism. 2023. Vol. 23. № 2. P. 158–177.

Herzer E. Self-governance through an autonomous arrangement. New Delhi: Tibetan Parliamentary and Policy Research Centre, 2002. 28 p.

Hiroki Morikawa. In Pursuit of Peace: Zhou Gengsheng's Internationalism after the World Wars // ZINBUN. 2017. № 47. P. 177–194.

Hoffheimer D. J. China and the International Legal Order: An Historical Introduction // Case Western Reserve Journal of International Law. 1979. Vol. 11. P. 251–266.

Li Chen. A forgotten proponent of a league of nations and his contributions to international law // Leiden Journal of International Law. 2022. Vol. 35. № 2. P. 245–263.

Millward J. A. Sinicisation, the Tribute System and Dynasties: Three Concepts to Justify Colonialism and Attack non-Sinitic Diversity in the People's Republic of China // IAI Papers 23 | 17 – July 2023. 18 p.

Perdue P. C. The Tenacious Tributary System // Journal of Contemporary China. 2015. Vol. 24. № 96. P. 1002–1014.

Sloane R. D. The Changing Face of Recognition in International Law: A Case Study of Tibet // Emory International Law Review. 2002. Vol. 16. P. 107–186.

Van Walt van Praag M. The Status of Tibet: History, Rights and Prospects in International Law. Boulder, Colo.: Westview Press. 381 p.

Wang Chenyu. The Status of Tibet in International Law – From the 1840s to the 1950s. Utrecht: Universiteit Utrecht, 2021. 244 p.

Wang Tieya. International Law in China: Historical and Contemporary Perspectives // Collected Courses of the Hague Academy of International Law. Vol. 221. 1990. P. 199–369.

Watson S. Self-determination and the International Legal Order: the Tibetan Experience // James Cook University Law Review. 1997. Vol. 4. P. 89–102.

Yuanzhen Ji. The Generation and Development of International Law Ideology in China // *Chinese Studies*. 2018. № 7. P. 114–123.

Shipeng He, Lu Sun. *A Chinese Theory of International Law*. Singapore: Springer, 2020. 248 p.

References

Batsaikhan O. (2021) Mongolo-russkii dogovor 1912 g. yavlyaetsya nachalom diplomaticheskikh otnoshenii dvukh stran [Mongol-Russian treaty of 1912 is the beginning of diplomatic relations between the two countries]. In *Møngø, sanhyy, bajalag. Sjetgyyl*, no. 26, pp. 32–46.

Bruce A. (2009) *Tibet and International Law*. In *One World – Many Paths to Peace*. Canberra, ANU eView, pp. 139–160.

Carrai M. A. (2019) *Sovereignty in China*. Cambridge: Cambridge University Press, 274 p.

Chiang Kai-shek (1947) *China's Destiny*. New York, Roy Publishers, 347 p.

Chudodeev Yu. V. (2015) SSSR i Kitai nakanune i v gody Vtoroi mirovoi voiny [USSR and China on the eve and during the Second World War]. In *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*, vol. 45, no. 2, pp. 750–772.

Clark R. M. (2002) China's Unlawful Control Over Tibet: The Tibetan People's Entitlement to Self-Determination. In *Indiana International & Comparative Law Review*, vol. 12, no. 2, pp. 293–328.

Gerasimov D. I. (2022) Sovetsko-kitaiskie otnosheniya v 1919–1924 gg.: formirovanie dal'nevostochnogo uzla protivorechii [Soviet-Chinese relations in 1919–1924: the formation of the Far Eastern knot of contradictions]. In *Chelovecheskii kapital*, no. 7, pp. 11–22.

Fairbank J. K. (1986) *The great Chinese revolution, 1800–1985*. New York, Harper and Row Publishers, 396 p.

Fairbank J. K., Goldman M. (2006) *China: a New History*. Harvard, Belknap Press, 560 p.

Hari Har Jnawali (2023) Tibet's response to state nationalism: Utilising China's fear of secession. In *Studies in Ethnicity and Nationalism*, vol. 23, no. 2, pp. 158–177.

Herzer E. (2002) *Self-governance through an autonomous arrangement*. New Delhi, Tibetan Parliamentary and Policy Research Centre, 28 p.

Hiroki Morikawa (2017) In Pursuit of Peace: Zhou Gengsheng's Internationalism after the World Wars. In *ZINBUN*, no. 47, pp. 177–194.

Dulaney A. G., Cusack D. M., van Walt van Praag M. (1998) *The Case Concerning Tibet: Tibet's Sovereignty and the Tibetan People's Right to Self-determination*. New Delhi, Tibetan Parliamentary and Policy Research Centre, 114 p.

Hoffheimer D. J. (1979) China and the International Legal Order: An Historical Introduction. In *Case Western Reserve Journal of International Law*, vol. 11, pp. 251–266.

Kuz'min S. L. (2023) Russko-Mongol'skoe soglasenie 1912 g. i mezhdunarodno-pravovoi status Mongolii [Russian-Mongolian Agreement of 1912 and the international legal status of Mongolia]. In *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*, no. 1, pp. 11–35.

Kuz'min S. L. (2023) Mezhdunarodnaya reaktsiya na Russko-Mongol'skoe soglasenie 1912 g. [International reaction to the Russian-Mongolian agreement of 1912]. In *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*, no. 1, pp. 69–91.

Li Chen (2022) A forgotten proponent of a league of nations and his contributions to international law. In *Leiden Journal of International Law*, vol. 35, no. 2, pp. 245–263.

Litvinovskii I. A. (2013) Vosstanovlenie sovetско-kitaiskikh otnoshenii v 1924 g. [Restoration of Soviet-Chinese relations in 1924]. In *Rossiiskie i slavyanskije issledovaniya: nauchnyi sbornik*, is. 8, ed. by A. P. Sal'kov, O. A. Yanovskii. Minsk, BGU, pp. 174–184.

Millward J. A. (2023) Sinicisation, the Tribute System and Dynasties: Three Concepts to Justify Colonialism and Attack non-Sinitic Diversity in the People's Republic of China. In *IAI Papers*, 23 | 17 July, 18 p.

Netuzhilov K. E. (2016) Yaponо-kitaiskaya voyna (1937–1945) v otrazhenii sovetскоi periodicheskoi pechati [Japanese-Chinese war (1937–1945) in the representation of the Soviet periodical press]. In *Rossiya v global'nom mire*, no. 8, pp. 104–112.

Nol'de B. Je. (2023) Mezhdunarodnoe polozhenie Mongolii [International position of Mongolia]. In *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*, no. 1, pp. 178–196.

Perdue P. C. (2015) The Tenacious Tributary System. In *Journal of Contemporary China*, vol. 24, no. 96, pp. 1002–1014.

Sloane R. D. (2002) The Changing Face of Recognition in International Law: A Case Study of Tibet. In *Emory International Law Review*, vol. 16, pp. 107–186.

Sun' Jatsen (1985) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow, Nauka, 780 p.

Van Walt van Praag M. (1987) *The Status of Tibet: History, Rights and Prospects in International Law*. Boulder, Colo., Westview Press, 381 p.

Wang Chenyu (2021) *The Status of Tibet in International Law – From the 1840s to the 1950s*. Utrecht, Universiteit Utrecht, 244 p.

Wang Tieya (1990) International Law in China: Historical and Contemporary Perspectives. In *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*, vol. 221, pp. 199–369.

Watson S. (1997) Self-determination and the International Legal Order: the Tibetan Experience. In *James Cook University Law Review*, vol. 4, pp. 89–102.

Yuanzhen Ji (2018) The Generation and Development of International Law Ideology in China. In *Chinese Studies*, vol. 7, pp. 114–123.

Zhipeng He, Lu Sun (2020) *A Chinese Theory of International Law*. Singapore, Springer, 248 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.10.2024

Дата принятия рукописи в печать: 20.02.2025

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ФИНАНСОВЫХ УСЛУГ БАНКОМ РОССИИ

Голубитченко Мария Александровна

Доцент кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой Саратовской государственной юридической академии (Саратов), кандидат юридических наук, ORCID: 0000-0001-9603-3293, e-mail: bearpaw-margo@yandex.ru.

Определяются особенности современного механизма правового регулирования деятельности Банка России в сфере защиты прав потребителей финансовых услуг, а также тенденции и актуальные направления его влияния на формирование правового регулирования ответственности финансовых организаций за нарушение положений нормативных правовых актов и осуществление недобросовестных действий в отношении потребителей. Исследуется новый правовой механизм рассмотрения обращений и жалоб потребителей финансовых услуг Банком России, вступивший в действие с 1 июля 2024 г. и предполагающий перенаправление обращений на рассмотрение в финансовую организацию, действия которой обжалуются. Анализируются его положительные стороны и риски. Отдельно рассматриваются особенности поведенческого надзора Банка России, формирования им подходов к правовому регулированию предоставления финансовых услуг и причины осуществления недобросовестных практик финансовыми организациями. Автор приходит к выводу о постоянной и масштабной работе, осуществляемой Банком России в сфере защиты прав потребителей финансовых услуг. Объем полномочий и количество реализуемых мероприятий позволяют говорить о том, что защита прав потребителей финансовых услуг может быть признана функцией Банка России. Предлагается внесение изменений в законодательство для ее закрепления.

Ключевые слова: Центральный банк Российской Федерации, финансовая услуга, защита прав, недобросовестные практики

Для цитирования: Голубитченко М. А. Современные тенденции правового регулирования защиты прав потребителей финансовых услуг Банком России // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 1. С. 33–39. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_1_33.

CURRENT TRENDS IN THE LEGAL REGULATION OF CONSUMER PROTECTION OF FINANCIAL SERVICES BY THE BANK OF RUSSIA

Golubitchenko Maria

Associate professor, Saratov State Law Academy (Saratov), candidate of legal sciences, ORCID: 0000-0001-9603-3293, e-mail: bearpaw-margo@yandex.ru.

The article defines the features of the modern mechanism of legal regulation of the Bank of Russia's activities in the field of consumer protection of financial services. A new legal mechanism for reviewing appeals and complaints from consumers of financial services by the Bank of Russia, which entered into force on July 1, 2024 and involves redirecting appeals to a financial institution whose actions are being appealed, is being investigated. Its positive aspects and risks are analyzed. The features of the behavioral supervision of the Bank of Russia, its formation of approaches to the legal regulation of financial services, and the reasons for the implementation of unfair practices by financial organizations are considered separately. It is proposed

to establish that the protection of the rights of consumers of financial services is a function of the Bank of Russia. It is necessary to amend the legislation to consolidate it.

Key words: Central Bank of the Russian Federation, financial service, protection of rights, unfair practices

*For citation: Golubitchenko M. (2025) Current trends in the legal regulation of consumer protection of financial services by the Bank of Russia. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu juridicheskomu zhurnalu»*, no. 1, pp. 33–39, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_1_33.*

Защита прав потребителей финансовых услуг осуществляется несколькими субъектами, в том числе Банком России. Основным механизмом ее реализации данным субъектом состоит из двух направлений: реактивного и превентивного.

В рамках *реактивного направления* происходит непосредственная работа с обращениями о деятельности финансовых организаций и жалобами граждан на нарушение их прав при предоставлении финансовых услуг. В 2024 г. произошли значимые изменения в порядке рассмотрения Банком России жалоб граждан на действия финансовых организаций, повлиявшие на механизм защиты прав потребителей финансовых услуг. Так, в соответствии с Федеральным законом от 4 августа 2023 г. № 442-ФЗ с 1 июля 2024 г.¹ действует новый порядок рассмотрения обращений граждан, которые являются потребителями финансовых услуг. Поступающие в Банк России жалобы и обращения о нарушении кредитными организациями, бюро кредитных историй или некредитными финансовыми организациями прав, свобод и законных интересов потребителей в течение 7 рабочих дней со дня регистрации перенаправляются для рассмотрения по существу в ту организацию, действия которой обжалуются. В случаях, определенных ст. 79.3 и 79.4 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ (ред. от 28 декабря 2024 г.) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (далее – ФЗ о Центральном банке РФ), рассмотрение обращения заявителя осуществляется Центральным банком РФ самостоятельно в порядке и в сроки, которые установлены Федеральным законом от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ (ред. от 4 августа 2023 г.) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации».

Законодательно определено, что направление Банком России полученных обращений непосредственно в финансовую организацию не является разглашением сведений, которые содержатся в обращении. Важно, что потребитель финансовых услуг не остается в неведении относительно передачи обращения. Банк России направляет заявителю уведомление о факте направления его обращения в финансовую организацию.

Стоит отметить, что для потребителя меняется сама сущность подачи жалобы в Банк России. При формировании обращения гражданину необходимо понимать, что в его содержании должны быть четко описаны все нарушения финансовой организации в целях их оперативного устранения в рамках формирования ответа на обращение. В данном случае важно осуществление правового просвещения и дачи разъяснений гражданам о правильности и корректности формирования обращений в Банк России. Так, в случае если потребитель считает, что действия или бездействие финансовой организации, которые привели к нарушению его прав и законных интересов, произошли умышленно, финансовая организация в добровольном порядке не изменит свою позицию по спорному вопросу, и хочет, чтобы его обращение было рассмотрено именно Банком России, то он может при отправке указать, что отказывается от передачи его обращения для рассмотрения финансовой организацией.

Думается, что изменение механизма рассмотрения Банком России обращений потребителей финансовых услуг обусловлено их огромным количеством (так, за период с января по сентябрь 2024 г. в Банк России поступило более 241 тыс. жалоб²)

¹ Федеральный закон от 4 августа 2023 г. № 442-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации».

² Отчет о работе с обращениями за период январь – сентябрь 2024 года Службы по защите прав потребителей и обеспечению доступности финансовых услуг // Центральный банк Российской Федерации: офиц. сайт. URL: https://cbr.ru/collection/collection/file/50801/2024_3.pdf (дата обращения: 24.01.2025).

и, как следствие, необходимостью стимулирования финансовых организаций к надлежащему и добросовестному исполнению своих обязанностей. К возможным причинам корректировки модели защиты прав потребителей финансовых услуг Банком России также можно отнести наличие большого количества недобросовестных практик финансовых организаций, что предопределяет необходимость контроля за оперативностью решения возникающих у потребителей финансовых услуг вопросов и повышения ответственности финансовых организаций в части рассмотрения обращений потребителей. Думается, что общий положительный эффект от изменения механизма рассмотрения Банком России обращений потребителей финансовых услуг будет выражаться в повышении уровня удовлетворенности потребителей от взаимодействия с финансовыми организациями и уровня доверия к финансовому рынку.

При анализе сложившейся ситуации на первый взгляд может возникнуть мнение о делегировании Банком России полномочий по защите прав потребителей финансовых услуг на уровень финансовых организаций, что как будто бы лишает заявителей права на защиту со стороны Центрального банка РФ и может негативно повлиять на уровень доверия граждан к финансовым институтам в целом¹. Однако думается, что такая точка зрения ошибочна. У потребителей финансовых услуг остается возможность защиты их нарушенных прав и законных интересов непосредственно Банком России. Стоит также отметить, что регулятор в любом случае осуществляет предварительное ознакомление с сутью обращения (при его регистрации и принятии решения о перенаправлении) и последующий контроль (при получении копии ответа потребителю, которую финансовая организация обязана направить в Банк России). Таким образом, новый механизм рассмотрения обращений потребителей финансовых услуг способствует не только защите нарушенных прав, но и более результативному осуществлению Банком России регулирования, контроля и надзора за деятельностью кредитных организаций и некредитных финансовых организаций.

В рамках *превентивного направления* защиты прав потребителей финансовых услуг Банком России осуществляется выявление недобросовестных практик финансовых организаций, поведенческий надзор, а также формирование подходов к правовому регулированию предоставления финансовых услуг. Стоит отметить, что указанные виды деятельности тесно взаимосвязаны.

Рассматривая поведенческий надзор и правовое регулирование его осуществления, стоит отметить, что определение поведенческого надзора нормативно не закреплено, однако оно есть в программном плановом акте Банка России. Так, в основных направлениях развития финансового рынка Российской Федерации на 2025 год и плановый период 2026 и 2027 годов установлено, что поведенческий надзор представляет собой «деятельность Банка России, которая направлена на выявление, пресечение и предупреждение нарушений прав потребителей финансовых услуг»². Это определение предполагает достаточно большой объем полномочий Банка России по отношению к организациям, предоставляющим финансовые услуги. По справедливому замечанию А. А. Ситника, стоит акцентировать внимание на том, что поведенческий надзор связан не только с выявлением и пресечением нарушений законодательства и подзаконных нормативных правовых актов, но и с противодействием Банка России совершению недобросовестных практик финансовыми организациями³. С. В. Рыбакова в работе, посвященной надзору Центрального банка РФ за деятельностью кредитных организаций, утверждает, что объектом банковского надзора является не только деятельность кредитных организаций, непосредственно связанная с совершением банковских операций и других операций кредитных организаций, но и непосредственно не связанная с ними, но их обеспечивающая, вытекающая из их существа или могущая повлиять на их совершение, что создает доктринальные

¹ В данном случае словосочетание «финансовые институты» рассматривается в значении, указанном в распоряжении Правительства РФ от 24 октября 2023 г. № 2958-р «Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года».

² Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2025 год и период 2026 и 2027 годов // Центральный банк Российской Федерации: офиц. сайт. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/165924/onfr_2025_2027.pdf (дата обращения: 24.01.2025).

³ Ситник А. А. Поведенческий надзор на финансовом рынке // Lex Russica. 2023. № 3. С. 44.

предпосылки включения исследуемых отношений в объект надзорной деятельности Банка России (поведенческого надзора)¹.

Примечательно, что деятельность Центрального банка РФ по противодействию недобросовестным практикам финансовых организаций на первый взгляд не затрагивает правовую составляющую предоставления финансовых услуг. Однако стоит отметить, что недобросовестные практики зачастую связаны с наличием пробелов в нормативных правовых актах, регламентирующих порядок предоставления той или иной финансовой услуги, злоупотреблением правом и обходом действующих норм. Выявление таких практик позволяет определить круг общественных отношений, регулирование которых происходит неэффективно или является неполным. Это сигнализирует о необходимости более детальной правовой регламентации предоставления той или иной финансовой услуги.

Недобросовестное поведение финансовых организаций в ряде случаев также связано с введением потребителей в заблуждение. В такой ситуации положения нормативных правовых актов не нарушаются и регулятором не могут быть применены меры принуждения в отношении поднадзорных субъектов, осуществляющих такую деятельность. Введение потребителей в заблуждение становится возможным при отсутствии у них должного уровня правовой и финансовой грамотности, поэтому для Банка России важной задачей выступает не только выявление и пресечение недобросовестных практик, но и повышение уровня финансовой грамотности, а также формирование финансовой культуры у потребителей финансовых услуг². Однако регулятор также имеет возможность при выявлении недобросовестных практик, основанных на обходе нормативных положений законодательства, выпустить рекомендации для финансовых организаций, которые хотя и не признаются нормами права, но формируют и транслируют определенный посыл о недопустимости осуществления подобных действий.

Авторы довольно часто обращаются к вопросу сущности и содержания поведенческого надзора Банка России. Например, Н. В. Неверова, М. П. Спиридонова и В. С. Злобина, говоря о сущности понятия «поведенческий надзор», указывают на обоснованность обозначения деятельности Центрального банка Российской Федерации в сфере защиты прав потребителей финансовых услуг через понятие «надзор». Это объясняется самим предметом, признаками надзора и его отличием от контроля. Так, в рамках надзора осуществляется определение законности деятельности поднадзорного субъекта, надзорный субъект в большинстве случаев имеет организационную обособленность от поднадзорного субъекта, а также не происходит вмешательства в хозяйственную деятельность субъекта. Банк России при осуществлении деятельности по защите прав потребителей финансовых услуг нацелен именно на проверку соответствия действий организационно самостоятельных юридических лиц законодательству без вмешательства в их хозяйственную деятельность³. Некоторые авторы, в частности М. Н. Агафонов, утверждают, что поведенческий надзор – это контрольно-надзорная деятельность Банка России, а не только надзорная⁴.

В программном плановом акте Банка России относительно основных направлений развития финансового рынка Российской Федерации на 2025 год и плановый период 2026 и 2027 годов обозначен вектор на развитие поведенческого надзора Банка России.

Говоря о недобросовестных практиках финансовых организаций, стоит отметить, что обобщенно они довольно часто именуется мисселингом, однако это лишь один из видов недобросовестного поведения финансовой организации, заключающийся в предложении одного финансового продукта под видом другого. Помимо этого к видам недобросовестных практик финансовых организаций также относятся

¹ Рыбакова С. В. Правовое регулирование надзора Банка России за деятельностью кредитных организаций: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. С. 9.

² Распоряжение Правительства РФ от 24 октября 2023 г. № 2958-р «Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года».

³ Неверова Н. В., Спиридонова М. П., Злобина В. С. К вопросу о современном содержании поведенческого надзора // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2024. № 5. С. 186–187.

⁴ Агафонов М. Н. Правовая политика Банка России в сфере осуществления поведенческого надзора // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 3. С. 246.

продажа неподходящих продуктов, недобросовестное информирование, связанная продажа и непрозрачное ценообразование. К сожалению, достаточно часто недобросовестные практики осуществляются кредитными организациями. Так, в настоящее время наибольшее количество жалоб от потребителей финансовых услуг приходится именно на кредитные организации (за январь – сентябрь 2024 г. в общем количестве жалоб доля кредитных организаций составляет 58,3 %¹). В связи с этим в фокусе внимания Банка России находится вопрос ужесточения ответственности кредитных организаций за нарушения законодательства, которые связаны с навязыванием дополнительных услуг и иными недобросовестными практиками². Большое количество таких действий осуществляется кредитными организациями в сфере автострахования. Среди них можно выделить невключение дополнительных услуг в заявление о выдаче кредита, продажа потребителю дополнительных платных услуг, при последующем отказе от которых денежные средства не возвращаются в полном объеме (в обход законодательных норм), недобросовестные консультации или же предоставление скидки на сумму покупки автотранспортного средства только при условии его покупки в кредит или приобретения дополнительных платных услуг³.

Совершение финансовыми организациями недобросовестных действий в отношении потребителей финансовых услуг предопределяет необходимость постоянного пересмотра и формирования новых подходов к правовому регулированию предоставления таких услуг. Например, Банк России планирует развивать практику осуществления мониторинга за выполнением поднадзорными организациями рекомендаций, принятых регулятором (самостоятельно или совместно с органами исполнительной власти), которые касаются защиты прав потребителей финансовых услуг.

Интересно также применение Центральным банком РФ инструмента поведенческой экспертизы. Она представляет собой исследование научными методами процесса принятия финансовых решений потребителями финансовых услуг. Данное исследование обычно проводится в целях сбора доказательной базы для разработки и совершенствования поведенческого регулирования⁴. В настоящее время тенденцией является использование Банком России инструмента поведенческой экспертизы в отношении норм, регламентирующих содержание, форму и порядок доведения информации о финансовых продуктах, а также порядок взаимодействия с потребителями лиц, предоставляющих финансовые услуги.

Одним из основных направлений деятельности Банка России в рамках формирования подходов к правовому регулированию предоставления финансовых услуг сегодня выступает определение механизма регулирования дистанционных каналов продаж в целях защиты прав потребителей финансовых услуг. Сфера дистанционного взаимодействия с потребителями в России в настоящее время урегулирована лишь частично, что создает потенциал для недобросовестного поведения финансовых организаций. Исключительно дистанционный формат взаимодействия с потребителями при оформлении кредитов (займов) и вкладов урегулирован в основном не нормативными правовыми актами, имеющими обязательный характер, а рекомендательными письмами Банка России и отдельными методическими рекомендациями, нарушение которых не приводит к привлечению финансовых организаций к ответственности. Центральный банк РФ высказал мнение о важности формирования единых подходов к построению онлайн-продаж финансовых услуг и их регулированию⁵.

¹ Отчет о работе с обращениями за период январь – сентябрь 2024 года Службы по защите прав потребителей и обеспечению доступности финансовых услуг.

² Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2025 год и период 2026 и 2027 годов.

³ Обзор недобросовестных практик в автокредитовании // Центральный банк Российской Федерации: офиц. сайт. URL: https://cbr.ru/protection_rights/behavioral_surveillance/review_unfair_practices_car_loans/ (дата обращения: 24.01.2025).

⁴ Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2022 год и период 2023 и 2024 годов // Центральный банк Российской Федерации: офиц. сайт. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/131935/onrfr_2021-12-24.pdf (дата обращения: 24.01.2025).

⁵ Отчет об итогах публичного обсуждения доклада для общественных консультаций «подходы к регулированию дистанционных каналов продаж в целях защиты прав потребителей финансовых услуг (по-

Указанные тенденции правового регулирования защиты прав потребителей финансовых услуг свидетельствуют о планомерной, постоянной и масштабной работе, осуществляемой Банком России в данной сфере. Деятельность, выполняемая данным субъектом, и объем реализуемых мероприятий свидетельствуют об изменении правосубъектности Центрального банка РФ. Исследования ученых подтверждают обозначенную точку зрения. Так, следует согласиться с мнением Е. Н. Пастушенко и Л. Н. Земцовой о том, что деятельность по защите прав и законных интересов потребителей финансовых услуг может выступать в качестве функции Банка России¹. Поддержки также заслуживает позиция Т. Э. Рождественской о том, что Банк России необходимо рассматривать в качестве органа по защите прав потребителей финансовых услуг².

Примечательно, что одной из функций Банка России в соответствии со ст. 4 ФЗ о Центральном банке РФ является осуществление защиты прав и законных интересов инвесторов на финансовых рынках, страхователей, а также иных четко обозначенных в п. 18.4 рассматриваемой статьи категорий лиц, однако к ним не отнесены, например, лица, приобретающие потребительские кредиты (займы) и вклады, несмотря на то что фактически Банк России осуществляет их защиту как потребителей финансовых услуг (в том числе посредством поведенческого надзора и формирования подходов к регулированию дистанционных каналов продаж, о чем подробно сказано выше). В связи с этим формулировка п. 18.4 ст. 4 ФЗ о Центральном банке РФ представляется не совсем верной и ограничивающей круг общественных отношений, в рамках которых Банк России выступает субъектом, осуществляющим защиту прав и свобод, что может негативно повлиять на правоприменительную практику. Представляется целесообразным закрепить защиту прав и законных интересов потребителей финансовых услуг в качестве функции Центрального банка РФ. Для этого предлагается расширить законодательно закрепленный круг субъектов, защита прав и законных интересов которых осуществляется Банком России в качестве его функции, и внести изменения в п. 18.4 ст. 4 ФЗ о Центральном банке РФ, изложив его в следующей редакции: «18.4) осуществляет защиту прав и законных интересов потребителей финансовых услуг».

Список литературы

Агафонов М. Н. Правовая политика Банка России в сфере осуществления поведенческого надзора // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 3. С. 239–251.

Неверова Н. В., Спиридонова М. П., Злобина В. С. К вопросу о современном содержании поведенческого надзора // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2024. № 5. С. 185–193.

Пастушенко Е. Н., Земцова Л. Н. Новеллы правового регулирования развития защиты прав потребителей финансовых услуг как функции Центрального банка Российской Федерации в условиях цифровой экономики // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 5. С. 228–234.

Рождественская Т. Э. Система защиты прав потребителей финансовых услуг в Российской Федерации // Актуальные вопросы права в банковской сфере: материалы Междунар. банк. форума, 24–25 сентября 2020 г. / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Самар. нац. исслед. ун-т им. С. П. Королева, Самар. гос. эконом. ун-т, Сбербанк России; редкол. В. Д. Богатырев и др. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2020. С. 463–473.

Рыбакова С. В. Правовое регулирование надзора Банка России за деятельностью кредитных организаций: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. 213 с.

Ситник А. А. Поведенческий надзор на финансовом рынке // Lex Russica. 2023. № 3. С. 41–51. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.196.3.041-051.

потребительские кредиты (займы) и вклады)» // Центральный банк Российской Федерации: офиц. сайт. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/160972/report_27042024.pdf (дата обращения: 24.01.2025).

¹ Пастушенко Е. Н., Земцова Л. Н. Новеллы правового регулирования развития защиты прав потребителей финансовых услуг как функции Центрального банка Российской Федерации в условиях цифровой экономики // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 5. С. 231.

² Рождественская Т. Э. Система защиты прав потребителей финансовых услуг в Российской Федерации // Актуальные вопросы права в банковской сфере: материалы Междунар. банк. форума, 24–25 сентября 2020 г. / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Самар. нац. исслед. ун-т им. С. П. Королева, Самар. гос. эконом. ун-т, Сбербанк России; редкол. В. Д. Богатырев и др. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2020. С. 463–473.

References

Agafonov M. N. (2023) Pravovaya politika Banka Rossii v sfere osushchestvleniya povedencheskogo nadzora [Legal policy of the Bank of Russia in the sphere of behavioral supervision]. In *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*, no. 3, pp. 239–251.

Neverova N. V., Spiridonova M. P., Zlobina V. S. (2024) K voprosu o sovremennom sodержanii povedencheskogo nadzora [To the question of the modern content of behavioral supervision]. In *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii*, no. 5, pp. 185–193.

Pastushenko E. N., Zemtsova L. N. (2020) Novelly pravovogo regulirovaniya razvitiya zashchity prav potrebiteli finansovykh uslug kak funktsii Tsentral'nogo banka Rossiiskoi Federatsii v usloviyakh tsifrovoi ekonomiki [Novels of the legal regulation of the development of the protection of the rights of consumers of financial services as a function of the Central Bank of the Russian Federation in the conditions of digital economy]. In *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii*, no. 5, pp. 228–234.

Rozhdestvenskaya T. E. (2020) Sistema zashchity prav potrebiteli finansovykh uslug v Rossiiskoi Federatsii [The system of protection of the rights of consumers of financial services in the Russian Federation]. In *Aktual'nye voprosy prava v bankovskoi sfere: conference papers*. Samara, pp. 463–473.

Rybakova S. V. (2001) *Pravovoye regulirovaniye nadzora Banka Rossii za deyatel'nost'yu kreditnykh organizatsiy: dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal regulation of the supervision of the Bank of Russia over the activities of credit organizations: a candidate of legal sciences thesis]. Saratov, 213 p.

Sitnik A. A. (2023) Povedencheskii nadzor na finansovom rynke [Behavioral supervision in the financial market]. In *Lex Russica*, no. 3, pp. 41–51, DOI: 10.17803/1729-5920.2023.196.3.041-051.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.10.2024

Дата принятия рукописи в печать: 20.02.2025

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОМПЬЮТЕРНЫХ СЕТЕЙ УРОВНЕЙ ВАН И PAN*

Смушкин Александр Борисович

Ведущий специалист проектного офиса научных программ и исследований, доцент кафедры криминалистики Саратовской государственной юридической академии (Саратов), кандидат юридических наук, доцент, ORCID: 0000-0003-1619-8325, e-mail: Skif32@yandex.ru.

Автор констатирует расширение спектра криминалистически значимой информации, которая может быть использована для расследования преступлений и обеспечения кибербезопасности и личной безопасности граждан за счет сетевой информации. При рассмотрении основных монографических исследований, связанных с выделением сетевой криминалистики (криминалистического исследования компьютерных систем и сетей) в качестве самостоятельного раздела, указано, что до последнего времени исследованию подвергались лишь глобальная сеть Интернет и отчасти локальные сети. Между тем выделяется более широкий спектр сетей по функционалу и уровню обслуживания: натальная (BAN), персональная (PAN), локальная (LAN), кампусная (CAN), городская (MAN) и глобальная сети (WAN). Основное внимание уделено двум первым уровням компьютерных сетей, имеющим непосредственную взаимосвязь с конкретным человеком. Утверждается, что релевантная информация может быть извлечена из сетей практически любого типа. Рассмотрены криминалистические аспекты выявления и исследования данных сетей, а также их применения. Анализируется возможность использования этих сетей для несомненной идентификации человека, оценки действий в определенный момент времени и др. Электронная природа обозначенной информации характеризует возможность ее трансформации в электронные доказательства в различных видах судопроизводства.

Ключевые слова: сетевая криминалистика, натальная компьютерная сеть body area network (BAN), персональная компьютерная сеть personal area network (PAN), обнаружение сетей, виртуальные следы, цифровая информация

Для цитирования: Смушкин А. Б. Криминалистические аспекты исследования компьютерных сетей уровней ВАН и PAN // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 1. С. 40–49. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_1_40.

FORENSIC ASPECTS OF THE STUDY OF COMPUTER NETWORKS OF THE BAN AND PAN LEVELS**

Smushkin Alexander

Leading specialist of the project office of scientific programs and research, associate professor, Saratov State Law Academy (Saratov), candidate of legal sciences, ORCID: 0000-0003-1619-8325, e-mail: Skif32@yandex.ru.

During the research, the author states the expansion of the range of criminally significant information that can be used to investigate crimes and ensure cybersecurity and personal safety of citizens through network information. Considering the main monographic studies related to the allocation of network criminology (forensic research of computer systems and networks) as an independent section, it is stated that until recently only the global Internet and partly local networks have been studied. Meanwhile, a wider range of networks stands out in terms of functionality

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00312, URL: <https://rscf.ru/project/24-28-00312>.

** The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation № 24-28-00312, URL: <https://rscf.ru/project/24-28-00312>.

and service level: body (BAN), personal (PAN), local (LAN), campus (CAN), urban (MAN) and global networks (WAN). The main research is devoted to the first two levels of computer networks that have a direct relationship with a specific person. It is stated that relevant information can be extracted from networks of almost any type. The criminalistic aspects of the identification and research of these networks, as well as their application, are considered. The possibility of using these networks for the undoubted identification of a person, assessment of actions at a certain point in time, use as a kind of «Polygraph», etc. is stated. The electronic nature of the information under consideration characterizes the possibility of its transformation into electronic evidence in various types of legal proceedings.

Key words: network forensics, body area network (BAN), personal area network (PAN), network detection, virtual traces, digital information

For citation: Smushkin A. (2025) Forensic aspects of the study of computer networks of the BAN and PAN levels. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 1, pp. 40–49, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_1_40.

Компьютерные сети окружают нас постоянно. Они могут различаться целевым предназначением, архитектурой и уровнем территориального объединения. Как отмечает В. А. Мещеряков, «объединение отдельных компьютеров в сложные системы и связывание их друг с другом благодаря применению сетевых технологий позволяет получить очень важные с точки зрения практического применения технические свойства этих систем и приводит к почти фантастическим с точки зрения классической криминалистики проявлениям следовой картины»¹. Данное обстоятельство способствует расширению спектра криминалистически значимой информации, которая может быть использована для расследования преступлений и обеспечения кибербезопасности, а также личной безопасности граждан.

Конечно, речь стоит вести об объединении не только компьютеров, но и иных электронных устройств.

Отдельные вопросы криминалистического исследования компьютерных сетей поднимались в науке криминалистике и ранее. Так, предлагая в своей диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук новую частную теорию, «криминалистическое компьютероведение», В. Б. Вехов в качестве одного из составляющих ее учений назвал подотрасль «криминалистическое исследование компьютерных устройств, их систем и сетей»². Е. Р. Россинская предлагает «криминалистическое исследование компьютерных средств и систем» как учение, входящее в новую частную теорию «информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности»³. Свой вклад в исследование компьютерных сетей внесли и другие ученые. Однако до последнего времени изучались лишь глобальная сеть Интернет и отчасти локальные сети. В настоящее время теории и практики в области компьютерной информации не ограничиваются выделением только этих видов сетей.

Для разработок криминалистического плана в области сетевой криминалистики необходимо понимание, что по уровню покрытия компьютерные сети могут быть следующими:

body area network (BAN) – натальная компьютерная сеть. Ее образуют различного рода устройства, вживленные в тело человека или расположенные непосредственно на нем;

personal area network (PAN) – персональная компьютерная сеть: объединение электронных устройств и гаджетов, расположенных в пределах от непосредственно

¹ Мещеряков В. А. Теоретические основы механизма слеодообразования в цифровой криминалистике: моногр. М.: Проспект, 2022. С. 23.

² Вехов В. Б. Криминалистическое учение о компьютерной информации и средствах ее обработки: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2008. С. 19.

³ Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности / Е. Р. Россинская, А. И. Семикаленова, И. А. Рядовский, Т. А. Сааков; под ред. Е. Р. Россинской; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации; Московский гос. юрид. ун-т им. О. Е. Кутафина (МГЮА). М.: Проспект, 2022. С. 58–73.

вплотную к телу человека или в нескольких сантиметрах от тела человека до нескольких метров;

local area network (LAN) – локальная сеть, которую образуют несколько компьютерных устройств, принадлежащих, как правило, одному физическому или юридическому лицу и расположенных в одном или в соседних помещениях;

campus area network (CAN) – кампусная сеть или сеть, объединяющая несколько локальных сетей в пределах относительно небольшой территории;

metropol area network (MAN) – компьютерная сеть, представляющая собой совокупность локальных и кампусных сетей в пределах одного населенного пункта;

wide area network (WAN) – глобальная компьютерная сеть, обладающая возможностями подключения любых компьютерных устройств и любых сетей.

Согласно обозначенной теме исследования наибольший интерес у нас вызвали два первых уровня компьютерных сетей, имеющих непосредственную взаимосвязь с конкретным человеком. Условно данные сети можно назвать термином «личные», сети уровня LAN и CAN – коллективные, а MAN и WAN – сети мультипользователей.

Естественно, из сетей любого уровня может быть извлечена криминалистически релевантная информация. Обнаружение, фиксация и исследование информации сетей body area network и personal area network может осуществляться, как правило, в рамках оперативно-розыскных мероприятий «Снятие информации с технических каналов связи» и «Получение компьютерной информации» или следственного действия «Осмотр места происшествия». Элементы натальной сети body area network могут быть также обнаружены в ходе освидетельствования лица.

Body area network (BAN), или натальная сеть, может быть использована в уголовном судопроизводстве в следующих направлениях.

1. Она может предоставить качественную, четко идентифицирующую человека информацию, «защиту» в ее устройствах: совокупность идентификационных признаков, образующих идентификационное поле с учетом того, что уже не только в правоохранительной сфере, но и в банковской и некоторых иных коммерческих сферах активно внедряются разработки в области идентификации по цифровым отпечаткам компьютерных устройств¹, позволяющие рассматривать цифровой отпечаток как идентификационную совокупность, характеризующую определенное цифровое устройство с помощью как уникальных параметров, так и не уникальных, но представленных в уникальных сочетаниях. Данные параметры подвергаются хэшированию: преобразуются в строку фиксированной длины, состоящую из цифр и букв, которая может быть сопоставлена для идентификации устройства с другой вычисленной хэш-функцией.

2. Возможно извлечение из нее информации, показывающей повышенную реакцию на какие-либо вопросы или действия следователя. В. А. Мещеряков вообще допускает использование подобной сети в качестве своеобразного постоянно носимого полиграфа².

3. Поскольку натальная сеть аккумулирует информацию о показателях организма (давление, сердцебиение, уровень сахара в крови и т. д.), извлеченная из памяти аккумулирующего устройства информация может косвенно указать на повышение физической активности либо стрессовую ситуацию. Данная информация может быть косвенным доказательством волнения, наличия физических нагрузок (бега, борьбы и т. д.), изменения эмоционального состояния, приема пищи, введения лекарственного препарата в интересующее следствие время.

4. Объединение электронных датчиков киберпротезов может даже зафиксировать уровень мышечных усилий, воспроизводимых киберпротезом в конкретное время, что может свидетельствовать о совершении определенных действий. При сопоставлении с механизмом преступления, в котором заподозрено лицо, следствием может быть сделан вывод о факте и объеме физической нагрузки на киберпротез во временной период совершения преступления.

¹ Стандарт Банка России СТО БР БФБО-1.7-2023 «Безопасность финансовых (банковских) операций. Обеспечение безопасности финансовых сервисов с использованием технологии цифровых отпечатков устройств» (принят и введен в действие приказом Банка России от 1 марта 2023 г. № ОД-335 «О введении в действие стандарта Банка России СТО БР БФБО-1.7-2023») // Центральный банк Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://cbr.ru/Crosscut/LawActs/File/6177> (дата обращения: 15.07.2024).

² Мещеряков В. А. Теоретические основы механизма слеодообразования в цифровой криминалистике. С. 24.

5. В некоторых случаях вживляемые в тело человека электронные устройства могут содержать в себе датчик геопозиционирования для скорейшего обнаружения в случае приступа, что позволит правоохранительным органам отследить местонахождение или перемещение интересующего их лица в определенный момент или за временной период.

В наиболее общем виде данные сети состоят из сенсорных узлов, сетевых координаторов и исполнительных устройств, связанных между собой радиоинтерфейсом.

Современные нательные сети могут для контроля показателей сопрягаться с внешним устройством. Уже сейчас имеются разработки, аккумулирующие информацию киберпротезов и электростимуляторов на внешние устройства и активизирующие определенный стимулятор или протез, вводящие, например, инсулин больному диабетом, находящемуся в предкоматозном состоянии или в коме и не способному самостоятельно принять меры. В связи с этим насуточно важен вопрос возможности перехвата управления указанными устройствами, что уже однажды демонстрировалось, например, в отношении кардиостимуляторов¹. Разработка действенных мер обеспечения безопасности нательных сетей от несанкционированного проникновения в систему неотъемлемо способствует обеспечению личной безопасности носителей подобной сети. Представляется, что с юридической точки зрения разработка повышенной ответственности за причинение вреда здоровью человека или получение личной информации (например, о болезнях, генетических предрасположенностях и т. д.) путем дополнения соответствующих статей квалифицирующим признаком «с использованием компьютерных устройств» будет фактором общей и частной превенции. В ближайшей перспективе с развитием нанотехнологий сеть VAN можно будет считать одним из основных источников информации о человеке.

Сеть *body area network* – это технологии, которые могут быть имплантированы в тело человека или размещены непосредственно на нем. Небольшой размер и малая потребляемая мощность предоставляют возможность использовать их в различных целях: от медицинского мониторинга состояния здоровья человека и точечного воздействия (например, введение баклофенака в спинной мозг людей с патологическим напряжением мышц), а также превентивного извещения медиков о критичных изменениях состояния здоровья пациента до анализа показателей эффективности работы организма спортсменов, уровня мобилизации, усталости и иных показателей сотрудников органов безопасности, специальных подразделений, военных, а в ближайшей перспективе прямой беспроводной связи и управления мозгом человека любыми механизмами. Так, китайские ученые², а также компания Илона Маска «Neuralink» уже провели эксперименты по вживлению нейрочипов в мозг человека и управлению электронными устройствами³.

Технологии *body area network* имеют преимущественно беспроводное соединение. Сеть из миниатюрных сенсорных блоков (BSU) объединена с центральным блоком тела (BCU). Часть из них уже давно разработана и используется (например, кардиостимуляторы), часть только находится в экспериментальной стадии (нейрочипы и т. п.), а часть только просматривается в относительно ближайшей либо отдаленной перспективе (наноботы и пр.).

Типичная VAN сейчас состоит из аппаратов контроля жизненно важных функций, детекторов движения, акселерометров, процессора, приемо-передающего устройства. Эти устройства имеют элементы памяти, информация которых может быть ис-

¹ Взлом с угрозой для жизни // Умная страна. URL: <https://umstrana.ru/technology/vzлом-s-ugrozoy-dlya-zhizni/> (дата обращения: 10.04.2024).

² Еще 24 октября 2023 г. ученые компании «Neural Electronic Opportunity (NEO)» провели успешный эксперимент по управлению киберпротезом с помощью вживленного нейрочипа. См.: *BeIa V. Chinese brain chip helps paralysed man regain mobility – and it's less invasive than Elon Musk's Neuralink* // South China Morning Post. URL: https://www.scmp.com/news/china/science/article/3250476/chinese-brain-chip-helps-paralysed-man-regain-mobility-and-its-less-invasive-elon-musks-neuralink?module=top_story&pgtype=homepage (дата обращения: 10.04.2024).

³ Илон Макс в интервью компании «Рейтер» официально объявил, что пациент с внедренным в мозг нейрочипом смог управлять компьютерной мышью. См.: *Neuralink's first human patient able to control mouse through thinking, Musk says* // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/business/healthcare-pharmaceuticals/neuralinks-first-human-patient-able-control-mouse-through-thinking-musk-says-2024-02-20/> (дата обращения: 10.04.2024).

пользована в целях уголовного судопроизводства (при условии ее грамотного получения в ходе соответствующих следственных действий или ОРМ). Наиболее актуальным представляется учет в тактике производства следственных действий данных обстоятельств, как минимум при выборе привлекаемого специалиста соответствующего профиля. Так, необходимо привлечение не только специалиста технического профиля, но и других: кардиологов, эндокринологов, специалистов по киберпротезированию и т. д.

Связь элементов сети VAN может быть узкополосной (narrowband) NB-PHY; сверхширокополосной (ultra wideband) UWB-PHY; связь по телу человека HBC-PHY. Соответственно, различаться будут как методы выявления людей, оснащенных устройствами VAN, извлечения информации из этой сети в целях судопроизводства, так и защищенность от несанкционированного криминального вмешательства в функционирование устройств сети.

Анализ западных публикаций по проблемам использования сети VAN дает основания к выделению следующих проблемных аспектов:

- сложность обеспечения конфиденциальности и безопасности информации;
- нерешенные вопросы автоматизации системы валидации датчиков;
- отдельные проблемы взаимодействия элементов системы между собой;
- сложность обеспечения беспрепятственной передачи данных и подключения к сети Интернет;
- недостаточная энергоемкость датчиков;
- необходимость не только статического, но и динамического наблюдения за пациентами;
- необходимость повышения помехоустойчивости, снижения фрагментированности и нивелирования влияния дефектов в показаниях датчиков на согласованность и качество данных;
- перманентное усложнение архитектуры сети body area network, повышающее сложность новых разработок и проектирования;
- необходимость снижения влияния иных узлов и датчиков системы на эффективность конкретного датчика;
- психологические проблемы неуверенности пациентов и иных пользователей в безопасности при использовании нательных сетей¹.

Отдельным криминалистически значимым направлением можно считать внедрение человеку информационных чипов. Так, в Швеции все более широкое распространение получают чипы, несущие в своей памяти личные документы (ковидный паспорт и т. д.) или банковские чипы, обеспечивающие доступ к счету².

Чипы могут быть выполнены из биосовместимого стекла или из силикона. Чипы из биосовместимого стекла в основном используют технологию RFID. Силиконовые чипы могут быть двух типов: RFID или NFC. Первые используются для обеспечения бесключевого доступа к помещению или бесключевого зажигания в автомобиле, вторые – для хранения информации. С криминалистической точки зрения практика показывает, с одной стороны, возможность использования чипов обоих типов для взлома внешнего оборудования, а с другой – возможность атак клонированием на данные чипы для получения доступа к тем или иным объектам. Конечно, стоимость такого клонирования существенно превышает иные варианты взлома и доступа к имуществу частных лиц, однако этот метод вполне может использоваться в целях коммерческого шпионажа. Кроме того, есть программные средства перепрограммирования модулей NFC, например NFC Tools Pro. Таким образом, копирование и вынос секретной информации, компрометация доступа, иные противоправные действия могут быть совершены с использованием этих перепрошитых чипов.

Для расследования преступлений, совершенных с использованием подобных чипов, датчиков, сенсорных устройств системы body area network, представляется ра-

¹ Body area network projects // PhDservices. URL: <https://phdservices.org/body-area-network-projects/> (дата обращения: 10.04.2024)

² Басов В. Хроники чипирования: как люди вживляют в себя микрочипы и можно ли сделать это незаметно // MAXIM. URL: <https://www.maximonline.ru/lifestyle/khroniki-chipirovniya-kak-lyudi-vzhivlyayut-v-sebya-mikrochipy-i-mozhno-li-sdelat-eto-nezametno-id521598/> (дата обращения: 10.04.2024); Grauer Y. A practical guide to microchip implants // ARSTECHNICA. URL: <https://arstechnica.com/features/2018/01/a-practical-guide-to-microchip-implants/> (дата обращения: 10.04.2024).

зумным использованием рекомендаций цифровой криминалистики по работе с виртуальными следами¹. Непосредственно в отношении способов криминалистического изучения данных нательных сетей можно отметить следующее.

1. Любые действия носителя нательной сети или в отношении сети, вживленной в носителя либо размещенной на нем, отображаются в виде виртуальных следов в памяти устройств сети.

2. Любая информация, входящая в систему, может быть обнаружена либо на внешнем устройстве управления системой, либо на встроенных чипах.

3. При возникновении интереса следствия к этой информации с помощью специалистов должно быть осуществлено определение наличия вживленных или расположенных на теле человека устройств и чипов системы VAN.

4. При обнаружении сети VAN подключение к соответствующим устройствам и считывание из памяти этих устройств журнала их работы, а также иной интересующей следствия информации и данных, имеющих признаки внешнего вмешательства, производится специалистом с использованием рекомендаций цифровой криминалистики.

5. Обнаруженные элементы нательной сети должны быть описаны с помощью специалиста с точки зрения типа, количества подключенных устройств, иерархии подключения, скорости подключения и т. д. Однако следует учитывать, что датчики не всегда имеют вывод в мобильное приложение, в некоторых случаях их практически невозможно выявить внешними устройствами без полного контакта сканирующего устройства с телом исследуемого лица.

6. Считывание информации осуществляется программно-аппаратными комплексами серии «Мобильный криминалист».

7. Полученная информация может быть обработана алгоритмами, в том числе с использованием методов анализа больших данных и визуализирована в виде графиков, диаграмм, хронологической развертки изменения параметров.

8. Необходимо активизировать разработки в области дистанционного считывания информации в режиме реального времени, что может способствовать использованию нательной сети в качестве несомненного идентификатора человека, а также полиграфа, где под полиграфом подразумевается многопишущее устройство, фиксирующее разнообразные реакции человека на различные внешние раздражители.

Технология сети personal area network (PAN) объединяет домашние личные электронные устройства в количестве не более восьми устройств в единую, централизованную, самоорганизующуюся динамическую сеть, которая характеризуется некоторой аморфностью образования. Как отметил В. А. Мещеряков, «сеть возникает за счет соединения клиентских устройств „на лету“, когда каждый узел пытается передать данные, предназначенные другим узлам». При этом кому именно передать данные в текущий момент, определяется в зависимости от динамически сложившейся связности сети².

Сеть personal area network обычно не включает маршрутизатор, следовательно, не имеет выхода в глобальную сеть Интернет. Но одно или несколько устройств этой сети могут входить в сеть более высокого уровня (локальная сеть), которая, соответственно, может иметь выход в сеть Интернет. По используемым технологиям сеть PAN дифференцируется на две основные группы:

¹ Федотов Н. Н. Форензика – компьютерная криминалистика. М.: Юрид. мир, 2007; Яковлев А. Н. Теоретические и методические основы экспертного исследования документов на машинных носителях информации: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000; Мещеряков В. А. Основы методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации: дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2001; Агibalов В. Ю. Виртуальные следы в криминалистике и уголовном процессе: моногр. М.: Юрлитинформ, 2012. 152 с.; Милашев В. А. Проблемы тактики поиска, фиксации и изъятия следов при неправомерном доступе к компьютерной информации в сетях ЭВМ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004; Мещеряков В. А. Теоретические основы механизма слеодообразования в цифровой криминалистике; Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности; Цифровые следы преступлений: моногр. М.: Проспект, 2021; Вехов В. Б. Основы криминалистического учения об исследовании и использовании компьютерной информации и средств ее обработки: моногр. Волгоград: ВА МВД России, 2008; Смушкин А. Б. Цифровизация криминалистической деятельности: учеб. пособие / под ред. В. Б. Вехова. М.: КноРус, 2024; Нестеров А. В. Виртуальные следы в криминалистике: учеб. М.: КноРус, 2024.

² Мещеряков В. А. Теоретические основы механизма слеодообразования в цифровой криминалистике. С. 24.

беспроводная виртуальная сеть (WPAN): основой использования такой сети являются технологии Bluetooth, инфракрасного соединения, сверхширокополосного соединения, ZigBee и т. д.;

проводная сеть: связь поддерживается с помощью технологии USB или Firewire.

К технологиям personal area network относится соединение, например, мультимедийных устройств (наушников со смартфонами), объединение домашних устройств в единую сеть (умный пылесос, принтер и т. д.), использование объектов категории «Интернет вещей» (IoT), технологии домашнего офиса.

Беспроводная сеть WPAN может иметь различную топологию и быть реализованной по типу звезды, древовидной или ячеистой топологии.

Криминалистическое значение имеет дифференциация данных сетей по скорости стандарта подключения, которая бывает следующей:

высокоскоростная беспроводная сеть HR-VPN: реализует технологию стандарта IEEE-802.15.3 и развивает скорость до 20 Мбит/с;

среднескоростная сеть MR-WPAN: реализует стандарт IEEE 802.15.1 с развитием скорости потока до 1 Мбит/с;

низкоскоростное интернет-соединение LR-VPN: реализуется по технологии IEEE 802.15.4 и развивает скорость не более 25 Кбит/с.

Для беспроводных соединений используются различные технологии, такие как NFC, Wi-Fi, Bluetooth-соединения, UMTS, ANT, VSAT, ИК-соединения и т. д.

Такие сети отличаются простотой использования, синхронизацией, рентабельностью, достаточно высоким уровнем безопасности, автоматизированной настройкой и универсальностью.

Подвидом персональной сети можно назвать desk area network (DAN) – настольную рабочую сеть, т. е. сеть, образованную периферийными устройствами через рабочую станцию. Устройства взаимодействуют через ячейки асинхронной передачи данных. Режим асинхронной передачи данных означает, что данные передаются не непрерывным потоком, а отдельными пакетами. При этом указанный режим работает фактически как межсервисный провайдер.

Криминалистические аспекты сетей personal area network исследовались применительно к отдельным устройствам сети. Так, на настоящий момент имеют место публикации в области криминалистического исследования устройств Интернета вещей (IoT)¹, отдельных электронных гаджетов и устройств².

Между тем исследование общих вопросов данных сетей имеет непосредственное криминалистическое значение, поскольку позволяет установить факты вмешательства в сеть, использование сети для совершения преступления или отражения в ней криминалистически релевантной информации, связанной с событием преступления.

Тип и топология сети, количество и тип подключенных устройств, тип соединения, стандарт связи и скорость связи могут иметь криминалистическое значение одного из идентификаторов (цифрового отпечатка) сети или ее отдельных устройств и использования этого отпечатка для идентификации и аутентификации пользователей определенного ресурса или установления злоумышленников, использующих устройства сети для совершения преступлений.

При обнаружении в ходе следственных действий у сети personal area network описывается каждое устройство с точки зрения артикула, типа, модели, фирмы-произ-

¹ Баяндурян А. К. Использование специальных знаний при получении доказательственной информации из IoT-устройств // Цифровые технологии и право: сб. науч. тр. I Междунар. науч.-практ. конф., Казань, 23 сентября 2022 года / под ред. И. Р. Бегишева и др.: в 6 т. Т. 4. Казань: Познание, 2022. С. 59–62; Смушкин А. Б. Отдельные аспекты использования концепции интернета вещей в целях противодействия преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 3. С. 453–460. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(3).453-460; Servida F., Casey E. IoT forensic challenges and opportunities for digital traces // Digital Investigation. Vol. 28. Supplement. April 2019. P. S22–S29 и др.

² Мещеряков В. А., Яковлев А. Н. «Электронная» составляющая осмотра места происшествия // Библиотека криминалиста. 2015. № 5; Абдрахманова Л. Р., Аветисян К. Р. Изучение возможности исследования «умных часов» для целей выявления противоправной деятельности // Прикладные исследования и технологии ART2019: сб. тр. регион. конф., Москва, 1–2 апреля 2019 года. М.: Московский технол. ин-т, 2019. С. 6–7; Афонин О. Криминалистический анализ часов Apple Watch S0, S1 и S2 // Блог Elcomsoft. URL: <https://blog.elcomsoft.ru/2023/11/kriminalisticheskij-analiz-chasov-apple-watch-s0-s1-i-s2/> (дата обращения: 12.04.2024); Seungjae Jeon, Jaehyun Chung, Doowon Jeong. Watch Out! Smartwatches as criminal tool and digital forensic investigations. URL: <https://arxiv.org/pdf/2308.0902v1.pdf> (дата обращения: 12.04.2024) и др.

водителя, топологии подключения, состояния защиты, целевого предназначения и иных факторов.

В сетях любых видов исследуются информация о сетевом трафике, данные журналов (например, брандмауэра, коммутаторов и маршрутизаторов), сведения о попытках сетевых вторжений, информация, хранимая на устройствах сети.

Таким образом, проведенное исследование позволяет нам прийти к следующим выводам.

1. Перспективы развития этих сетей и их использования для управления объектами категории «Интернет вещей», компьютерного взлома и несанкционированного извлечения или модификации информации, внешнего криминального воздействия на те же элементы оздоровительной или мониторинговой натальной сети приводят к насущной необходимости разработки мер противодействия указанным действиям в целях обеспечения кибербезопасности.

2. Возможность использования этих сетей для несомненной идентификации человека, оценки действий в определенный момент времени, использование в качестве полиграфа также повышают важность криминалистических исследований в рассматриваемой области для правоохранительной деятельности, расследования преступлений, обеспечения личной безопасности и кибербезопасности граждан и юридических лиц.

3. Информация, извлекаемая из рассматриваемых сетей, может нести на себе следы внешнего вмешательства (взлома) натальной или персональной сети, отображать следы действий подозреваемого или потерпевшего до, в момент и после совершения преступления (как непосредственно с использованием данных сетей, так и являться виртуальным следом внешних по отношению к сети действий в системе сети LAN или PAN). Эта информация имеет несомненное криминалистическое значение. С учетом ее электронного характера она может быть использована в качестве электронных доказательств в различных видах судопроизводства.

4. Необходимо активизировать разработку технико-криминалистического и тактико-криминалистического обеспечения работы с рассматриваемыми видами сетей (как источника криминалистически значимой информации), определенный вклад в которую может внести и данная публикация. С технической точки зрения нуждаются в разработке новые приборы дистанционного выявления носителей сети и считывания отдельных ее параметров, аппаратно-программные комплексы работы с информацией сети и т. д. С тактической точки зрения необходимы разработки тактических рекомендаций по производству ОРМ и следственных действий, связанные с выявлением, фиксацией, изъятием и исследованием информации натальной и персональной сетей, сохранением фактора внезапности и возможностью дальнейшего использования информации в качестве доказательств.

5. Законодательное установление повышенной ответственности за причинение вреда здоровью человека или получение личной информации (например, о болезнях, генетических предрасположенностях и т. д.) при вмешательстве в натальную сеть путем дополнения соответствующих статей квалифицирующим признаком «с использованием компьютерных устройств» будет фактором общей и частной превенции.

6. Несомненно, данные, извлекаемые из сетей LAN и PAN, должны носить характер не только следственной тайны, но и (особенно в рамках гражданского, административного и арбитражного процессов) конфиденциальной информации, поскольку могут содержать не связанную с правонарушением информацию, которую лицо не хотело бы распространять (наличие определенных заболеваний, нахождение в определенном месте, конкретные виды активности и т. д.). Безопасность и конфиденциальность данных должны обеспечивать как способы их хранения и передачи, так и повышенная ответственность за их распространение.

Список литературы

Абдрахманова Л. Р., Аветисян К. Р. Изучение возможности исследования «умных часов» для целей выявления противоправной деятельности // Прикладные исследования и технологии ART2019: сб. тр. регион. конф., Москва, 1–2 апреля 2019 года. М.: Московский технол. ин-т, 2019. С. 6–7.

Агибалов В. Ю. Виртуальные следы в криминалистике и уголовном процессе: моногр. М.: Юрлитинформ, 2012. 152 с.

Афонин О. Криминалистический анализ часов Apple Watch S0, S1 и S2 // Блог Elcomsoft. URL: <https://blog.elcomsoft.ru/2023/11/kriminalisticheskij-analiz-chasov-apple-watch-s0-s1-i-s2/> (дата обращения: 12.04.2024).

Басов В. Хроники чипирования: как люди вживляют в себя микрочипы и можно ли сделать это незаметно // MAXIM. URL: <https://www.maximonline.ru/lifestyle/khroniki-chipirovaniya-kak-lyudi-vzhivlyayut-v-sebya-mikrochipy-i-mozhno-li-sdelat-eto-nezametno-id521598/> (дата обращения: 10.04.2024).

Баяндурян А. К. Использование специальных знаний при получении доказательственной информации из IoT-устройств // Цифровые технологии и право: сб. науч. тр. I Междунар. науч.-практ. конф., Казань, 23 сентября 2022 года / под ред. И. Р. Бегишева и др.: в 6 т. Т. 4. Казань: Познание, 2022. С. 59–62.

Вехов В. Б. Криминалистическое учение о компьютерной информации и средствах ее обработки: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2008. 45 с.

Вехов В. Б. Основы криминалистического учения об исследовании и использовании компьютерной информации и средств ее обработки: моногр. Волгоград: ВА МВД России, 2008. 401 с.

Мещеряков В. А. Основы методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации: дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2001. 387 с.

Мещеряков В. А. Теоретические основы механизма слеодообразования в цифровой криминалистике: моногр. М.: Проспект, 2022. 176 с.

Мещеряков В. А., Яковлев А. Н. «Электронная» составляющая осмотра места происшествия // Библиотека криминалиста. 2015. № 5. С. 280–291.

Милашев В. А. Проблемы тактики поиска, фиксации и изъятия следов при неправомерном доступе к компьютерной информации в сетях ЭВМ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 208 с.

Нестеров А. В. Виртуальные следы в криминалистике: учеб. М.: КноРус, 2024. 153 с.

Смушкин А. Б. Отдельные аспекты использования концепции интернета вещей в целях противодействия преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 3. С. 453–460. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(3).453-460.

Смушкин А. Б. Цифровизация криминалистической деятельности: учеб. пособие / под ред. В. Б. Вехова. М.: КноРус, 2024. 198 с.

Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности / Е. Р. Россинская, А. И. Семикаленова, И. А. Рядовский, Т. А. Сааков; под ред. Е. Р. Россинской; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации; Московский гос. юрид. ун-т им. О. Е. Кутафина (МГЮА). М.: Проспект, 2022. С. 256 с.

Федотов Н. Н. Форензика – компьютерная криминалистика. М.: Юрид. мир, 2007. 418 с.

Цифровые следы преступлений: моногр. М.: Проспект, 2021. 168 с.

Яковлев А. Н. Теоретические и методические основы экспертного исследования документов на машинных носителях информации: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. 218 с.

Bella V. Chinese brain chip helps paralysed man regain mobility – and it's less invasive than Elon Musk's Neuralink // South China Morning Post. URL: https://www.scmp.com/news/china/science/article/3250476/chinese-brain-chip-helps-paralysed-man-regain-mobility-and-its-less-invasive-elon-musks-neuralink?module=top_story&pgtype=homepage (дата обращения: 10.04.2024).

Grauer Y. A practical guide to microchip implants // ARSTECHNICA. URL: <https://arstechnica.com/features/2018/01/a-practical-guide-to-microchip-implants/> (дата обращения: 10.04.2024).

Servida F., Casey E. IoT forensic challenges and opportunities for digital traces // Digital Investigation. Vol. 28. Supplement. April 2019. P. S22–S29.

Seungjae Jeon, Jaehyun Chung, Doowon Jeong. Watch Out! Smartwatches as criminal tool and digital forensic investigations. URL: <https://arxiv.org/pdf/2308.09092v1.pdf> (дата обращения: 12.04.2024).

References

Abdrakhmanova L. R., Avetisyan K. R. (2019) Izuchenie vozmozhnosti issledovaniya «umnykh chasov» dlya tselei vyavleniya protivopravnoi deyatelnosti [Exploring the possibility of researching «smart watches» for the purpose of identifying illegal activities]. In *Prikladnye issledovaniya i tekhnologii ART2019: conference papers*. Moscow, Moskovskii tekhnologicheskii institut, pp. 6–7.

Afonin O. (2023) Kriminalisticheskii analiz chasov Apple Watch S0, S1 i S2 [Forensic analysis of Apple Watch S0, S1 and S2]. In *Blog Elcomsoft*, available at: blog.elcomsoft.ru/2023/11/kriminalisticheskij-analiz-chasov-apple-watch-s0-s1-i-s2/ (accessed: 12.04.2024).

Agibalov V. Yu. (2012) *Virtual'nye sledy v kriminalistike i ugovolnom protsesse: monografiya* [Virtual traces in criminalistics and criminal procedure: monography]. Moscow, Yurлитinform, 152 p.

Basov V. (2020) Khroniki chipirovaniya: kak lyudi vzhivlyayut v sebya mikrochipy i mozhno li sdelat' eto nezametno [Chronicles of chipping: how do people implant microchips into themselves and is it

possible to do it unnoticeably]. In *MAXIM*, available at: <https://www.maximonline.ru/lifestyle/khroniki-chipirovniya-kak-lyudi-vzhivlyayut-v-sebya-mikrochipy-i-mozhno-li-sdelat-eto-nezametno-id521598/> (accessed: 10.04.2024).

Bayanduryan A. K. (2022) Ispol'zovanie spetsial'nykh znaniy pri poluchenii dokazatel'stvennoi informatsii iz IoT-ustroystv [The use of special knowledge in obtaining evidentiary information from IoT devices]. In *Tsifrovye tekhnologii i pravo: conference papers*, ed. by I. R. Begishev, etc.: in 6 volumes. Vol. 4. Kazan', Poznanie, pp. 59–62.

Bella V. Chinese brain chip helps paralysed man regain mobility – and it's less invasive than Elon Musk's Neuralink. In *South China Morning Post*, available at: https://www.scmp.com/news/china/science/article/3250476/chinese-brain-chip-helps-paralysed-man-regain-mobility-and-its-less-invasive-elon-musks-neuralink?module=top_story&pgtype=homepage (accessed: 10.04.2024).

Fedotov N. N. (2007) *Forenzika – komp'yuternaya kriminalistika* [Forenzika – computer criminalistics]. Moscow, Yuridicheskii mir, 418 p.

Grauer Y. (2018) A practical guide to microchip implants. In *ARSTECHNICA*, available at: <https://arstechnica.com/features/2018/01/a-practical-guide-to-microchip-implants/> (accessed: 10.04.2024).

Meshcheryakov V. A. (2001) *Osnovy metodiki rassledovaniya prestuplenii v sfere komp'yuterno informatsii: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Fundamentals of the methodology for investigating crimes in the field of computer information: a doctor of legal sciences thesis]. Voronezh, 387 p.

Meshcheryakov V. A. (2022) *Teoreticheskie osnovy mekhanizma sledoobrazovaniya v tsifrovoi kriminalistike: monografiya* [Theoretical foundations of the mechanism of trace formation in digital forensics: a monography]. Moscow, Prospekt, 176 p.

Meshcheryakov V. A., Yakovlev A. N. (2015) «Elektronnaya» sostavlyayushchaya osmotra mesta proisshestiya [«Electronic» component of the inspection of the scene of the incident]. In *Biblioteka kriminalista*, no. 5, pp. 280–291.

Milashhev V. A. (2004) *Problemy taktiki poiska, fiksatsii i iz'yatiya sledov pri nepravomernom dostupe k komp'yuterno informatsii v setyakh EVM: dis. ... kand. yurid. nauk* [Problems of tactics of search, fixation and removal of traces in case of unauthorized access to computer information in computer networks: a candidate of legal sciences thesis]. Moscow, 208 p.

Nesterov A. V. (2024) *Virtual'nye sledy v kriminalistike: uchebnyk* [Virtual traces in criminalistics: textbook]. Moscow, KnoRus, 153 p.

Rossinskaya E. R. (Ed.) (2022) *Teoriya informatsionno-komp'yuternogo obespecheniya kriminalisticheskoi deyatel'nosti* [Theory of information and computer support for forensic activities]. Moscow, Prospekt, 256 p.

Servida F., Casey E. (2019) IoT forensic challenges and opportunities for digital traces. In *Digital Investigation*, vol. 28, Supplement, April, pp. 22–29.

Seungjae Jeon, Jaehyun Chung, Doowon Jeong (2023) *Watch Out! Smartwatches as criminal tool and digital forensic investigations*, available at: <https://arxiv.org/pdf/2308.09092v1.pdf> (accessed: 12.04.2024).

Smushkin A. B. (2020) Otdel'nye aspekty ispol'zovaniya kontseptsii interneta veshchei v tselyakh protivodeistviya prestupnosti [Certain aspects of using the concept of the Internet of Things in order to counter crime]. In *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal*, vol. 14, no. 3, pp. 453–460, DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(3).453-460.

Smushkin A. B. (2024) *Tsifrovizatsiya kriminalisticheskoi deyatel'nosti: uchebnoe posobie* [Digitalization of criminalistic activity: textbook], ed. by V. B. Vekhov. Moscow, KnoRus, 198 p.

Tsifrovye sledy prestuplenii: monografiya (2021) [Digital traces of crimes: monography]. Moscow, Prospekt, 168 p.

Vekhov V. B. (2008) *Kriminalisticheskoe uchenie o komp'yuterno informatsii i sredstvakh ee obrabotki: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Criminalistic doctrine of computer information and means of its processing: an abstract of a doctor of legal sciences thesis]. Volgograd, 45 p.

Vekhov V. B. (2008) *Osnovy kriminalisticheskogo ucheniya ob issledovanii i ispol'zovanii komp'yuterno informatsii i sredstv ee obrabotki: monografiya* [Fundamentals of criminalistic teaching on the study and use of computer information and its processing tools: monography]. Volgograd, VA MVD Rossii, 401 p.

Yakovlev A. N. (2000) *Teoreticheskie i metodicheskie osnovy ekspertnogo issledovaniya dokumentov na mashinnykh nositelyakh informatsii: dis. ... kand. yurid. nauk* [Theoretical and methodological foundations of expert research of documents on machine media: a candidate of legal sciences thesis]. Saratov, 218 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.10.2024

Дата принятия рукописи в печать: 20.02.2025

ПРИНЦИП ЛИЧНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ СУДЕБНОГО ШТРАФА

Тарасова Екатерина Валерьевна

Преподаватель кафедры уголовного права
Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург), ORCID: 0009-0008-0114-5742, e-mail: catarina.sova@yandex.ru.

В статье исследуется расширительное толкование Верховным Судом РФ субъектного состава возмещения ущерба, причиненного преступлением, на примере освобождения от ответственности с назначением судебного штрафа. Автор анализирует предоставление третьим лицам возможности уплаты возмещения с позиции противоречия доктринальным основам уголовного права. Отмечается, что единственным условием, которое необходимо выполнить для освобождения по ст. 76.2 УК РФ, является возмещение ущерба, при этом оно-то и может быть исполнено другим лицом, не причастным к совершению преступного деяния. Аргументируется, что освобождение от ответственности выступает специфичной мерой уголовно-правового воздействия, оно носит стимулирующий характер, поскольку позволяет виновному продемонстрировать и доказать нивелирование своей общественной опасности путем самостоятельного совершения добровольных действий. В случае же выполнения условий лицами, не причастными к совершению преступления, вывод об утрате общественной опасности виновным представляет собой фикцию. Приводятся доводы, обосновывающие, что освобождение от ответственности – это поощрение, которое, по своей сути, должно предоставляться только лицу, заслуживающему его своими активными действиями. Изучение сущности базового уголовно-правового принципа личной ответственности в отечественном уголовном законодательстве позволило автору установить факт его нарушения в исследуемой позиции Верховного Суда РФ. Выполнение любых условий освобождения должно носить исключительно личный характер. Особое внимание уделяется аспекту неуместного «внедрения» механизмов гражданско-правовой принадлежности в уголовное право. В качестве вывода автор предлагает исключить такое допущение из актов официального толкования или конкретизировать его интерпретацию.

Ключевые слова: принцип личной ответственности, возмещение ущерба, освобождение от ответственности, уголовно-правовое поощрение, судебный штраф

Для цитирования: Тарасова Е. В. Принцип личной ответственности при применении судебного штрафа // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 1. С. 50–58. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_1_50.

THE PRINCIPLE OF PERSONAL RESPONSIBILITY IN THE APPLICATION OF A COURT FINE

Tarasova Ekaterina

Lecturer, Ural State Law University (Yekaterinburg), ORCID: 0009-0008-0114-5742,
e-mail: catarina.sova@yandex.ru.

Using the example of the grounds for exemption from liability with the imposition of a court fine, the article examines the extended interpretation by the Supreme Court of the Russian Federation of the subject matter of compensation for damage caused by a crime. The author analyzes the possibility for third parties to pay compensation from a position of contradiction to the doctrinal foundations of criminal law. It is noted that the only condition that must be fulfilled for release under Art. 76.2 of the Criminal Code of the Russian Federation is compensation for damage, and it can be performed

by another person who is not involved in the commission of a criminal act. It is argued that exemption from liability is a specific measure of criminal legal influence, it has a stimulating character, since it allows the perpetrator to demonstrate and prove the leveling of his public danger by independently committing voluntary actions. If the conditions are fulfilled by persons who were not involved in the commission of the crime, the conclusion about the loss of public danger by the perpetrator is a fiction. Arguments are given to substantiate that exemption from responsibility is an incentive, which, in essence, should be provided only to a person who deserves it through his active actions. Studying the essence of the basic criminal law principle of personal responsibility in domestic criminal legislation allowed the author to establish the fact of its violation in the position of the Supreme Court of the Russian Federation under study. The fulfillment of any conditions of release must be exclusively personal. Particular attention is paid to the aspect of the inappropriate «introduction» of mechanisms of civil law affiliation in criminal law. As a conclusion, the author suggests excluding such an assumption from the acts of official interpretation or specifying its interpretation.

Key words: the principle of personal responsibility, compensation for damages, exemption from liability, criminal legal encouragement, court fine

For citation: Tarasova E. (2025) The principle of personal responsibility in the application of a court fine. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 1, pp. 50–58, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_1_50.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена концепцией восстановительного правосудия, идеи которой активно проникают в материю уголовного права. Во многом именно благодаря такому влиянию в Уголовном кодексе РФ добровольное возмещение ущерба и (или) заглаживание вреда, причиненного преступлением, было прямо закреплено в качестве условия освобождения от ответственности. В настоящее время почти каждый год количество оснований, содержащих данное условие, увеличивается (последние изменения были в 2021 г.¹), при этом можно заметить, что устанавливаемые законодателем и толкуемые правоприменителем требования к выполнению «восстановительных» условий нередко противоречат доктринальным основам уголовного права.

Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (далее – постановление № 19) существует одно примечательное дозволительное – возможность уплаты возмещения ущерба, причиненного преступлением, третьими лицами при освобождении от ответственности по основаниям, предусмотренным ст. 75–76.2 УК РФ.

Подобный подход к пониманию процесса выполнения условий освобождения вызывает множество вопросов, затрагивающих основополагающие принципы уголовного права. В частности, мы говорим о незыблемости принципа личной ответственности, поскольку право на реализацию условия, необходимого для освобождения, предоставляется другому лицу, не причастному к совершению деяния.

Особо из всех перечисленных оснований выделяется судебный штраф (ст. 76.2 УК РФ). Дело здесь состоит в том, что в деятельном раскаянии или примирении с потерпевшим само основание освобождения содержит совокупность условий, комплексная оценка выполнения которых дает правоприменителю возможность сделать вывод о целесообразности освобождения (помимо возмещения ущерба, лицо должно примириться, а для деятельного раскаяния и вовсе самостоятельно совершить ряд действий: явиться с повинной, способствовать раскрытию и расследованию преступления и т. д.). Судебный же штраф содержит одно-единственное условие о возмещении ущерба, при осуществлении которого суд имеет полное право вынести по-

¹ Федеральный закон от 1 июля 2021 г. № 241-ФЗ «О внесении изменений в статьи 195 и 196 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

становление об освобождении от ответственности. Его-то и дозволяется выполнять иным, не причастным к деянию, лицам.

Конечно, окончательное освобождение происходит только при уплате виновным назначенной суммы судебного штрафа, однако интерес для нас представляет именно сама возможность принятия решения об освобождении, которая в данном случае может основываться не на результатах оценки действий виновного лица.

Такой подход к пониманию и реализации норм об освобождении от ответственности вступает в некоторое противоречие с доктринальными основами уголовного права.

Утрата общественной опасности как основание освобождения

Любое «классическое» основание освобождения от ответственности, имеющее целью поощрить положительное посткриминальное поведение, как уже было указано ранее, должно содержать в себе критерии, позволяющие оценить утрату виновным лицом общественной опасности. В настоящее время законодательно такое требование закреплено только в ч. 1 ст. 75 УК РФ, тем не менее данное суждение неоднократно приводилось исследователями, изучающими вопросы освобождения от ответственности. Например, как указывает А. В. Наумов, «очевидно, что само по себе совершение лицом преступления небольшой или средней тяжести – это обычно не повод для освобождения такого лица от уголовной ответственности. Не менее важное условие, чтобы само лицо, совершившее преступление указанной тяжести, не представляло общественной опасности (иначе все случаи совершения таких преступлений фактически оказались бы вне сферы уголовной наказуемости)»¹.

Таким образом, именно выполнение установленных законом условий должно продемонстрировать снижение или полное нивелирование лицом своей общественной опасности, в силу чего освобождение от ответственности становится возможным.

В ситуации, когда единственное содержащееся в норме ст. 76.2 УК РФ условие реализуется не причастным к деянию лицом, как таковые основания для констатации утраты общественной опасности виновным отсутствуют. Следовательно, подобный вывод, который зачастую наличествует в правоприменительных актах, всегда фиктивен. При таких обстоятельствах действительно можно было бы задаться вопросом о том, почему бы не освобождать преступников просто при совершении впервые преступлений небольшой или средней тяжести, если активные позитивные действия виновного лица не так важны для оценки его общественной опасности, да и сама такая оценка не особо требуется.

Здесь можно возразить, что мы не совсем верно понимаем смысл п. 3 рассматриваемого постановления № 19 и его следовало бы толковать так: если виновный в силу объективных причин не может самостоятельно возместить ущерб (например, находится в СИЗО), по его просьбе и за его счет это могут сделать другие лица. Однако практика говорит об обратном. Правоприменителем данное положение трактуется и понимается именно как «возместить может кто угодно и за счет ресурсов кого угодно». Приведем примеры.

Постановлением Урюпинского городского суда Волгоградской области по делу № 1-125/2023 от 12 июля 2023 г.² ФИО1, обвиняемый в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 263 УК РФ, был освобожден от ответственности с назначением судебного штрафа. При этом в решении прямо указывалось, что убытки (крупный ущерб), причиненные виновным, были возмещены В., который является работодателем ФИО1. Из мотивировочной части постановления видно, что против освобождения данного лица от ответственности по причине уплаты возмещения не самим виновным выступал государственный обвинитель, однако суд, сославшись на рассматриваемое постановление Пленума, принял положительное для подсудимого решение.

Интересно, что в описании действий виновного суд зачастую приписывает факт возмещения его волевым усилием (в данном случае при описании сути ходатайства обвиняемого), что по показаниям прокурора и потерпевшего не соответствует действительности. Данный факт выявляет низкий уровень техники правопримени-

¹ Наумов А. В. Российское уголовное право: курс лекций. М.: Юрид. лит., 2004. Т. 1. С. 403.

² Постановление по делу № 1-125/2023 от 12 июля 2023 г. Урюпинский городской суд Волгоградской области // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/eVu3qBoK4JdB/> (дата обращения: 15.10.2024).

тельных актов, выражающийся в клишированном подходе к описанию обстоятельств (особенно в постановлениях об освобождении), что ставит вопрос о возможной распространенности исследуемого явления.

Схожую ситуацию можно усмотреть в постановлении Азовского городского суда Ростовской области № 1-450/2020 от 8 сентября 2020 г.¹, где обвиняемый в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 177 УК РФ, был освобожден от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. Интерес представляет тот факт, что сумма неуплаченного кредита вместо виновного была возмещена юридическим лицом АО «Астон». Во-первых, возникает вопрос о нарушении принципа личной ответственности, поскольку воздействие должно претерпевать только лицо, виновное в совершении преступления. Во-вторых, отдельный проблемный аспект здесь состоит в выплате возмещения юридическим лицом, что также противоречит доктринальным позициям о направленности уголовно-правового воздействия только на физических лиц.

Приведем еще один опосредованный пример освобождения от ответственности при уплате возмещения другими лицами, а не самим виновным. В приговоре Ухтинского городского суда Республики Коми по делу № 1-328/2020 от 2 ноября 2020 г.² о привлечении к уголовной ответственности А. за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30 и ч. 5 ст. 228.1 УК РФ, суд прямо указал, что ранее в отношении А. уже возбуждалось уголовное дело по факту хищения ею денег из пекарни, однако оно было прекращено (очевидно, на этапе предварительного следствия), так как ущерб был возмещен ее родителями. В силу отсутствия возможности ознакомиться с данным актом и установить примененное основание освобождения, такой пример не полностью отвечает нашему исследованию (это могла быть ст. 75 или 76 УК РФ, что возможно на этапе предварительного следствия), впрочем, правило постановления № 19 одинаково распространяется на все указанные основания.

Здесь важно обратить внимание, что хотя с позиции уголовного права представленная ситуация не является рецидивом и совершенное вновь преступление рассматривается как совершенное впервые, однако с позиции криминологии повторное совершение преступного деяния, даже если лицо ранее освобождалось от ответственности, представляет собой фактический рецидив, который и мог быть обусловлен отсутствием как такового воздействия в первом случае, легким уходом от него.

Таким образом, закрепление в норме о судебном штрафе единственного условия, которое, ко всему прочему, может выполняться другими лицами (что распространено на практике), представляет собой изъян комплексного характера, не позволяющий провести реальную оценку утраты лицом общественной опасности.

Принцип личной ответственности и личный характер выполнения условий освобождения

Расширение круга субъектов возмещения за счет лиц, не причастных к совершению деяния, представляет серьезную проблему, поскольку оно посягает на принцип личной ответственности. Ведь кто, кроме самого виновного, может являться адресатом уголовно-правового воздействия? По нашему мнению, единственно верным ответом в таком случае будет: «Никто».

Следует отметить, что в науке вопрос о личном характере выполнения условий освобождения фактически никогда подробно не обсуждался.

А. В. Ендольцева на примере деятельного раскаяния указывала, что под ним следует понимать «действия, посредством которых лицо, совершившее преступление, руководствуясь любыми внутренними побуждениями, предотвращает, устраняет или уменьшает тяжесть вредных последствий содеянного либо оказывает помощь правоохранительным органам в раскрытии и расследовании этого и других преступлений...»³. Акцент в данном тезисе ставится на собственных волевых усилиях виновного, что в полной мере справедливо.

¹ Постановление № 1-450/2020 от 8 сентября 2020 г. Азовский городской суд Ростовской области // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/zhdyG8mBRIJ4/> (дата обращения: 15.10.2024).

² Приговор по делу № 1-328/2020 от 2 ноября 2020 г. Ухтинский городской суд Республики Коми // Судебные решения РФ. URL: <https://судебныерешения.рф/51304937/extended> (дата обращения: 15.10.2024).

³ Ендольцева А. В. Институт освобождения от уголовной ответственности: проблемы и пути их решения: моногр. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2004. С. 75.

При этом автор, описывая общие признаки возмещения вреда как условия освобождения, выделяет активность лица, в которой делает оговорку о том, что «оно должно быть произведено собственными силами и средствами виновного. Если же оно осуществляется с помощью других лиц (родственников, знакомых), необходимо, чтобы сам виновный при этом принимал сознательное и активное участие. Пассивное поведение не может быть поставлено в заслугу субъекту»¹.

Такой подход, по нашему мнению, несколько неконкретен и размывает рамки высказанной ранее идеи о необходимости самостоятельного демонстрирования позитивной направленности своих волевых усилий. Иное понимание, расширяющее круг субъектов, автоматически заставляет задумываться о допустимом соотношении степени и характера участия в возмещении вреда третьих лиц с одновременным сознательным и активным участием в этом процессе виновного.

Попробуем подойти к установлению личного характера выполнения условий с позиции уяснения сущности самого принципа личной ответственности.

Принцип личной ответственности всегда был неотъемлемой частью отечественной доктрины уголовного права². В советский период одни ученые указывали, что он во многом подчинен принципу вины и справедливости³, другие придавали ему гораздо большую значимость⁴.

В современный период развития уголовного права принцип личной ответственности достаточно подробно изучался только в разрезе наказания в виде штрафа, назначаемого несовершеннолетним (ч. 2 ст. 88 УК РФ)⁵, относительно же выполнения условий освобождения от ответственности ему уделялось достаточно скромное внимание, что дополнительно подчеркивает новизну нашего исследования.

Итак, самое подробное описание принципа личной ответственности дали С. Г. Келина и В. Н. Кудрявцев в своей работе о принципах советского законодательства: «Лицо, совершившее преступление, отвечает лишь за то, что было совершено им лично»⁶. Ученые выделяли три элемента: 1) уголовную ответственность несут только физические лица; 2) лицо несет уголовную ответственность лишь за то, что было совершено его собственными действиями (бездействием); 3) наказание за преступление имеет личный характер, т. е. должно распространяться только на лицо, его совершившее⁷.

Последний компонент представляет для нашего исследования особый интерес. Его важность состоит в том, что наказание как основной элемент уголовно-правового воздействия претерпевает только виновный. Никто другой не может нести ответственность за преступника или разделять ее с ним. В ином случае значение воздействия полностью нивелируется, поскольку его целью является исправление виновного и предупреждение совершения новых преступлений (как им, так и обществом в целом).

Вместе с тем, возможно, такие суждения справедливы только относительно непосредственного несения наказания, но не затрагивают вопросы освобождения? По нашему мнению, однозначно, личный характер присущ и выполнению условий освобождения от ответственности и наказания.

¹ Ендольцева А. В. Указ. соч. С. 84.

² Баумштейн А. Б. Концептуальные начала уголовного права России: дис. ... д-ра юрид. наук. Курск, 2017. С. 263.

³ См., например: Курс уголовного права: в 5 т. / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М.: Зерцало, 2002. Т. 2: Общая часть. Учение о наказании. С. 6; Фефелов П. А. Понятие и система принципов советского уголовного права / Высш. школа МВД СССР. Свердлов. отд-ние. Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1970. С. 97; Филимонов В. Д. Принципы уголовного права. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. С. 48.

⁴ Келина С. Г., Кудрявцев В. Н. Принципы советского уголовного права. М.: Наука, 1988. С. 99.

⁵ См., например: Баженов О. Н. Наказание в виде штрафа: проблемы законодательного закрепления, назначения и исполнения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 12; Благов Е. В. Применение уголовного права. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. С. 470–471; Лемперт И. Н. Правовая характеристика штрафа как вида уголовного наказания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004. С. 7; Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. С. 233; Уткина С. С. Уголовное наказание в виде штрафа: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2004. С. 7; Шеслер А. В. Уголовно-правовая политика: учеб. пособие. Новокузнецк: ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России, 2018. С. 53–54.

⁶ Келина С. Г., Кудрявцев В. Н. Указ. соч. С. 99.

⁷ Там же. С. 100.

Данные институты, как и несение ответственности, относятся к уголовно-правовому воздействию, поскольку, как уже обосновывалось, предполагают направление виновным лицом своей воли на самоисправление, активную демонстрацию утраты общественной опасности путем выполнения перечисленных в законе условий.

Таким образом, в норме о судебном штрафе закон требует от виновного только «попасть» в основания освобождения, т. е. впервые совершить преступление небольшой или средней тяжести (однако ч. 6 ст. 15 УК РФ автоматически включает в перечень оснований тяжкие преступления¹), единственное же условие, необходимое для принятия судом решения об освобождении, может быть выполнено третьими лицами.

Данный подход свидетельствует о слабом потенциале воздействия на виновного. Лицо в таком случае не демонстрирует нивелирование своей общественной опасности, стереотипные суждения правоприменителя об этом, содержащиеся в мотивировочной части постановлений об освобождении, нельзя признать обоснованными и правомерными. Безнаказанность, соседствующая с отсутствием активных волевых действий виновного, противоречит целям предупреждения и явно не имеет позитивного криминологического потенциала (что и было показано в одном из примеров).

Считаем необходимым согласиться с позициями, высказанными в современных научных исследованиях. Например, Т. Р. Сабитов выделил из принципа личной ответственности принцип личного характера поощрения, который, по мнению автора, означает, что поощряемо может быть только то лицо, которое своими действиями заслужило это поощрение², т. е. не третьи лица и не виновный за действия третьих лиц.

Оспаривать справедливость данного тезиса, по нашему мнению, не имеет никакого смысла, поскольку судебный штраф – классический пример нормы стимулирующе-поощрительного характера, поэтому и выполнение всех действий должно отражать волю и быть на совести виновного.

Использование подходов гражданско-правовой отраслевой принадлежности в уголовном праве

В качестве последнего аспекта проблемы укажем, что исследуемое допущение свидетельствует о смешении инструментария отраслей уголовного и гражданского права.

Возмещение ущерба, причиненного преступлением, – типичное проявление гражданско-правового обязательства, проистекающего из деликта. С точки зрения гражданского права обязательство любого рода помимо основного должника может добровольно исполнить абсолютно любое третье лицо (ст. 313 ГК РФ) с одновременным переходом к нему прав кредитора. Кроме того, в определенных законом случаях деликтное обязательство, связанное с возмещением вреда, должны исполнять третьи лица: родители, попечители (опекуны), работодатель, государственный или муниципальный орган (ст. 1068–1070, 1073, 1076 ГК РФ и др.).

Таким образом, если говорить о возмещении вреда, причиненного преступлением, как подвиде деликтного обязательства, то оно действительно может исполняться третьими лицами со всеми вытекающими для них правовыми последствиями. При этом данный факт никаким образом не может влиять на меру ответственности виновного, поскольку описываемый механизм лежит в рамках гражданского права и процесса.

Включая же в уголовный закон понятие «возмещение ущерба», законодатель во всех случаях позиционировал его как ожидаемый от виновного акт добровольного характера (правда, текстуально это закреплено только в п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ), который, в свою очередь, должен выступить для правоприменителя «индикатором» исправления, снижения общественной опасности лица, совершившего преступление.

Дополнительным аргументом здесь будет служить разность целей и задач отраслей гражданского и уголовного права. Если первое, в сущности, имеет в качестве единственной основополагающей цели восстановление гражданских (имущественных и иных) прав любыми доступными способами, то второе должно воздействовать

¹ На практике нередко случаи применения судами ч. 6 ст. 15 УК РФ для изменения категории деяния с тяжкого на среднюю тяжесть с последующим освобождением лица от уголовного наказания по основаниям, предусмотренным для освобождения от ответственности (ст. 75–76, 76.2 УК РФ).

² Сабитов Т. Р. Уголовно-правовые принципы: понятие, система и виды: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2019. С. 356.

на виновного с целью его исправления, предупреждения совершения новых противоправных деяний. Именно добровольность и личное участие преступника в заглаживании вреда демонстрирует снижение или полную утрату им общественной опасности, что и вызывает закономерное поощрение со стороны государства.

Включение в механизм уголовно-правового воздействия положений гражданско-правовой доктрины об обязательствах, допускающих расширение круга субъектов возмещения, указывает на искусственное и неуместное встраивание элемента иной отраслевой принадлежности и назначения в уголовное право.

Конечно, у процесса смещения фокуса внимания правоприменителя с субъекта возмещения ущерба на сам факт возмещения есть определенные объективные причины, заключающиеся, главным образом, в чудовищном объеме невыплат по гражданским искам в уголовном процессе¹. Тем не менее столь важная категория прав, как права потерпевшего, хоть и должна составлять преимущественную сферу заботы законодателя и правоприменителя, однако любые новые подходы к улучшению ситуации не должны затрагивать основы той или иной отрасли права.

Заключение

К сожалению, следует отметить, что сегодня на страницах научных публикаций чаще можно встретить поддержку идеи дозволения выплаты возмещения третьими лицами, нежели ее критику². В свою очередь, считаем необходимым еще раз подчеркнуть ключевые аспекты нашего исследования.

1. Действие принципа личной ответственности распространяется не только на факт несения ответственности и наказания, но и на выполнение условий освобождения от них.

2. Добровольное возмещение ущерба и (или) заглаживание вреда, причиненного преступлением, должно выполняться виновным лицом самостоятельно за счет собственных средств и волевых усилий. Иной подход, допускающий выполнение условий освобождения третьими лицами, не позволяет производить оценку исправления виновного, что говорит и о невозможности его поощрения. Особенно ярко это проявляется в основаниях, где возмещение выступает единственным условием, которое необходимо выполнить для освобождения (в частности, ст. 76.2 УК РФ).

3. Действия правоприменителя по расширению круга субъектов возмещения ущерба и (или) заглаживания вреда свидетельствуют о сближении отраслей уголовного и гражданского права, поскольку при таком подходе приоритет отдается задаче восстановления прав потерпевшего любыми возможными способами при задействовании уголовно-правовых ресурсов и механизмов, главенствующей целью которых должно быть исправление виновного.

В связи с этим предлагаем два альтернативных варианта решения исследуемого противоречия, осуществляемых путем внесения изменений в постановление № 19:

а) полностью устранить положение о возможности уплаты возмещения третьими лицами, не причастными к совершению преступления;

б) произвести конкретизацию данного положения посредством указания на допустимость уплаты возмещения другими лицами из средств виновного в ситуациях, когда в силу объективных причин самостоятельная передача такового преступником невозможна (например, нахождение в СИЗО, больнице и т. п.).

Список литературы

Баженов О. Н. Наказание в виде штрафа: проблемы законодательного закрепления, назначения и исполнения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 35 с.

¹ Мониторинг достижения ключевых показателей эффективности деятельности ФССП России, установленных на 2023 год (распоряжение Минюста России от 29 декабря 2022 года № 1850-п) за 12 месяцев 2023 года (с нарастающим итогом) // Официальный сайт ФССП России. URL: https://fssp.gov.ru/deals/osnovnye_rezultaty_deyatelnosti_federalnoj_sluzhby_sudebnykh_pristavov/indicators/vypolnenie_federalnoj_sluzhboj_sudebnykh_pristavov_osnovnykh_pokazatelej_deyatelnosti_po_itogam_raboty/2803330 (дата обращения: 07.10.2024).

² См.: Кузнецов А. В. Общие и специальные основания освобождения от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2017. С. 89; Лаптев Д. Б. Акцессорные уголовно-правовые меры: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2023. С. 230; Соловьев А. Г. Судебный штраф в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2023. С. 11.

Баумштейн А. Б. Концептуальные начала уголовного права России: дис. ... д-ра юрид. наук. Курск, 2017. 381 с.

Благов Е. В. Применение уголовного права. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 503 с.

Ендольцева А. В. Институт освобождения от уголовной ответственности: проблемы и пути их решения: моногр. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2004. 231 с.

Келина С. Г., Кудрявцев В. Н. Принципы советского уголовного права. М.: Наука, 1988. 176 с.

Кузнецов А. В. Общие и специальные основания освобождения от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2017. 202 с.

Курс уголовного права: в 5 т. / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М.: Зерцало, 2002. Т. 2: Общая часть. Учение о наказании. 464 с.

Лаптев Д. Б. Акцессорные уголовно-правовые меры: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2023. 456 с.

Лемперт И. Н. Правовая характеристика штрафа как вида уголовного наказания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004. 23 с.

Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 337 с.

Наумов А. В. Российское уголовное право: курс лекций. М.: Юрид. лит., 2004. Т. 1. 496 с.

Сабитов Т. Р. Уголовно-правовые принципы: понятие, система и виды: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2019. 421 с.

Соловьев А. Г. Судебный штраф в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2023. 23 с.

Уткина С. С. Уголовное наказание в виде штрафа: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2004. 24 с.

Фефелов П. А. Понятие и система принципов советского уголовного права. Высш. школа МВД СССР. Свердлов. отд-ние. Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1970. 144 с.

Филимонов В. Д. Принципы уголовного права. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. 139 с.

Шеслер А. В. Уголовно-правовая политика: учеб. пособие. Новокузнецк: ФКОУ ВО Кузбасский ин-т ФСИН России, 2018. 78 с.

References

Baumshtein A. B. (2017) *Kontseptual'nye nachala ugolovnogo prava Rossii: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Conceptual principles of Russian criminal law: a doctor of legal sciences thesis]. Kursk, 381 p.

Bazhenov O. N. (2013) *Nakazanie v vide shtrafa: problemy zakonodatel'nogo zakrepleniya, naznacheniya i ispolneniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Penalty in the form of a fine: problems of legislative consolidation, appointment and execution: an abstract of a candidate of legal sciences thesis]. Moscow, 35 p.

Blagov E. V. (2004) *Primenenie ugolovnogo prava* [Application of criminal law]. Saint-Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press, 503 p.

Endol'tseva A. V. (2004) *Institut osvobozhdeniya ot ugolovnoi otvetstvennosti: problemy i puti ikh resheniya: monografiya* [The institute of exemption from criminal liability: problems and ways to solve them: monography]. Moscow, IUNITI-DANA, Zakon i pravo, 231 p.

Fefelov P. A. (1970) *Poniatie i sistema printsipov sovetskogo ugolovnogo prava* [The concept and system of principles of Soviet criminal law]. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 144 p.

Filimonov V. D. (2002) *Printsipy ugolovnogo prava* [Principles of criminal law]. Moscow, TSentr YurInfoR, 139 p.

Kelina S. G., Kudriavtsev V. N. (1988) *Printsipy sovetskogo ugolovnogo prava* [Principles of Soviet criminal law]. Moscow, Nauka, 176 p.

Kuznetsov A. V. (2017) *Obshchie i spetsial'nye osnovaniya osvobozhdeniya ot ugolovnoi otvetstvennosti po delam o prestupleniyakh v sfere ekonomicheskoi deyatel'nosti: problemy teorii i praktiki: dis. ... kand. yurid. nauk* [General and special grounds for exemption from criminal liability in cases of crimes in the field of economic activity: a candidate of legal sciences thesis]. Vladivostok, 202 p.

Kuznetsova N. F., Tiazhkova I. M. (Eds.) (2002) *Kurs ugolovnogo prava: v 5 t. T. 2: Obshchaia chast'. Uchenie o nakazanii* [The course of criminal law: in 5 volumes. Vol. 2: The general part. The doctrine of punishment]. Moscow, Zertsalo, 464 p.

Lapte D. B. (2023) *Aktsessornye ugolovno-pravovye mery: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Accessory criminal law measures: a doctor of legal sciences thesis]. Moscow, 456 p.

Lempert I. N. (2004) *Pravovaya kharakteristika shtrafa kak vida ugolovnogo nakazaniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal characteristics of a fine as a type of criminal punishment: an abstract of a candidate of legal sciences thesis]. Krasnoyarsk, 23 p.

Lopashenko N. A. (2004) *Osnovy ugolovno-pravovogo vozdeistviya* [The fundamentals of criminal-law influence]. Saint-Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press, 337 p.

Naumov A. V. (2004) *Rossiiskoe ugovnoe pravo: kurs lektsii. T. 1* [Russian criminal law. A course of lectures. Vol. 1]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 496 p.

Sabitov T. R. (2019) *Ugovno-pravovye printsipy: poniatie, sistema i vidy: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Criminal law principles: concept, system and types: a doctor of legal sciences thesis]. Yekaterinburg, 421 p.

Shesler A. V. (2018) *Ugovno-pravovaya politika: uchebnoe posobie* [Criminal law policy: textbook]. Novokuznetsk, 78 p.

Solov'ev A. G. (2023) *Sudebnyi shtraf v rossiiskom ugovnom sudoproizvodstve: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Judicial fine in Russian criminal proceedings: an abstract of a candidate of legal sciences thesis]. Saint-Petersburg, 23 p.

Utkina S. S. (2004) *Ugovnoe nakazanie v vide shtrafa: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminal penalty in the form of a fine: an abstract of a candidate of legal sciences thesis]. Tomsk, 24 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.10.2024

Дата принятия рукописи в печать: 20.02.2025

ТРУДНАЯ СУДЬБА «ПРАВА СОЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ» В ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ И СИСТЕМЕ ПРАВА: ИЗ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В СССР

Войта Ульяна Алексеевна

Аспирант кафедры истории государства и права
Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург), ORCID: 0009-0006-7878-2577, e-mail: u.a.voita@mail.ru.

В ходе исторического развития в обществе могут складываться новые виды социальных отношений, требующие правовой регламентации. Формирующиеся правовые массивы нужно интегрировать в существующую систему права и законодательства. Это возможно только при условии теоретической проработки вопроса. Осмысление «права социальной культуры» – яркий исторический пример такой интеграции, способствующей выводу необходимых теоретических положений. В работе приведен краткий очерк положения сферы культуры в конце XIX – начале XX в. в Российской империи, описаны коренные изменения, которые были совершены большевистской властью. Очерчены основные исторические этапы дискуссии о месте «права социальной культуры» в системе социалистического права. На базе полученных результатов сформулирован ряд актуальных выводов общего характера (о логике дискуссии, значении правовой науки и др.).

Ключевые слова: система права, система законодательства, сфера культуры в Российской империи, право социальной культуры, правовое регулирование культуры в СССР

Для цитирования: Войта У. А. Трудная судьба «права социальной культуры» в правовой доктрине и системе права: из Российской империи в СССР // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 1. С. 59–68. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_1_59.

THE DIFFICULT FATE OF THE «SOCIAL CULTURE LAW» IN THE LEGAL DOCTRINE AND SYSTEM OF LAW: FROM THE RUSSIAN EMPIRE TO THE USSR

Voita Uliana

Postgraduate, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg),
ORCID: 0009-0006-7878-2577, e-mail: u.a.voita@mail.ru.

In the course of historical development new types of social relations may emerge in society, requiring legal regulation. These new legal frameworks require integration into the existing legal system. This process is only possible if a theoretical study of the issue is conducted. The «social culture law» provides a vivid example of such integration. It helps to derive necessary theoretical propositions. The paper provides a brief overview of the situation in the cultural sphere of the Russian Empire in the late XIX – early XX century, the fundamental changes introduced by the Bolshevik government are described. The main stages of discussion on the role of the «social culture law» within the socialist legal system are outlined. Based on the results obtained, a number of relevant general conclusions can be drawn (regarding the logic of discussion, the significance of legal science, etc.).

Key words: legal system, legal framework, cultural sphere in the Russian Empire, social culture law, legal regulation of culture in the USSR

*For citation: Voita U. (2025) The difficult fate of the «social culture law» in the legal doctrine and system of law: from the Russian Empire to the USSR. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 1, pp. 59–68, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_1_59.*

Вопрос о систематике права становится актуальным в те периоды, когда установившиеся правовые положения перестают успевать за динамикой изменения общественных отношений. На современном этапе социально-экономического развития России в отечественном правоведении данная проблематика вновь актуальна, что закономерно обусловлено комплексом причин, в числе которых можно выделить цифровизацию многих сфер общественной жизни, развитие искусственного интеллекта, обновление экономических моделей (криптовалюты), так называемую пятую информационную научно-техническую революцию¹ и т. п.

Не следует игнорировать исторический опыт «юридического ответа» на подобные вызовы в недавнем отечественном прошлом. Переход от дореволюционного юридического опыта к советскому, когда перед наукой ставились, по существу, те же задачи, что и сейчас, заслуживает в связи с этим пристального анализа, так как промышленная революция, приведшая к урбанизации конца XIX – начала XX в. и поставившая советскую правовую науку перед необходимостью формирования «научного ответа», по своим масштабам вполне сопоставима с текущими «вызовами».

Одна из множества проблем, вставших перед советской юридической наукой уже на стадии ее зарождения, была связана с объективным фактом принципиального изменения базовой модели взаимодействия государства и культуры (как социальной, так и художественной). Например, воспитательные учреждения для детей-сирот до революции в большинстве своем создавались и содержались частными благотворительными организациями, несмотря на попытки государства перейти к организованному, законному призрению начиная с XVIII в.² Здравоохранение для неимущих также оказывалось предметом благотворительности, потому что профессиональная светская медицина всегда была платной, причем дорогостоящей, воспользоваться ей могли лишь определенные слои населения³. Из-за недостаточного количества государственных школ, их плохой материальной обеспеченности, нехватки педагогических кадров и прочих проблем в Российской империи оставался высокий спрос на частные учебные заведения⁴. Императорские театры существовали и получали государственные субсидии, при этом в провинциях развивались частные стационарные театры и антреприза, которые имели целью, в первую очередь, извлечение прибыли из своей деятельности⁵. Дворяне собирали коллекции предметов изобразительного искусства и библиотеки, многие из них не были доступны широкой публике⁶. Законы о государственном управлении учреждениями благоустройства и благочиния под влиянием европейских учений о полиции постепенно формировали полицейское законодательство в Российской империи, которое осмыслялось наукой полицейского права, ставшей позднее наукой административного права⁷.

Отказавшись от неприемлемого по политико-идеологическим основаниям «частно-буржуазного» отношения к культуре, советская власть воспринимала сферу культуры как одну из сфер прямого административного управления. Советское государ-

¹ Информационное право / И. Л. Бачило, В. Н. Лопатин, М. А. Федотов. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. С. 51.

² Нижник Н. С. Создание детских воспитательных учреждений в Российской империи как способ обеспечения защиты интересов ребенка // Вестник Челябинского института экономики и права. 2000. № 1. С. 76.

³ Смирнова Е. М. Частная врачебная практика в России (XVIII – начало XX в.) // Новый исторический вестник. 2014. № 41. С. 44.

⁴ Фролова С. А. Частное образование как гражданская инициатива в конце XVIII – первой половине XIX в. // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. № 1. С. 20.

⁵ Исмаилов С. Н. Государственное регулирование театрального дела в Российской империи в XIX в. // Актуальные проблемы гуманитарных наук: тр. III науч.-практ. конф. / отв. ред. Л. С. Аджиева. Симферополь, 2017. С. 78–81.

⁶ Из истории частных коллекций России XVIII–XXI веков: Голицынская картинная галерея и Большое собрание изящных искусств АСГ // Информационный портал: Мир искусств. URL: https://int-ant.ru/news/news-culture/art_k/iz-istorii-chastnykh-kollektsiy-rossii-xviii-xxi-vekov-golitsynckaya-kartinnaya-galereya-i-bolshoe-s/ (дата обращения: 06.12.2024).

⁷ Зигунникова Н. Н., Калинина А. В. Профессор В. Н. Дурденевский – автор «Лекций по праву социальной культуры»: штрихи к интеллектуальной биографии // Права человека: формы реализации и способы защиты в исторической ретроспективе (российский и зарубежный опыт): сб. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. в рамках Саратовского междунар. юрид. форума, посвященного 90-летию Саратовской государственной юридической академии, Саратов, 8 июня 2021 года. Саратов: Саратов. гос. юрид. академия, 2021. С. 62.

ство, следуя базовым философско-идеологическим принципам, исходило из того, что культура может и должна быть эффективным средством пропаганды коммунистических идей. В. И. Ленин учил: «Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру – без такого понимания нам этой задачи не разрешить. ...Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества»¹.

Соответствующие идеологемы были закреплены и на нормативно-правовом уровне. Так, в Конституции РСФСР 1918 г. было отражено указание на принятие мер к поднятнью территорий в культурном отношении (п. «б» ст. 61)². В соответствии с Декретом от 9 ноября 1917 г. была создана Государственная комиссия по просвещению для руководства и контроля за культурой³.

Принятие данного решения в самые первые дни революции – показатель отношения большевистского руководства к вопросам просвещения народных масс. Культурное строительство в СССР началось в сложных условиях и получило название «культурной революции», т. е. произошел коренной переворот в духовной жизни общества под руководством государства⁴. Поэтому административное управление в сфере культуры стало неотъемлемой частью государственной политики с самых первых дней образования Советского государства. В новых политико-идеологических и философских условиях «культура» стала институционализироваться и развиваться, в том числе как просветительская деятельность.

Именно на этапе перехода от старого строя к новому начало формироваться особое направление в советском государственном управлении – управление социально-культурным строительством, в связи с чем закономерно возникла необходимость правовой регламентации осуществления такой культурно-просветительской деятельности: нормативное регулирование управления государственными органами, осуществляющими выработку планов, контроль и надзор за их выполнением; регламентация деятельности служб, учреждений и предприятий, непосредственно «производящих» культуру; разработка правовых норм, регулирующих статус работников творческой сферы с учетом их особенностей и т. п.

Эти процессы происходили, как было отмечено выше, в условиях зарождения и становления советской правовой науки, которая, как известно, провозгласила принципиальный разрыв со всеми прежними философскими, идеологическими, общетеоретическими и отраслевыми концепциями, укорененными в «буржуазной» романо-германской правовой традиции.

В 1920-е гг. советская власть стала выстраивать новую политико-правовую систему, основанную на идеях марксизма, и соответствующую таким идеям правовую науку. Вместе с тем ученым-правоведам крайне сложно было искать пути развития нового «социалистического права», ведь в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса правовым вопросам было уделено весьма незначительное внимание, а «буржуазная» доктрина (как пережиток свергнутого строя) оказалась под фактическим запретом. Поэтому сфера права была во многом в парадоксальной ситуации: непрерывно издаются законы и постановления, принимается Конституция, т. е. практическая юриспруденция, откликающаяся на актуальные жизненные нужды, непрерывно развивается, а юридическая наука фактически только начинает создавать саму себя на новых идейных основаниях. Идет интенсивное обсуждение самых базовых, фундаментальных вопросов общей теории права, завязываются бурные дискуссии по принципиальным темам, высказываемые идеи подвергаются активной критике или одобрению: постепенно

¹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 41. М.: Изд-во полит. лит., 1981. С. 304.

² Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г.) // Исторический факультет МГУ: сайт. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm> (дата обращения: 29.11.2024).

³ Декрет ВЦИК и СНК от 9 (22) ноября 1918 г. об учреждении Государственной комиссии по просвещению. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/9638-9-22-noyabrya-dekret-vtsik-i-snk-ob-uchrezhdenii-gosudarstvennoy-komissii-po-prosveshcheniyu#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения: 29.11.2024).

⁴ Фролов А. А., Аксенов С. И. «Культурная революция» в СССР: идеология, практика, результаты (1920–1930-е годы) // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, обществе. 2019. № 1. С. 221.

выстраивается фундамент для дальнейшего обсуждения и закрепления наиболее острых и значимых для истории права положений.

Вопросы просвещения, здравоохранения и социального обеспечения в соответствии с Конституцией СССР 1924 г. были отнесены к самостоятельному ведению республик (ст. 67)¹ и раскрывались в Основном законе каждой республики.

Как указано выше, новое право нуждалось в систематизации, чтобы иметь стройную, законченную архитектуру, связанную четкими закономерностями и иерархией². Теоретическую работу по систематизации советского права одним из первых провел Ю. П. Мазуренко в брошюре «Система права переходного периода: Опыт систематики»³, которая была издана в 1925 г. В ней автор предложил тройственное деление системы социалистического права на политико-организационное, хозяйственное и воспитательно-просветительское. Последнее должно регулировать деятельность государственных органов, общественных организаций и отдельных граждан, направленную на развитие идеологии, физическое воспитание, заботу о здоровье и здоровых условиях труда, об обеспечении инвалидов и нетрудоспособных. В него также включено «просветительское право», «здравоохранительное право», «бытовое право» и правовые нормы отделения церкви от государства.

Отнесение Ю. П. Мазуренко норм, регулирующих семью, брак, охрану труда и борьбу с пьянством, к «бытовому праву» и включение его в «воспитательно-просветительское право» вызывают больше всего вопросов. В труде А. И. Елистратова «Административное право РСФСР» 1925 г. используется более удачный термин – «право социальной культуры», – который четко выделяет и описывает складывающиеся правоотношения и включает только управление в сфере просвещения, здравоохранения и социального обеспечения. А. И. Елистратов внес большой вклад в дискуссию о предмете административного права⁴ и, как многие его современники, поддерживал теоретическое положение о том, что отрасли права разделяются между собой исходя из предмета регулирования. Об этом можно судить по его аргументации в пользу идеи о выделении «права социальной культуры» в особую научную дисциплину. Автор указывал, что перечисленные отрасли советского управления слишком значительны сами по себе и предмет их правового регулирования все же отличается от предмета административного права. Однако основной идеологической и практической причиной для выделения «права социальной культуры» он считал привлечение внимания к решению назревших в столь значимой для пролетариата и социалистического строительства области проблем⁵. Такую точку зрения поддержал и А. М. Турубинер⁶.

В. Н. Дурденевский в 1929 г. также отмечал особую значимость сферы «заботы о развитии и охране человека», но считал, что «право социальной культуры» является подотраслью административного права, так как рассматривалось лишь нормативное закрепление функционирования публичных служб народного образования, здравоохранения и социального обеспечения, которые действуют на тех же основаниях, что и другие⁷. А. Ф. Евтихийев, рассмотрев управление в сфере призрения, в сфере оздоровления жизни и в сфере образования наряду с остальными, не выделил их в самостоятельную группу ни по одному из оснований⁸.

¹ Постановление II Съезда Советов СССР от 31 января 1924 г. «Об утверждении Основного закона (Конституции) Союза Советских Социалистических Республик» // Исторический факультет МГУ: сайт. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1924.htm> (дата обращения: 29.11.2024).

² Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. Т. 1. М.: Юрид. лит., 1981. С. 248.

³ Мазуренко Ю. П. Система права переходного периода: Опыт систематики. Харьков: Юрид. изд-во НКЮ УССР, 1925. 45 с.

⁴ Зипунникова Н. Н., Зипунникова Ю. Н. Судьба ученого в судьбе страны (о книге «Нижник Н. С., Дергилева С. Ю. Государство и право в теоретико-правовых воззрениях А. И. Елистратова: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. 376 с.» как о приглашении к размышлениям) // Genesis: исторические исследования. 2020. № 3. С. 127.

⁵ Елистратов А. И. Административное право РСФСР. Л.: Госиздат, 1925. С. 10–11.

⁶ Турубинер А. М. «Проф. А. И. Елистратов. Административное право РСФСР. Л., 1925» // Административный вестник. 1925. № 12. С. 83.

⁷ Дурденевский В. Н. Лекции по праву социальной культуры. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. С. 9–10.

⁸ Евтихийев А. Ф. Основы советского административного права. Харьков: Юрид. изд-во НКЮ УССР, 1925. V, 331, III с.

В отечественной юридической мысли 1930-х гг. в целом господствовало представление о том, что отрасли права выделяются исходя из предмета регулирования¹. Вместе с тем общее состояние науки о государстве и праве в 1920–1930-х гг. можно оценить как плохо упорядоченное множество позиций, основанных на революционных марксистско-ленинских социалистических идеях. И приведение этого фактически «хаоса» в порядок было начато лишь в 1938 г. с доклада А. Я. Вышинского, где отраслевое деление рассмотрено как необходимость упорядочения основных начал, которыми надлежит руководствоваться при создании правовых норм². Номенклатура отраслей права (именно права, а не научных дисциплин или законодательства) включала в себя: 1) государственное право; 2) трудовое право; 3) колхозное право; 4) административное право; 5) бюджетно-финансовое право; 6) семейное право; 7) гражданское право; 8) уголовное право; 9) судебное право; 10) международное право³. Были сформированы базовые положения, и в этих рамках велась первая дискуссия о системе права. Перечень, предложенный А. Я. Вышинским, чье мнение было авторитетно как для теоретиков, так и для практиков, сформировал «канон», не включивший теоретические положения о «праве социальной культуры» как самостоятельной отрасли. Управление учреждениями образования, здравоохранения, социального обеспечения и художественной культуры было отнесено к предмету административного права. Вероятно, по этим причинам разработка вопроса о «праве социальной культуры» на время прекратилась.

Не будет преувеличением утверждать, что советское право стало уникальным проектом в истории правовой мысли⁴, так как отрасли стали формироваться абсолютно нетипичным для других правопорядков образом.

Предмет правового регулирования – один из системообразующих факторов системы права, но он не может быть основным, так как не является достаточно определенным. В 1970-х гг. в научных трудах начнут высказываться идеи о том, что выделение самостоятельной отрасли – выражение назревших потребностей общественного развития⁵, что красочно иллюстрирует перечень, предложенный А. Я. Вышинским. На наш взгляд, речь идет о естественном и искусственном выделении отраслей права.

Вряд ли можно возразить против тезиса о том, что такие фундаментальные отрасли, как конституционное (государственное), административное (полицейское), гражданское или уголовное право, возникли скорее естественным образом, и они образуют самостоятельные отрасли. Применительно к искусственной или естественной природе формирования таких отраслей права, как трудовое, семейное, земельное и ряд других, в научном сообществе нет единства позиций. Например, выдвигается и обосновывается точка зрения, что это лишь подотрасли гражданского права и по сути своей могли бы регулироваться Гражданским кодексом, так как многие конструкции заимствованы именно из него⁶. Эти и подобные им вопросы послужили предметом второй дискуссии о системе права, временные рамки которой можно условно ограничить периодом 1940–1960-х гг.

После Великой Отечественной войны вновь поднимаются вопросы о системе права, что обусловлено не вполне завершенными и убедительными для научного сообщества результатами первой дискуссии. Так, в 1946 г. С. Ф. Кечекьян одним из первых провел исследование и пришел к выводу, что государственное (конституционное) право является «ориентирующим трамплином» для гражданского и административного права⁷. Такое предположение предшествовало современному пониманию

¹ См., например: *Аржанов М. А.* О принципах построения системы советского социалистического права // Советское государство и право. 1939. № 3. С. 26–35.

² *Азми Д. М.* Система права и ее строение: методологические подходы и решения. М.: Юстицинформ, 2014. С. 22–26.

³ *Вышинский А. Я.* XVIII съезд ВКП(б) и задачи науки социалистического права // Советское государство и право. 1939. № 3. С. 23.

⁴ *Право. Порядок. Ценности: моногр. / под общ. ред. Е. А. Фроловой.* М.: Проспект, 2022. С. 321.

⁵ *Алексеев С. С.* Структура советского права. М.: Юрид. лит., 1975. С. 170.

⁶ См., например: *Может ли Гражданский кодекс применяться к трудовым отношениям? Конечно, да!* // *Zakon.ru.* URL: https://zakon.ru/blog/2023/4/7/mozhet_li_grazhdanskiy_kodeks_primenyatsya_k_trudovym_otnosheniyam_konechno_da?ysclid=ls7olx56a0322234749 (дата обращения: 03.12.2024).

⁷ *Кечекьян С. Ф.* О системе советского социалистического права // Советское государство и право. 1946. № 2. С. 45.

профилирующей (термин С. С. Алексеева) (фундаментальной) отрасли права. Также в доктрине были озвучены мнения о значимости метода правового регулирования для разработки системы права. Рассуждая об императивном и диспозитивном методах регулирования, М. С. Строгович писал, что некоторые отрасли права построены на таком их сочетании, что ни тот, ни другой не будут являться основным¹. На наш взгляд, по такому принципу и сформировались специальные отрасли права. Но «право социальной культуры» к фундаментальным отраслям в результате дискуссии отнесено не было, как специальную отрасль теории его не выделяли.

В 1963 г. Ю. М. Козлов (представитель юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова) издал учебное пособие по советскому административному праву «Управление в области социально-культурного строительства»². В 1968 г. в Саратовском юридическом институте им. Д. И. Курского вышел второй выпуск (Особенная часть) курса лекций по советскому административному праву (автор – В. М. Манохин), где управлению социально-культурным строительством посвящен второй раздел³. Оба автора выделили в особый предмет рассмотрения управление в области народного образования, организации научной работы, в области культуры, здравоохранения и социального обеспечения, что свидетельствует о едином подходе к правовому регулированию деятельности учреждений социальной культуры в различных правовых школах. В обеих работах исследовались системы органов управления перечисленных областей, их компетенция, нормативные акты, регулирующие их деятельность. Сказанное дает основания сделать вывод, что данная сфера рассматривалась в науке исключительно как структурный элемент административного права. А нормы, регулирующие вопросы, связанные с культурой, в период 1940–1960-х гг. имели «прописку» лишь в фундаментальных отраслях права – административном и гражданском. Ни Кодекс законов о труде РСФСР 1922 г., ни Кодекс законов о труде Российской Федерации 1971 г. никаких особых норм для работников культуры и творческих работников не содержали.

Термин «право социальной культуры» фактически остался в 1920-х гг., когда и был выдвинут, а нормативное регулирование управления входящими в соответствующие отношения учреждениями рассматривалось в рамках административного права до середины 1960-х гг. После этого в доктрине стали обсуждать отдельные элементы, входившие до этого в «право социальной культуры», как самостоятельные.

Например, в 1966 г. была выдвинута позиция о том, что в самостоятельную отрасль права можно выделить право социального обеспечения. В. С. Андреев связал это с тем, что сложилось единство предмета регулирования, пенсионные и некоторые другие отношения отделились от трудовых, колхозных и иных, с которыми были тесно связаны. В их регулировании все меньше стали сказываться методы различных отраслей права. Произошла унификация юридических признаков пенсионных правоотношений, проявились особенности данной системы правовых норм, свойственные самостоятельной отрасли права. Однако по состоянию на 1960-е гг. процесс выделения указанной отрасли не был закончен⁴.

Третья дискуссия о системе права, в рамках которой был затронут вопрос о статусе той сферы, попытка выделить которую посредством термина «право социальной культуры» была предпринята в 1920–1930-х гг., развернулась в 1970-х гг. и была связана с развитием теории систем в философии⁵. Ввиду развития экономики стали формироваться новые сферы правового регулирования. Перед правоведами вновь встал вопрос о том, как интегрировать возникающие отношения в уже существующий нормативный массив. Развернулось обсуждение связей между элементами системы пра-

¹ Строгович М. С. Принципы системы советского социалистического права // Известия Академии наук СССР. Серия экономики и права. 1946. № 2–6. С. 91.

² Козлов Ю. М. Управление в области социально-культурного строительства: учеб. пособие по сов. администрат. праву. М.: Московский гос. ун-т, 1963. 84 с.

³ Манохин В. М. Советское административное право: курс лекций. Вып. 2: Часть Особенная. Саратов: Саратов. юрид. ин-т, 1968. 232 с.

⁴ Андреев В. С. Основные проблемы права социального обеспечения в свете решений XXIII съезда КПСС // Тезисы докладов и научных сообщений на межвузовской теоретической конференции «Роль права в развитии социалистической экономики и демократии на современном этапе». М.: Изд-во Московского ун-та, 1966. С. 89.

⁵ Азми Д. М. Указ. соч. С. 145.

ва и выявление «комплексных образований» на основе этих связей¹. Было обращено внимание на разделение понятий «система права» и «система законодательства», а также их соотношение².

В 1970-х гг. ученые предлагают объединить различные нормы права о художественной культуре функциональными связями, исходя из соображений особой ценности (важности) предмета регулирования. Например, в 1979 г. вышла работа С. А. Чернышевой «Правоотношения в сфере художественного творчества», в которой она исследовала правовые отношения в сфере художественного творчества, результатом которого являются духовные ценности, предприняла попытку рассмотреть идеологические и правовые предпосылки формирования художественной культуры, продемонстрировала роль государственных органов и общественных организаций в ее развитии. Помимо этого, автор рассмотрела вопрос о субъектах художественного творчества и уделила внимание анализу понятий и признаков произведений духовного творчества³, т. е. объединила в рамках предмета своего исследования нормы и административного, и гражданского права.

И хотя С. А. Чернышева не решилась предлагать выделение особого комплексного образования, в 1985 г. это сделал Э. Н. Ренов в работе «Правовые основы управления культурой в СССР». Указав, что управление учреждениями и организациями культуры регулируется в рамках административного законодательства, автор подчеркнул, что отношения в области культуры многообразны и специфичны, а потому для их регулирования требуется привлечение широкого круга нормативных предписаний из различных отраслей права. Таким образом, Э. Н. Ренов вслед за В. Н. Шабайловым (который писал об этом в 1981 г.⁴) фактически отстаивал тезис о самостоятельной отрасли законодательства о художественной культуре и даже выдвинул идею создания единого кодифицированного акта, разделенного на Общую и Особенную части. К первой относились бы акты об органах управления, правовом режиме их имущества, планировании, финансировании, материально-техническом снабжении, трудовом обеспечении деятельности, заключаемых договорах; ко второй – дифференцируемое по видам художественной деятельности законодательство⁵. Такой подход отвечает критерию целесообразности ввиду того, что законодательство о художественной культуре развивается быстрыми темпами, а «отсутствие единого кодифицированного акта отрицательно сказывается на процессе приведения отраслевого законодательства в стройную систему»⁶. Однако предложение Э. Н. Ренова не нашло отражения в законодательной практике, вероятно, из-за недостаточной проработки данного вопроса на уровне теории, а также наличия более острых социальных проблем, возникших в конце 1980-х – начале 1990-х гг.

Полагаем, что краткий очерк истории дискуссии о «праве социальной культуры» дает основания для следующих выводов. В самом понятии «право социальной культуры» можно усмотреть попытку выделить и осмыслить объективное явление, возникшее в СССР в 1920-х гг., по поводу которого в советской правовой науке сложилось множество различных представлений (как о его самостоятельности, так и о его природе). В целом представляется логичным отнесение данной сферы к административному праву, ведь еще в начале XX в. признание было делом частной инициативы, а после революции оказалось одним из приоритетных направлений государственной деятельности, управление которым действительно регулируется в рамках административного законодательства. И только особая значимость указанной сферы для раннего развития социалистического общества позволяла ученым предлагать выделение «права социальной культуры» в самостоятельную отрасль права, законодатель-

¹ См., например: Красавчиков О. А. Система права и система законодательства (гражданско-правовой аспект) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1975. № 2. С. 62–71.

² См., например: Лаптев В. В., Шахматов В. П. Цели правового регулирования и система права // Правоведение. 1976. № 4. С. 26–35.

³ Чернышева С. А. Правоотношения в сфере художественного творчества. М.: Наука, 1979. С. 6.

⁴ Шабайлов В. И. Правовое регулирование социально-культурной деятельности. Минск: Наука и техника, 1981. С. 83–84.

⁵ Правовые основы управления культурой в СССР: учеб. пособие / Э. Н. Ренов; Свердлов. юрид. ин-т им. Р. А. Руденко. Свердловск: СЮИ, 1985. С. 27–38.

⁶ Там же. С. 31.

ства и/или научную дисциплину (четкого разделения между которыми на тот момент сформулировано не было).

На особенности регулирования трудовых отношений, возникающих у работников социально-культурных учреждений, особенности правового режима их имущества, планирования, финансирования и т. д. в научной литературе 1920-х гг. внимания обращено не было, так как решались более фундаментальные и актуальные на тот момент проблемы (проблемы общей теории социалистического права), хотя часто звучали лозунги о развитии и закреплении пролетарской культуры в широком смысле. Вероятно, поэтому не было даже предложений о выделении «права социальной культуры» в самостоятельную отрасль по основанию предмета регулирования (как было, например, с «детским правом» или «воздушным правом»).

После утверждения А. Я. Вышинским перечня отраслей права вопрос о «праве социальной культуры» перестал рассматриваться в принципе. И только через большой промежуток времени, когда в теории стали высказываться идеи относительно «комплексных образований», некоторые элементы, входившие в теоретические положения о «праве социальной культуры», стали рассматриваться как самостоятельные отрасли права или комплексные образования.

Изложенное, на наш взгляд, свидетельствует о том, что логика истории осмысления «права социальной культуры» во многом отражает логику истории становления советской теории права в целом, а также убедительно подтверждает, что только полноценная теоретическая проработка является надежной гарантией эффективного правового регулирования. Правовая наука должна постоянно «сопровождать» развитие права, устраняя все негативные эффекты «естественности» этого процесса, превращая этот процесс из стихийного в управляемый.

Список литературы

Азми Д. М. Система права и ее строение: методологические подходы и решения. М.: Юстицинформ, 2014. 392 с.

Алексеев С. С. Структура советского права. М.: Юрид. лит., 1975. 263 с.

Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. Т. 1. М.: Юрид. лит., 1981. 360 с.

Андреев В. С. Основные проблемы права социального обеспечения в свете решений XXIII съезда КПСС // Тезисы докладов и научных сообщений на межвузовской теоретической конференции: «Роль права в развитии социалистической экономики и демократии на современном этапе» / Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Юрид. факультет. М.: Изд-во Московского ун-та, 1966. С. 87–89.

Аржанов М. А. О принципах построения системы советского социалистического права // Советское государство и право. 1939. № 3. С. 26–35.

Вышинский А. Я. XVIII съезд ВКП(б) и задачи науки социалистического права // Советское государство и право. 1939. № 3. С. 1–26.

Дурденевский В. Н. Лекции по праву социальной культуры. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. 327 с.

Евтихийев А. Ф. Основы советского административного права. Харьков: Юрид. изд-во НКЮ УССР. 1925. V, 331, III с.

Елистратов А. И. Административное право РСФСР. Л.: Госиздат, 1925. 214 с.

Зипунникова Н. Н., Зипунникова Ю. Н. Судьба ученого в судьбе страны (о книге «Нижник Н. С., Держилева С. Ю. Государство и право в теоретико-правовых воззрениях А. И. Елистратова: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. 376 с.» как о приглашении к размышлениям) // Genesis: исторические исследования. 2020. № 3. С. 121–132.

Зипунникова Н. Н., Калинина А. В. Профессор В. Н. Дурденевский – автор «Лекций по праву социальной культуры»: штрихи к интеллектуальной биографии // Права человека: формы реализации и способы защиты в исторической ретроспективе (российский и зарубежный опыт): сб. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. в рамках Саратовского междунар. юрид. форума, посвященного 90-летию Саратовской государственной юридической академии, Саратов, 8 июня 2021 года. Саратов: Саратов. гос. юрид. академия, 2021. С. 61–66.

Информационное право / И. Л. Бачило, В. Н. Лопатин, М. А. Федотов. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. 789 с.

Исмаилов С. Н. Государственное регулирование театрального дела в Российской империи в XIX в. // Актуальные проблемы гуманитарных наук: тр. III науч.-практ. конф. / отв. ред. Л. С. Аджиева. Симферополь, 2017. С. 78–81.

Кечекьян С. Ф. О системе советского социалистического права // Советское государство и право. 1946. № 2. С. 41–50.

- Козлов Ю. М. Управление в области социально-культурного строительства: учеб. пособие по сов. администрат. праву. М.: Московский гос. ун-т, 1963. 84 с.
- Красавчиков О. А. Система права и система законодательства (гражданско-правовой аспект) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1975. № 2. С. 62–71.
- Лаптев В. В., Шахматов В. П. Цели правового регулирования и система права // Правоведение. 1976. № 4. С. 26–35.
- Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 41. М.: Изд-во полит. лит., 1981. 696 с.
- Мазуренко Ю. П. Система права переходного периода: Опыт систематики. Харьков: Юрид. изд-во НКЮ УССР, 1925. 45 с.
- Манохин В. М. Советское административное право: курс лекций. Вып. 2: Часть Особенная. Саратов: Саратов. юрид. ин-т, 1968. 232 с.
- Нижник Н. С. Создание детских воспитательных учреждений в Российской империи как способ обеспечения защиты интересов ребенка // Вестник Челябинского института экономики и права. 2000. № 1. С. 60–81.
- Право. Порядок. Ценности: моногр. / под общ. ред. Е. А. Фроловой. М.: Проспект, 2022. 688 с.
- Правовые основы управления культурой в СССР: учеб. пособие / Э. Н. Ренов; Свердлов. юрид. ин-т им. Р. А. Руденко. Свердловск: СЮИ, 1985. 82 с.
- Смирнова Е. М. Частная врачебная практика в России (XVIII – начало XX в.) // Новый исторический вестник. 2014. № 41. С. 44–62.
- Строгович М. С. Принципы системы советского социалистического права // Известия Академии наук СССР. Серия экономики и права. 1946. № 2–6.
- Турубинер А. М. «Проф. А. И. Елистратов. Административное право РСФСР. Л., 1925» // Административный вестник. 1925. № 12. С. 83.
- Фролов А. А., Аксенов С. И. «Культурная революция» в СССР: идеология, практика, результаты (1920–1930-е годы) // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, обществе. 2019. № 1. С. 220–223.
- Фролова С. А. Частное образование как гражданская инициатива в конце XVIII – первой половине XIX в. // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. № 1. С. 20–23.
- Чернышева С. А. Правоотношения в сфере художественного творчества. М.: Наука, 1979. 167 с.
- Шабайлов В. И. Правовое регулирование социально-культурной деятельности. Минск: Наука и техника, 1981. 183 с.

References

- Alekseev S. S. (1975) *Struktura sovetskogo prava* [The structure of Soviet law]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 263 p.
- Alekseev S. S. (1981) *Obshchaya teoriya prava: v 2 t.* [General theory of law: in 2 volumes]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, vol. 1, 360 p.
- Andreev V. S. (1966) Osnovnye problemy prava sotsial'nogo obespecheniya v svete reshenii XXIII s"ezda KPSS [The main problems of social security law in the light of the decisions of the XXIII Congress of the CPSU]. In *Tezisy dokladov i nauchnykh soobshchenii na mezhvuzovskoi teoreticheskoi konferentsii na temu: «Rol' prava v razvitii sotsialisticheskoi ekonomiki i demokratii na sovremennom etape»*. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, pp. 87–89.
- Arzhanov M. A. (1939) O printsipakh postroeniya sistemy sovetskogo sotsialisticheskogo prava [On the principles of building the system of Soviet socialist law]. In *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 3, pp. 26–35.
- Azmi D. M. (2014) *Sistema prava i ee stroenie: metodologicheskie podkhody i resheniya* [The legal system and its structure: methodological approaches and solutions]. Moscow, Yustitsinform, 392 p.
- Bachilo I. L., Lopatin V. N., Fedotov M. A. (2001) *Informatsionnoe pravo* [Information law]. Saint-Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press, 789 p.
- Chernysheva S. A. (1979) *Pravootnosheniya v sfere khudozhestvennogo tvorchestva* [Legal relations in the field of artistic creativity]. Moscow, Nauka, 167 p.
- Durdenevskii V. N. (1929) *Lektsii po pravu sotsial'noi kul'tury* [Lectures on the social culture law]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 327 p.
- Elistratov A. I. (1925) *Administrativnoe pravo RSFSR* [Administrative law of the RSFSR]. Leningrad, Gosizdat, 214 p.
- Evtikhiev A. F. (1925) *Osnovy sovetskogo administrativnogo prava* [Fundamentals of Soviet administrative law]. Kharkiv, Yuridicheskoe izdatel'stvo NKYu USSR, V, 331, III p.
- Frolov A. A., Aksenov S. I. (2019) «Kul'turnaya revolyutsiya» v SSSR: ideologiya, praktika, rezultaty (1920–1930-e gody) [«Cultural Revolution» in the USSR: ideology, practice, results (1920–1930)]. In *Revolutsiya i evolyutsiya: modeli razvitiya v nauke, kul'ture, obshchestve*, no. 1, pp. 220–223.
- Frolova E. A. (Ed.) (2022) *Pravo. Poryadok. Tsennosti: monografiya* [Right. Order. Values: monography]. Moscow, Prospekt, 688 p.

Frolova S. A. (2012) Chastnoe obrazovanie kak grazhdanskaya initsiativa v kontse XVIII – pervoi polovine XIX v. [Private education as a civic initiative at the end of the XVIII – first half of the XIX century]. In *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1, pp. 20–23.

Ismailov S. N. (2017) Gosudarstvennoe regulirovanie teatral'nogo dela v Rossiiskoi imperii v XIX v. [State regulation of theatrical business in the Russian Empire in the XIX century]. In *Aktual'nye problemy gumanitarnykh nauk: conference papers*. Simferopol, pp. 78–81.

Kechek'yan S. F. (1946) O sisteme sovetskogo sotsialisticheskogo prava [On the system of Soviet socialist law]. In *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 2, pp. 41–50.

Kozlov Yu. M. (1963) *Upravlenie v oblasti sotsial'no-kul'turnogo stroitel'stva: uchebnoe posobie po sovetskomu administrativnomu pravu* [Management in the field of socio-cultural construction: textbook on Soviet administrative law]. Moscow, Moskovskii gosudarstvennyi universitet, 84 p.

Krasavchikov O. A. (1975) Sistema prava i sistema zakonodatel'stva (grazhdansko-pravovoi aspekt) [The system of law and the system of legislation (civil law aspect)]. In *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie*, no. 2, pp. 62–71.

Laptev V. V., Shakhmatov V. P. (1976). Tseli pravovogo regulirovaniya i sistema prava [Objectives of legal regulation and the legal system]. In *Pravovedenie*, no. 4, pp. 26–35.

Lenin V. I. (1981) *Polnoe sobranie sochinenii: v 55 t. T. 41* [Complete works: in 55 volumes. Vol. 41]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 696 p.

Manokhin V. M. (1968) *Sovetskoe administrativnoe pravo: kurs lektsii. Vyp. 2: Chast' Osobennaya* [Soviet administrative law: a course of lectures. Is. 2: Special part]. Saratov, Saratovskii yuridicheskii institut, 232 p.

Mazurenko Yu. P. (1925) *Sistema prava perekhodnogo perioda: Opyt sistematiki* [The system of law of the transitional period: The experience of systematics]. Kharkiv, Yuridicheskoe izdatel'stvo NKYu USSR, 45 p.

Nizhnik N. S. (2000) Sozdanie detskikh vospitatel'nykh uchrezhdenii v Rossiiskoi imperii kak sposob obespecheniya zashchity interesov rebenka [The creation of children's educational institutions in the Russian Empire as a way to ensure the protection of the interests of the child]. In *Vestnik Chelyabinskogo instituta ekonomiki i prava*, no. 1, pp. 60–81.

Renov E. N. (1985) *Pravovye osnovy upravleniya kul'turoi v SSSR: uchebnoe posobie* [The legal foundations of cultural management in the USSR: textbook]. Sverdlovsk, SYul, 82 p.

Shabailov V. I. (1981) *Pravovoe regulirovanie sotsial'no-kul'turnoi deyatel'nosti* [Legal regulation of socio-cultural activities]. Minsk, Nauka i tekhnika, 183 p.

Smirnova E. M. (2014) Chastnaya vrachebnaya praktika v Rossii (XVIII – nachalo XX v.) [Private medical practice in Russia (XVIII – early XX century)]. In *Novyi istoricheskii vestnik*, no. 41, pp. 44–62.

Strogovich M. S. (1946) Printsipy sistemy sovetskogo sotsialisticheskogo prava [Principles of the system of Soviet socialist law]. In *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya ekonomiki i prava*, no. 2–6.

Turubiner A. M. (1925) «Prof. A. I. Elistratov. Administrativnoe pravo RSFSR. L., 1925» [«Prof. A. I. Elistratov. Administrative law of the RSFSR. L., 1925»]. In *Administrativnyi vestnik*, no. 12, p. 83.

Vyshinskii A. Ya. (1939) XVIII s"ezd VKP(b) i zadachi nauki sotsialisticheskogo prava [XVIII Congress of the CPSU(b) and the tasks of the science of socialist law]. In *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 3, pp. 1–26.

Zipunnikova N. N., Kalinina A. V. (2021) Professor V. N. Durdenevskii – avtor «Lektsii po pravu sotsial'noi kul'tury»: shtrikhi k intellektual'noi biografii [Professor V. N. Durdenevsky is the author of «Lectures on the law of social culture»: touches to an intellectual biography]. In *Prava cheloveka: formy realizatsii i sposoby zashchity v istoricheskoi retrospektive (rossiiskii i zarubezhnyi opyt): conference papers*. Saratov, Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya, pp. 61–66.

Zipunnikova N. N., Zipunnikova Yu. N. (2020) Sud'ba uchenogo v sud'be strany (o knige «Nizhnik N. S., Dergileva S. Yu. Gosudarstvo i pravo v teoretiko-pravovykh vozzreniyakh A. I. Elistratova: monografiya. M.: Yurlitinform, 2017. 376 s.» kak o priglashenii k razmyshleniyam) [The fate of a scientist in the fate of the country (about the book «Nizhnik N. S., Dergileva S. Yu. The state and law in the theoretical and legal views of A. I. Elistratov: monography. M.: Yurlitinform, 2017. 376 p.» as an invitation to reflection)]. In *Genesis: istoricheskie issledovaniya*, no. 3, pp. 121–132.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.10.2024

Дата принятия рукописи в печать: 20.02.2025

ДОПУСТИМОСТЬ ПРЯМОГО СУДЕБНОГО НОРМОКОНТРОЛЯ В ОТНОШЕНИИ СПЕЦИФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ ТРУДОВОГО ПРАВА

Родионов Артем Олегович

Аспирант кафедры трудового права
Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург), ORCID: 0009-0009-3075-0316, e-mail: zzzrodionovzzz@mail.ru.

В статье утверждается, что в настоящее время прямой судебный нормоконтроль осуществляется лишь в отношении таких источников трудового права, которые принимаются публичными субъектами. Автор критически относится к указанному решению законодателя и к доктринальной идее о невозможности применения прямого судебного нормоконтроля к специфическим источникам трудового права, принимаемым непубличными субъектами (локальным нормативным актам, коллективным договорам и соглашениям, актам общероссийских спортивных федераций, внутренним установлениям религиозных организаций). Основываясь на аргументах о развитии прямого судебного нормоконтроля, расширении его предмета, эволюции источников трудового права, автор подчеркивает, что сущностным признаком прямого судебного нормоконтроля является распространение проверяемого акта на неопределенный круг лиц, а не публичность субъекта, принявшего акт. Автор приходит к выводу о том, что специфические источники трудового права отвечают всем необходимым признакам для констатации допустимости осуществления прямого судебного нормоконтроля в отношении них. В заключение автор выражает надежду на то, что прямой судебный нормоконтроль в отношении источников трудового права особого рода станет эффективным способом защиты от нормотворческих дефектов в сфере наемного труда.

Ключевые слова: судебный нормоконтроль, прямой судебный нормоконтроль, источники трудового права, неопределенный круг лиц

Для цитирования: Родионов А. О. Допустимость прямого судебного нормоконтроля в отношении специфических источников трудового права // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 1. С. 69–80. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_1_69.

THE PERMISSIBILITY OF DIRECT JUDICIAL REVIEW IN RELATION TO SPECIFIC SOURCES OF LABOUR LAW

Rodionov Artyom

Postgraduate, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg),
ORCID: 0009-0009-3075-0316, e-mail: zzzrodionovzzz@mail.ru.

The article argues that at present, direct judicial review is carried out only in relation to such sources of labour law that are accepted by public entities. The author criticizes this legislator's decision and the doctrinal idea of the impossibility of applying direct judicial review to specific sources of labour law adopted by non-public entities (local regulations, collective agreements, Russian sports federations' regulations, religious organizations' internal rules). Based on arguments about the development of direct judicial review, the expansion of its subject and the evolution of sources of labour law, the author emphasizes that the essential feature of direct judicial review is the extension of the act under review to an indefinite circle of persons, and not the publicity of the entity who adopted the act. The author comes to the conclusion that specific sources of labour law meet all the necessary criteria to establish the permissibility of direct judicial review in relation to them. In conclusion, the author expresses the

hope that direct judicial review over sources of labour law of a special kind will become an effective way to protect against regulatory defects in the field of hired labour.

Key words: judicial review, direct judicial review, labour law sources, indefinite circle of persons

*For citation: Rodionov A. (2025) The permissibility of direct judicial review in relation to specific sources of labour law. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 1, pp. 69–80, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_1_69.*

Одной из форм реализации конституционного права на судебную защиту считается институт оспаривания нормативных правовых актов¹, который также называют прямым судебным нормоконтролем². Предметом судебного разбирательства в делах о прямом судебном нормоконтроле является исключительно проверка законности или конституционности нормативного правового акта, в отличие от косвенного нормоконтроля, посредством которого нормативный правовой акт оценивается «в ходе рассмотрения спора о праве»³. В первом случае дело возбуждается непосредственно в целях такой проверки, во втором – вне связи с проверкой нормативного правового акта⁴. Для прямого судебного нормоконтроля характерен специфический процессуальный порядок и особые правовые эффекты, проявляющиеся по результатам рассмотрения дела⁵.

Прямой судебный нормоконтроль в отечественном правопорядке реализуется в форме административного судопроизводства (Арбитражный процессуальный кодекс РФ, Кодекс административного судопроизводства РФ) и конституционного судопроизводства (Закон о Конституционном Суде РФ, Регламент Конституционного Суда РФ), предметом такого нормоконтроля становятся в том числе источники трудового права.

Достаточно часто в орбиту прямого судебного нормоконтроля попадают Трудовой кодекс РФ и прочие федеральные законы, содержащие трудовые нормы⁶. В практике также можно найти примеры судебной нормоконтрольной деятельности и в отношении иных источников трудового права: нормативных правовых актов Правительства РФ⁷, федеральных органов исполнительной власти⁸, органов законода-

¹ Вишняков А. О. Институт оспаривания нормативных правовых актов в цивилистическом процессе // Российский юридический журнал. 2021. № 1. С. 78. DOI: [10.34076/20713797_2021_1_69](https://doi.org/10.34076/20713797_2021_1_69).

² Термин «прямой судебный нормоконтроль» видится более предпочтительным, поскольку он не содержит привязки к предмету оценки законности или конституционности – нормативному правовому акту. Все-таки предметом нормоконтроля могут выступать не только нормативные правовые акты, но и иные источники права, в частности нормативные договоры. См., например, пп. «в» и «г» ч. 2 ст. 125 Конституции РФ.

³ Боннер А. Т. Избранные труды: в 7 т. Т. 6: Проблемы административной юстиции, особого производства, гражданского и административного права. Юридическая публицистика. М.: Проспект, 2022. С. 148–149.

⁴ Никитин С. В. Судебный контроль за нормативными правовыми актами в гражданском и арбитражном процессе. М.: РАП; Волтерс Клувер, 2010. С. 26–27; Евлоев И. М. Классификация судебного нормоконтроля: некоторые аспекты // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 5. С. 25–30; Иванова И. А. О некоторых вопросах правового регулирования института судебного нормоконтроля в административном судопроизводстве // Административное и муниципальное право. 2018. № 5. С. 38. DOI: [10.7256/2454-0595.2018.5.26569](https://doi.org/10.7256/2454-0595.2018.5.26569).

⁵ Ярков В. В., Спицин И. Н. Судебный нормоконтроль в гражданском и арбитражном процессе: современное состояние и пути совершенствования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2018. Т. 9. Вып. 4. С. 565. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu14.2018.407>.

⁶ Абалдуев В. А. Трудовое право и конституционное правосудие: как обеспечить связь закона и судебной практики // Трудовое право в России и за рубежом. 2020. № 3. С. 15–18; Коробченко В. В., Сафонов В. А. Конституционно значимые дефекты трудового законодательства и судебной практики в сфере трудовых отношений // Ежегодник трудового права. 2021. № 11. С. 115–129; Саликова Н. М., Батухтина Е. М. Лишение премии за нарушение трудовой дисциплины: правовые позиции Конституционного Суда РФ // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 6. С. 4–12. DOI: [10.34076/2410_2709_2023_6_4](https://doi.org/10.34076/2410_2709_2023_6_4).

⁷ Постановления Конституционного Суда РФ от 13 ноября 2019 г. № 34-П, от 27 июня 2023 г. № 35-П.

⁸ Определения Верховного Суда РФ от 27 июня 2016 г. № АКПИ16-475, от 20 января 2017 г. № АКПИ17-46; решение Верховного Суда РФ от 25 января 2023 г. № АКПИ22-984.

тельной¹ и исполнительной власти субъектов Российской Федерации², органов местного самоуправления³.

Как показано выше, правовое регулирование исходит из того, что прямой судебный нормоконтроль применим только к таким источникам права, которые принимаются публичными субъектами, например органами публичной власти, организациями с отдельными властными полномочиями. Вместе с тем отличительной чертой трудового права является наличие у него специфических источников⁴ – источников, принимаемых полностью или частично непубличными субъектами (локальные нормативные акты, коллективные договоры и соглашения, установления религиозных организаций, акты общероссийских спортивных федераций). Прямой нормоконтроль в отношении указанных источников права значительно затруднен: ни закон, ни руководящая правоприменительная практика⁵ не говорят о том, как такой нормоконтроль должен осуществляться, кто выступает заявителем в делах о нормоконтрольной деятельности и допустим ли прямой судебный нормоконтроль за актами непубличных субъектов вообще⁶. Вследствие сложившейся ситуации значительный объем нормативного материала в сфере трудового права выпадает из деятельности по прямому судебному нормоконтролю, а участники трудовых отношений не могут рассчитывать на особые правовые эффекты названного вида нормоконтроля, которые выступают его преимуществами по сравнению с нормоконтролем косвенным⁷.

Определенная часть научного сообщества со скепсисом относится к самой идее осуществления прямого судебного нормоконтроля в отношении актов, принимаемых непубличными субъектами. Ученые выдвигают тезис о том, что признаками (свойствами) прямого судебного нормоконтроля непременно выступают публичный характер проверяемого нормативного правового акта и принятие такого акта публичными субъектами⁸. Кроме того, есть мнение, что источники трудового права особого рода не признаются нормативными⁹, соответственно, к ним прямой судебный контроль уж точно не применим.

Действительно, прямой судебный нормоконтроль как в России¹⁰, так и за рубежом¹¹ относят к проявлению механизма «сдержек и противовесов», т. е. к инструментам су-

¹ Апелляционное определение Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 3 февраля 2022 г. № 66а-128/2022 по делу № 3а-77/2021.

² Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 22 ноября 2022 г. № 19-КАД22-19-К5 по делу № 9а-8/2022.

³ Апелляционные определения Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 1 июня 2016 г. № 9-АПГ16-7 по делу № 3а-122/16, от 9 октября 2019 г. № 45-АПА19-28 по делу № 3а-191/2019.

⁴ Трудовое право России: учеб. / под ред. А. М. Куренного. 5-е изд., испр. и доп. М.: Проспект, 2024. С. 90 (автор главы – Е. Ю. Забражная).

⁵ В частности, по смыслу п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» прямой нормоконтроль в порядке гл. 21 КАС РФ за локальными нормативными актами, принимаемыми в соответствии с ТК РФ, невозможен.

⁶ Исключением является допускающая прямой судебный нормоконтроль в отношении локального нормативного акта ст. 372 ТК РФ, в силу которой выборный орган первичной профсоюзной организации, не согласный с принятым локальным нормативным актом, вправе оспорить его в суде. Указанное правило применяется не ко всем локальным нормативным актам, а только к принимаемым с учетом мнения профсоюза.

⁷ Родионов А. О. Необходимость прямого судебного нормоконтроля в трудовом праве // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 3. С. 21–22. DOI: 10.34076/2410-2709-2024-141-3-19-24.

⁸ Никитин С. В. Предмет судебного нормоконтроля в гражданском и арбитражном процессе // Журнал российского права. 2010. № 2. С. 82; Папуша А. А. Соотношение нормативных правовых актов и локальных нормативных актов // Академический юридический журнал. 2019. № 3. С. 39.

⁹ Такая точка зрения высказана в отношении локальных нормативных актов (см., например: Ермаков Э. Ю. Обжалование локальных нормативных актов в судебном порядке // Судья. 2020. № 12. С. 41–44).

¹⁰ Лебедев В. М. От идеи судебного нормоконтроля к административному судопроизводству // Российская юстиция. 2000. № 9. С. 2–4; Тимошкин К. А. Судебная защита прав и законных интересов граждан и организаций как реализация принципа «сдержек и противовесов» органов государственной власти // Российский судья. 2006. № 7. С. 10; Величко М. Б. Отдельные особенности административного судопроизводства по сравнению с гражданским, которые подлежат отражению в процедуре доказывания, применения правил о преюдициальности судебного акта, обуславливая их особенности // Вестник гражданско-го процесса. 2019. № 1. С. 423–437. DOI: 10.24031/2226-0781-2019-9-1-423-437.

¹¹ Михайлова К. А. Проблемы определения предмета нормоконтроля в контексте сравнительно-правового исследования // Административное и муниципальное право. 2011. № 2. С. 74–79; Lustig D., Wei-

дебной власти по сдерживанию дефектного нормотворчества представителей иных ветвей публичной власти: законодательной и исполнительной. Однако это не означает, что институт прямого судебного нормоконтроля не нуждается в дальнейшем совершенствовании и развитии. Представляется, что данный институт может выполнять и иные функции помимо сдерживания законодательной и исполнительной власти.

Предмет прямого судебного нормоконтроля никогда не был раз и навсегда данным, он постоянно расширялся. Например, в предмет российского конституционного судебного нормоконтроля изначально входили лишь законы, однако Конституционный Суд РФ посредством своих решений сделал доступными для проверки конституционности и иные нормативные правовые акты¹. Общий судебный нормоконтроль в России сперва осуществлялся только в отношении нормативных правовых актов в строгом смысле этого слова, однако с течением времени распространился на письма, телеграммы, распоряжения органов исполнительной власти² («акты, обладающие нормативными свойствами»).

Эволюция предмета прямого судебного нормоконтроля происходила и за рубежом.

Так, конституционный судебный контроль в США изначально осуществлялся лишь за законодательством штатов (начало XIX в.), потом к нему примкнули законы федерации (конец XIX в.), а затем и акты органов исполнительной власти (первая треть XX в.)³. Возможность проверки законности административных нормативных правовых актов США посредством общего судебного нормоконтроля появилась только в 1946 г. в связи с принятием специального закона⁴.

Правопорядок Франции прошел долгий путь от принципа «запрета судебного вмешательства в действия управленческих органов»⁵ до создания отдельной системы административных судов, осуществляющих помимо прочего проверку законности нормативных правовых актов⁶. До 2010 г. во Франции был невозможен судебный конституционный контроль в отношении действующих законов, проверка конституционности осуществлялась лишь в отношении законопроектов⁷.

Великобритания известна своей доктриной парламентского суверенитета, в соответствии с которой Парламент вправе принимать акты любого содержания. Однако с принятием Закона «О правах человека» в 1998 г. такой суверенитет был ограничен, поскольку судебный нормоконтроль стал осуществляться за актами Парламента⁸ (ранее законность проверялась только у делегированного законодательства, т. е. у подзаконных нормативных правовых актов).

Представляется, что принятие оспариваемого нормативного правового акта (или иного источника права) публичным субъектом нельзя считать сущностным призна-

---

ler J. H. N. Judicial review in the contemporary world – Retrospective and prospective // International Journal of Constitutional Law. 2018. Vol. 16. № 2. P. 320. DOI: <https://doi.org/10.1093/icon/moy057>.

¹ См., например: постановления Конституционного Суда РФ от 31 июля 1995 г. № 10-П, от 27 января 2004 г. № 1-П. Практика Конституционного Суда РФ поспособствовала расширению предмета конституционного нормоконтроля в позитивном праве. См., например: Федеральный конституционный закон от 9 ноября 2020 г. № 5-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон „О Конституционном Суде Российской Федерации“».

² Федеральный закон от 15 февраля 2016 г. № 18-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации и Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации в части установления порядка судебного рассмотрения дел об оспаривании отдельных актов».

³ Овсепян Ж. И. Правовая защита конституций. Судебный конституционный контроль в зарубежных странах. Ростов н/Д: Литера-Д, 1992. С. 50–52.

⁴ Разгильдеев А. В. Административное правосудие: опыт стран Европы, США и возможность его использования в России // Закон. 2013. № 11. С. 147–148; Административная юстиция зарубежных стран: учеб. пособие / под ред. А. П. Шергина, О. В. Зиборова, В. И. Кайнова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2021. С. 42.

⁵ Андреева И. А. Основные этапы развития административной юстиции во Франции // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 3. С. 193. DOI: 10.24412/2072-9391-2022-363-190-202.

⁶ Разгильдеев А. В. Указ. соч. С. 140.

⁷ Антонов А. В. Реформа Конституционного совета Франции // Конституционный совет Франции на современном этапе. Пять лет институту «приоритетного вопроса о конституционности»: сб. ст. М.: Изд. группа «Юрист», 2015. С. 33–42.

⁸ Соловьёв А. А. Правовое регулирование судебного нормоконтроля: опыт зарубежных государств. М.: ИНФРА-М, 2020. С. 75–79.

ком прямого судебного нормоконтроля. Таким признаком является наличие в проверяемом акте норм права, действующих для неопределенного круга лиц, что означает способность акта быть источником права. Специфические источники трудового права в полной мере отвечают данному признаку, как и иным признакам, свойственным источникам права.

Локальные нормативные акты, принимаемые на основании ст. 8 ТК РФ, однозначно являются видом нормативных правовых актов¹ (со всеми присущими нормативным правовым актам признаками), что следует не только из их наименования, но и из их сущности как «формы нормотворческой деятельности» работодателя, «предназначенной для закрепления норм трудового права»². Локальный нормативный акт, как и любой нормативный правовой акт, издается в установленном порядке (порядке, предусмотренном ТК РФ) уполномоченным субъектом (работодателем). Тот факт, что применение локального нормативного акта ограничивается рамками организации или индивидуального предпринимателя, не позволяет отказать ему в свойстве распространения на неопределенный круг лиц, к которому относятся все работники отдельно взятого работодателя.

В доктрине не сложилось единого мнения относительно природы *коллективного договора*: представляет ли он собой вид нормативного правового акта (в том числе локального)³, носит смешанный характер (обязательственная и нормативная части)⁴ или является самостоятельным источником права – нормативным договором или соглашением⁵. Российский законодатель не вполне четко указал на видовую принадлежность коллективного договора, определив его через широкое понятие «правовой акт» (ч. 1 ст. 40 ТК РФ). Однако консенсус в научном сообществе достигнут по поводу наличия в коллективном договоре так называемой нормативной части или нормативных условий. Как бы мы ни определяли природу коллективного договора (через нормативный правовой акт, нормативный договор и т. д.), одно остается неизменным: сегодня⁶ коллективный договор содержит нормы права, действующие на неопределенный круг лиц. Неперсонифицированные нормы права содержатся и в других социально-партнерских актах – *соглашениях*⁷. Действию коллективных договоров по кругу лиц посвящена ч. 3 ст. 43 ТК РФ, а действию соглашений – чч. 3–5 ст. 48 ТК РФ.

¹ Лушникова М. В., Лушников А. М. Очерки теории трудового права. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юрид. центр Пресс», 2006. С. 483; Бушуев И. С. Коллективный договор: перспективы развития // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. Т. 2. № 11. С. 168; Актуальные проблемы трудового права: учеб. / под ред. Н. Л. Лютова. М.: Проспект, 2021. С. 65 (автор главы – В. В. Федин).

² Драчук М. А. Компетенция работодателя по вопросу принятия локальных нормативных актов // Ежегодник трудового права. 2022. № 12. С. 93. DOI: 10.21638/spbu32.2022.108.

³ Веселова Е. Р. Локальные нормы трудового права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2004. С. 8–9; Хныкин Г. В. Локальные источники российского трудового права: теория и практика применения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 7–8; Трудовое право: учеб. / под ред. О. В. Смирнова, И. О. Снигиревой. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2008. С. 63 (автор главы – О. В. Смирнов).

⁴ Нуртдинова А. Ф. Коллективно-договорное регулирование трудовых отношений: теоретические проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998. С. 11; Горохов Б. А. Современное правовое регулирование социально-трудовых отношений в России: средства, механизм, источники и особенности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. С. 6; Джилаян А. Д. Коллективный договор в системе социального партнерства в России и в некоторых зарубежных странах: сравнительно-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 6.

⁵ Лада А. С. Коллективный договор по современному российскому трудовому законодательству: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2003. С. 9; Дивеева Н. И. Теоретические проблемы индивидуального правового регулирования трудовых отношений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2008. С. 8; Лушников А. М., Лушникова М. В. Нормотворческий процесс в трудовом праве: отраслевые особенности // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества. 2019. № 18. С. 48.

⁶ Изменение правовой природы коллективного договора сопровождается изменением периодов в истории России. См., например: Драчук М. А. О функциях и содержании коллективного договора // Вестник Омского университета. Сер.: Право. 2007. № 4. С. 116–117; Петрищенко И. С. Нормативные условия коллективного договора // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 296. С. 216–217; Филиппова Н. А. Коллективный договор как вид нормативных правовых договоров: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 11–33).

⁷ Бугров Л. Ю., Васильева Ю. В., Шахаев М. В. Коллективные соглашения как класс источников трудового права и права социального обеспечения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2001. № 2. С. 130–131; Глотова И. А. Реализация конкретизирующей функции коллективного договора и соглашения // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5: Юриспруденция. 2016. Т. 15.

Среди специфических источников трудового права выделяются акты общероссийских спортивных федераций¹ (ч. 3 ст. 348.1, ч. 6 ст. 348.2 ТК РФ, ст. 16 Закона о физкультуре и спорте²). Данные акты принимаются особыми субъектами, которые не являются ни государственными органами, ни работодателями для спортсменов и тренеров, поведение которых регулируется спортивными федерациями³. Принимаемые без вмешательства государства акты спортивных федераций содержат нормы права прямого действия⁴, обязательные для неопределенного круга лиц (категории «спортсмены и тренеры») в силу членства работодателя в спортивной федерации и вступления спортсменов и тренеров в трудовые отношения с таким работодателем⁵.

Существенное значение в регулировании отношений в сфере труда работников религиозной организации имеют внутренние установления религиозной организации⁶ (ст. 343 ТК РФ, ст. 15 Закона о свободе совести⁷). Законодательство не содержит определения «внутренних установлений религиозных организаций», в литературе они рассматриваются и как разновидность локальных нормативных актов религиозных организаций⁸, и как нетипичный источник трудового права прямого действия⁹. В силу конституционного принципа отделения церкви от государства законодатель наделил религиозные организации большей нормотворческой свободой в сфере регулирования наемного труда¹⁰ (ч. 2 ст. 342, ст. 343, ч. 3 ст. 344, ст. 345, 346 ТК РФ). Внутренние установления религиозных организаций могут содержать в том числе трудовые нормы, распространяющиеся на неопределенный круг лиц (категории «работники религиозной организации» и «работодатель – религиозная организация») и регулирующие трудовые и непосредственно связанные с ними отношения¹¹.

Современное нормотворчество характеризуется расширением круга субъектов, наделенных нормотворческими полномочиями. Ныне нормотворческую функцию выполняют не только органы публичной власти, но и частные субъекты, создающие собственные источники права. Тенденция к расширению агентов нормотворчества связана, во-первых, с усложнением общественных отношений, порождающим усложнение правового регулирования, во-вторых, с законодательной невозможностью опередить развитие общественных отношений. Законодатель вынужден делиться своими полномочиями по принятию правовых актов, делегировать иным субъектам часть нормотворческой компетенции¹². В частности, решение широкого круга вопро-

№ 3. С. 75–76; Филиппова Н. А. Правовые договоры в системе форм российского трудового права // Государство и право. 2020. № 12. С. 131–132. DOI: 10.31857/S102694520008624-8.

¹ Мисюрин И. В. Особенности правового регулирования трудовых отношений профессиональных спортсменов в командных видах спорта: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 18; Балицкий К. С. Проблемы правового регулирования труда спортсменов и тренеров в Российской Федерации // Российский юридический журнал. 2010. № 3. С. 204–205.

² Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ (в ред. от 24 июля 2024 г.) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации».

³ Демиденко Т. П. Нетипичные источники трудового права: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. С. 63.

⁴ Мнение о прямом действии норм актов общероссийских спортивных федераций разделяется не всеми учеными. См., например: Шевченко О. А. Правовая доктрина регулирования труда в сфере профессионального спорта и пути ее реализации в России. М.: Проспект, 2021. С. 47–49.

⁵ Демиденко Т. П. Указ. соч. С. 39, 57, 59, 63, 64.

⁶ Щербакова О. В. Влияние моральных норм и нравственных принципов на правовое регулирование трудовых отношений. М.: Проспект, 2021. С. 107; Специфика регулирования труда отдельных категорий работников: учеб. пособие / под ред. Н. Л. Лютова, И. С. Цыпкиной. М.: Проспект, 2021. С. 228 (автор параграфа – Н. В. Черных).

⁷ Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ (в ред. от 6 апреля 2024 г.) «О свободе совести и о религиозных объединениях».

⁸ Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации / под ред. Ю. П. Орловского. М.: ИНФРА-М, 2002. С. 702 (автор комментария – Т. Ю. Коршунова).

⁹ Ведешкина Т. П. Внутренние установления религиозной организации как нетипичный источник трудового права // Российское право: образование, практика, наука. 2020. № 4. С. 158. DOI: 10.34076/2410-2709-2020-4-156-163.

¹⁰ Трудовое право. Специальная часть: учеб. / под ред. О. М. Буяновой. М.: Юрайт, 2023. С. 116 (автор темы – А. В. Буянова).

¹¹ Демиденко Т. П. Указ. соч. С. 74.

¹² По мнению Г. Еллинека, «в современном государстве все право распадается на созданное государством и допущенное им». См.: Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб.: Общественная польза, 1903. С. 238.

сов в области использования наемного труда сознательно делегируется социальным партнерам, работодателю, общественным организациям и т. д.¹

Прямой судебный нормоконтроль должен эволюционировать вслед за эволюцией системы источников права (в данном случае – трудового права), его развитие не должно останавливаться в сфере проверки актов, принимаемых органами публичной власти. В связи с этим локальные нормативные акты, коллективные договоры и соглашения, акты общероссийских спортивных федераций, внутренние установления религиозных организаций не следует изымать из предмета прямого судебного нормоконтроля лишь потому, что они формируются непубличными субъектами. Для того чтобы являться предметом прямого судебного нормоконтроля, специфическим источникам трудового права необходимо обладать признаком «распространение на неопределенный круг лиц». Данным признаком указанные источники, безусловно, обладают, а значит, могут становиться предметом прямого судебного нормоконтроля.

Принятие незаконных нормативных правовых актов и иных источников права любой отраслевой принадлежности затрагивает интересы широкого круга лиц, а реализация таких актов нарушает или создает угрозу нарушения прав и законных интересов граждан и организаций. Представляется, что прямой судебный нормоконтроль в отношении специфических источников трудового права может стать эффективным способом противодействия дефектному нормотворчеству в сфере наемного труда.

Список литературы

Абалдуев В. А. Трудовое право и конституционное правосудие: как обеспечить связь закона и судебной практики // Трудовое право в России и за рубежом. 2020. № 3. С. 15–18.

Административная юстиция зарубежных стран: учеб. пособие / под ред. А. П. Шергина, О. В. Зиборова, В. И. Кайнова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2021. 335 с.

Актуальные проблемы трудового права: учеб. / под ред. Н. Л. Лютова. М.: Проспект, 2021. 688 с.

Андреева И. А. Основные этапы развития административной юстиции во Франции // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 3. С. 190–202. DOI: 10.24412/2072-9391-2022-363-190-202.

Антонов А. В. Реформа Конституционного совета Франции // Конституционный совет Франции на современном этапе. Пять лет институту «приоритетного вопроса о конституционности»: сб. ст. М.: Изд. группа «Юрист», 2015. С. 33–42.

Балицкий К. С. Проблемы правового регулирования труда спортсменов и тренеров в Российской Федерации // Российский юридический журнал. 2010. № 3. С. 202–206.

Боннер А. Т. Избранные труды: в 7 т. Т. 6: Проблемы административной юстиции, особо го производства, гражданского и административного права. Юридическая публицистика. М.: Проспект, 2022. 830 с.

Бугров Л. Ю., Васильева Ю. В., Шахаев М. В. Коллективные соглашения как класс источников трудового права и права социального обеспечения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2001. № 2. С. 114–140.

Бушуев И. С. Коллективный договор: перспективы развития // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. Т. 2. № 11. С. 167–169.

Величко М. Б. Отдельные особенности административного судопроизводства по сравнению с гражданским, которые подлежат отражению в процедуре доказывания, применения правил о преюдициальности судебного акта, обуславливая их особенности // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 423–437. DOI: 10.24031/2226-0781-2019-9-1-423-437.

Веселова Е. Р. Локальные нормы трудового права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2004. 36 с.

Ведешкина Т. П. Внутренние установления религиозной организации как нетипичный источник трудового права // Российское право: образование, практика, наука. 2020. № 4. С. 156–163. DOI: 10.34076/2410-2709-2020-4-156-163.

Вифлянцева А. О. Институт оспаривания нормативных правовых актов в цивилистическом процессе // Российский юридический журнал. 2021. № 1. С. 69–82. DOI: 10.34076/20713797_2021_1_69.

¹ Мисюрин И. В. Указ. соч. С. 18; Филиппова Н. А. Правовые элементы коллективного договора // Вестник Воронежского института МВД России. 2018. № 1. С. 178–183. Подобный позитивистский подход разделяется не всеми учеными. В частности, утверждается, что право принятия локальных нормативных актов имманентно присуще работодателю в силу его хозяйской власти, источником юридической силы коллективных договоров и соглашений является «социальная автономия» субъектов договоров и соглашений. Поэтому законодатель не «делегирует», а лишь закрепляет права по принятию названных актов. См., например: Таль Л. С. Очерки промышленного права. 2-е изд., значит. доп. М.: Московское науч. изд-во, 1918. С. 37–39; Лушникова М. В., Лушников А. М. Указ. соч. С. 480; Горохов Б. А. Указ. соч. С. 6.

Глотова И. А. Реализация конкретизирующей функции коллективного договора и соглашения // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5: Юриспруденция. 2016. Т. 15. № 3. С. 73–77. DOI: 10.15688/jvolsu5.2016.3.10.

Горохов Б. А. Современное правовое регулирование социально-трудовых отношений в России: средства, механизм, источники и особенности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. 28 с.

Демиденко Т. П. Нетипичные источники трудового права: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 224 с.

Дивеева Н. И. Теоретические проблемы индивидуального правового регулирования трудовых отношений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2008. 46 с.

Джилавыян А. Д. Коллективный договор в системе социального партнерства в России и в некоторых зарубежных странах: сравнительно-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 27 с.

Драчук М. А. Компетенция работодателя по вопросу принятия локальных нормативных актов // Ежегодник трудового права. 2022. № 12. С. 92–107. DOI: 10.21638/spbu32.2022.108.

Драчук М. А. О функциях и содержании коллективного договора // Вестник Омского университета. Сер.: Право. 2007. № 4. С. 116–121.

Евлоев И. М. Классификация судебного нормоконтроля: некоторые аспекты // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 5. С. 25–30.

Ермаков Э. Ю. Обжалование локальных нормативных актов в судебном порядке // Судья. 2020. № 12. С. 41–44.

Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб.: Общественная польза, 1903. 532 с.

Иванова И. А. О некоторых вопросах правового регулирования института судебного нормоконтроля в административном судопроизводстве // Административное и муниципальное право. 2018. № 5. С. 37–45. DOI: 10.7256/2454-0595.2018.5.26569.

Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации / под ред. Ю. П. Орловского. М.: ИНФРА-М, 2002. 959 с.

Коробченко В. В., Сафонов В. А. Конституционно значимые дефекты трудового законодательства и судебной практики в сфере трудовых отношений // Ежегодник трудового права. 2021. № 11. С. 115–129.

Лада А. С. Коллективный договор по современному российскому трудовому законодательству: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2003. 28 с.

Лебедев В. М. От идеи судебного нормоконтроля к административному судопроизводству // Российская юстиция. 2000. № 9. С. 2–4.

Лушников А. М., Лушников А. М. Очерки теории трудового права. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юрид. центр Пресс», 2006. 940 с.

Лушников А. М., Лушников А. М. Нормотворческий процесс в трудовом праве: отраслевые особенности // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества. 2019. № 18. С. 44–55.

Мисюрин И. В. Особенности правового регулирования трудовых отношений профессиональных спортсменов в командных видах спорта: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 32 с.

Михайлова К. А. Проблемы определения предмета нормоконтроля в контексте сравнительно-правового исследования // Административное и муниципальное право. 2011. № 2. С. 74–79.

Никитин С. В. Предмет судебного нормоконтроля в гражданском и арбитражном процессе // Журнал российского права. 2010. № 2. С. 71–83.

Никитин С. В. Судебный контроль за нормативными правовыми актами в гражданском и арбитражном процессе. М.: РАП; Волтерс Клувер, 2010. 304 с.

Нуртдинова А. Ф. Коллективно-договорное регулирование трудовых отношений: теоретические проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998. 41 с.

Овсепян Ж. И. Правовая защита конституций. Судебный конституционный контроль в зарубежных странах. Ростов н/Д: Литера-Д, 1992. 320 с.

Папуша А. А. Соотношение нормативных правовых актов и локальных нормативных актов // Академический юридический журнал. 2019. № 3. С. 36–41.

Петрищенко И. С. Нормативные условия коллективного договора // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 296. С. 216–218.

Разгильдеев А. В. Административное правосудие: опыт стран Европы, США и возможность его использования в России // Закон. 2013. № 11. С. 135–150.

Родионов А. О. Необходимость прямого судебного нормоконтроля в трудовом праве // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 3. С. 19–24. DOI: 10.34076/2410-2709-2024-141-3-19-24.

Саликова Н. М., Батухтина Е. М. Лишение премии за нарушение трудовой дисциплины: правовые позиции Конституционного Суда РФ // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 6. С. 4–12. DOI: 10.34076/2410_2709_2023_6_4.

Соловьёв А. А. Правовое регулирование судебного нормоконтроля: опыт зарубежных государств. М.: ИНФРА-М, 2020. 219 с.

Специфика регулирования труда отдельных категорий работников: учеб. пособие / под ред. Н. Л. Лютова, И. С. Цыпкиной. М.: Проспект, 2021. 448 с.

Таль Л. С. Очерки промышленного права. 2-е изд., значит. доп. М.: Московское науч. изд-во, 1918. 224 с.

Тимошкин К. А. Судебная защита прав и законных интересов граждан и организаций как реализация принципа «сдержек и противовесов» органов государственной власти // Российский судья. 2006. № 7. С. 8–10.

Трудовое право России: учеб. / под ред. А. М. Куренного. 5-е изд., испр. и доп. М.: Проспект, 2024. 720 с.

Трудовое право. Специальная часть: учеб. / под ред. О. М. Буяновой. М.: Юрайт, 2023. 126 с.

Трудовое право: учеб. / под ред. О. В. Смирнова, И. О. Снигиревой. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2008. 600 с.

Филипцова Н. А. Коллективный договор как вид нормативных правовых договоров: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 222 с.

Филипцова Н. А. Правовые договоры в системе форм российского трудового права // Государство и право. 2020. № 12. С. 131–132. DOI: 10.31857/S102694520008624-8.

Филипцова Н. А. Правовые элементы коллективного договора // Вестник Воронежского института МВД России. 2018. № 1. С. 178–183.

Хныкин Г. В. Локальные источники российского трудового права: теория и практика применения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 52 с.

Шевченко О. А. Правовая доктрина регулирования труда в сфере профессионального спорта и пути ее реализации в России. М.: Проспект, 2021. 224 с.

Щербакова О. В. Влияние моральных норм и нравственных принципов на правовое регулирование трудовых отношений. М.: Проспект, 2021. 144 с.

Ярков В. В., Спицин И. Н. Судебный нормоконтроль в гражданском и арбитражном процессе: современное состояние и пути совершенствования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2018. Т. 9. Вып. 4. С. 554–567. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu14.2018.407>.

Lustig D., Weiler J. H. H. Judicial review in the contemporary world – Retrospective and prospective // International Journal of Constitutional Law. 2013. Vol. 16. № 2. P. 315–372. DOI: <https://doi.org/10.1093/icon/moy057>.

References

Abalduev V. A. (2020) *Trudovoe pravo i konstitutsionnoe pravosudie: kak obespechit' svyaz' zakona i sudebnoi praktiki* [Labour Law and Constitutional Justice: How to Provide Connection between Law and Judicial Practice]. In *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom*, no. 3, pp. 15–18.

Andreeva I. A. (2022) *Osnovnye etapy razvitiya administrativnoi yustitsii vo Frantsii* [The Main Stages of the Development of Administrative Justice in France]. In *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii*, no. 3, pp. 190–202, DOI: 10.24412/2072-9391-2022-363-190-202.

Antonov A. V. (2015) *Reforma Konstitutsionnogo soveta Frantsii* [Reform of the French Constitutional Council]. In *Konstitutsionnyi sovet Frantsii na sovremennom etape. Pyat' let institutu «prioritetnogo voprosa o konstitutsionnosti»: conference papers*. Moscow, Izdatel'skaya gruppа «Yurist», pp. 33–42.

Balitskii K. S. (2010) *Problemy pravovogo regulirovaniya truda sportsmenov i trenerov v Rossiiskoi Federatsii* [Problems of legal regulation of sportsmen and trainers labour in the Russian Federation]. In *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 3, pp. 202–206.

Bonner A. T. (2022) *Izbrannye trudy: v 7 t. T. 6: Problemy administrativnoi yustitsii, osobogo proizvodstva, grazhdanskogo i administrativnogo prava. Yuridicheskaya publitsistika* [Problems of administrative justice, special proceedings, civil law and administrative law: in 7 volumes. Vol. 6: Problems of administrative justice, special proceedings, civil and administrative law. Legal journalism]. Moscow, Prospekt, 448 p.

Bugrov L. Yu., Vasil'eva Yu. V., Shakhaev M. V. (2001) *Kollektivnye soglasheniya kak klass istochnikov trudovogo prava i prava sotsial'nogo obespecheniya* [Collective agreements as class of sources for labour law and social security]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, no. 2, pp. 114–140.

Bushuev I. S. (2015) *Kollektivnyi dogovor: perspektivy razvitiya* [Collective agreement: development prospects]. In *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, vol. 2, no. 11, pp. 167–169.

Buyanova O. M. (Ed.) (2023) *Trudovoe pravo. Spetsial'naya chast': uchebnik* [Labour law. Special part: textbook]. Moscow, Yurait, 126 p.

Demidenko T. P. (2022) *Netipichnye istochniki trudovogo prava: dis. ... kand. yurid. nauk* [Unconventional labour law sources: a candidate of legal sciences thesis]. Yekaterinburg, 224 p.

Diveeva N. I. (2008) *Teoreticheskie problemy individual'nogo pravovogo regulirovaniya trudovykh otnoshenii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Theoretical problems of individual legal regulation of labour relations: an abstract of a candidate of legal sciences thesis]. Saint-Petersburg, 46 p.

Drachuk M. A. (2022) Kompetentsiya rabotodatelya po voprosu prinyatiya lokal'nykh normativnykh aktov [The competence of the employer on the issue of the adoption of local regulations]. In *Ezhagodnik trudovogo prava*, no. 12, pp. 92–107, DOI: 10.21638/spbu32.2022.108.

Drachuk M. A. (2007) O funktsiyakh i soderzhanii kollektivnogo dogovora [About the functions and content of the collective agreement]. In *Vestnik Omskogo universiteta. Ser.: Pravo*, no. 4, pp. 116–121.

Dzhilavyan A. D. (2011) *Kollektivnyi dogovor v sisteme sotsial'nogo partnerstva v Rossii i v nekotorykh zarubezhnykh stranakh: sravnitel'no-pravovoi analiz: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Collective agreement in the social partnership system in Russia and in some foreign countries: comparative legal analysis: an abstract of a candidate of legal sciences thesis]. Moscow, 27 p.

Ellinek G. (1903) *Obshchee uchenie o gosudarstve* [The general doctrine of the State]. Saint-Petersburg, Obshchestvennaya pol'za, 532 p.

Ermakov E. Yu. (2020) Obzhalovanie lokal'nykh normativnykh aktov v sudebnom poryadke [Appeal to courts against local normative acts]. In *Sudya*, no. 12, pp. 41–44.

Evloev I. M. (2015) Klassifikatsiya sudebnogo normokontrolya: nekotorye aspekty [Classification of judicial compliance assessment: some aspects]. In *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess*, no. 5, pp. 25–30.

Filipstova N. A. (2016) *Kollektivnyi dogovor kak vid normativnykh pravovykh dogovorov: dis. ... cand. jurid. nauk* [Collective agreement as a type of regulatory legal agreements: a candidate of legal sciences thesis]. Moscow, 222 p.

Filipstova N. A. (2020) Pravovye dogovory v sisteme form rossiiskogo trudovogo prava [Legal contracts in the system of forms of Russian labour law]. In *Gosudarstvo i pravo*, no. 12, pp. 131–132, DOI: 10.31857/S102694520008624-8.

Filipstova N. A. (2018) Pravovye elementy kollektivnogo dogovora [Legal elements of the collective agreement]. In *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*, no. 1, pp. 178–183.

Ivanova I. A. (2018) O nekotorykh voprosakh pravovogo regulirovaniya instituta sudebnogo normokontrolya v administrativnom sudoproizvodstve [On some issues of legal regulation of the institution of judicial review in administrative proceedings]. In *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo*, no. 5, pp. 37–45, DOI: 10.7256/2454-0595.2018.5.26569.

Glotova I. A. (2016) Realizatsiya konkretiziruyushchei funktsii kollektivnogo dogovora i soglaseniya [Realization of concretization function of collective bargains and agreements]. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 5: Yurisprudentsiya*, vol. 15, no. 3, pp. 73–77, DOI: 10.15688/jvolsu5.2016.3.10.

Gorokhov B. A. (2006) *Sovremennoe pravovoe regulirovanie sotsial'no-trudovykh otnoshenii v Rossii: sredstva, mekhanizm, istochniki i osobennosti: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Modern legal regulation of social and labour relations in Russia: means, mechanism, sources and features: an abstract of a candidate of legal sciences thesis]. Saint-Petersburg, 28 p.

Khnykin G. V. (2005) *Lokal'nye istochniki rossiiskogo trudovogo prava: teoriya i praktika primeneniya: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk* [Local sources of Russian labour law: theory and practice of application: an abstract of a doctor of legal sciences thesis]. Moscow, 52 p.

Korobchenko V. V., Safonov V. A. (2021) Konstitutsionno znachimye defekty trudovogo zakonodatel'stva i sudebnoi praktiki v sfere trudovykh otnoshenii [Constitutionally significant defects of the labour legislation and judicial practice in the field of the labour relations]. In *Ezhagodnik trudovogo prava*, no. 11, pp. 115–129.

Kurennoi A. M. (Ed.) (2024) *Trudovoe pravo Rossii* [Labour law of Russia], 5th ed., revised and add. Moscow, Prospekt, 720 p.

Lada A. S. (2003) *Kollektivnyi dogovor po sovremennomu rossiiskomu trudovomu zakonodatel'stvu: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Collective agreement according to modern Russian labour legislation: an abstract of a candidate of legal sciences thesis]. Vladivostok, 28 p.

Lebedev V. M. (2000) Ot idei sudebnogo normokontrolya k administrativnomu sudoproizvodstvu [From the idea of judicial review to administrative proceedings]. In *Rossiiskaya yustitsiya*, no. 9, pp. 2–4.

Lushnikov A. M., Lushnikova M. V. (2019) Normotvorcheskii protsess v trudovom prave: otraslevye osobennosti [The rulemaking process in labour law: sectoral features]. In *Aktual'nye problemy teorii i istorii pravovoi sistemy obshchestva*, no. 18, pp. 44–55.

Lushnikova M. V., Lushnikov A. M. (2006) *Ocherki teorii trudovogo prava* [Essays on the theory of labour law]. Saint-Petersburg, Izdatel'stvo R. Aslanova «Yuridicheskii tsentr Press», 940 p.

Lustig D., Weiler J. H. H. (2018) Judicial review in the contemporary world – Retrospective and prospective. In *International Journal of Constitutional Law*, vol. 16, no. 2, pp. 315–372, DOI: <https://doi.org/10.1093/icon/moy057>.

Lyutov N. L. (Ed.) (2021) *Aktual'nye problemy trudovogo prava* [Current problems of labour law]. Moscow, Prospekt, 688 p.

Lyutov N. L., Tsyapkina I. S. (Eds.) (2021) *Spetsifika regulirovaniya truda otdel'nykh kategorii rabotnikov: uchebnoe posobie* [The specifics of labour regulation for certain categories of employees: textbook]. Moscow, Prospekt, 448 p.

Mikhailova K. A. (2011) Problemy opredeleniya predmeta normokontrolya v kontekste sravnitel'no-pravovogo issledovaniya [Problems of defining the subject of review in the context of comparative legal research]. In *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo*, no. 2, pp. 74–79.

Misyurin I. V. (2005) *Osobennosti pravovogo regulirovaniya trudovykh otnoshenii professional'nykh sportsmenov v komandnykh vidakh sporta: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Features of the legal regulation of labour relations of professional athletes in team sports: an abstract of a candidate of legal sciences thesis]. Ekaterinburg, 32 p.

Nikitin S. V. (2010) Predmet sudebnogo normokontrolya v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse [Object of judicial normative control in civil and arbitration procedure]. In *Zhurnal rossiiskogo prava*, no. 2, pp. 71–83.

Nikitin S. V. (2010) *Sudebnyi kontrol' za normativnymi pravovymi aktami v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse* [Judicial review over normative legal acts in civil and arbitration proceedings]. Moscow, RAP, Volters Kluver, 304 p.

Nurtdinova A. F. (1998) *Kollektivno-dogovornoe regulirovanie trudovykh otnoshenii: teoreticheskie problemy: avtoref. dis. ... d-ra. yurid. nauk* [Collective-contractual regulation of labour relations: theoretical problems: an abstract of a doctor of legal sciences thesis]. Moscow, 41 p.

Orlovskii Yu. P. (Ed.) (2002) *Kommentarii k Trudovomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii* [Commentary on the Labour Code of the Russian Federation]. Moscow, INFRA-M, 959 p.

Ovsepyan Zh. I. (1992) *Pravovaya zashchita konstitutsii. Sudebnyi konstitutsionnyi kontrol' v zarubezhnykh stranakh* [Legal protection of constitutions. Judicial constitutional review in foreign countries]. Rostov-on-Don, Litera-D, 320 p.

Papusha A. A. (2019) Sootnoshenie normativnykh pravovykh aktov i lokal'nykh normativnykh aktov [The correlation of regulatory legal acts and local statutory acts]. In *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal*, no. 3, pp. 36–41.

Petrishchenko I. S. (2007) Normativnye usloviya kollektivnogo dogovora [Normative terms of the collective agreements]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 296, pp. 216–218.

Razgil'deev A. V. (2013) Administrativnoe pravosudie: opyt stran Evropy, SShA i vozmozhnost' ego ispol'zovaniya v Rossii [Administrative justice: the experience of European countries, the USA and the possibility of its use in Russia]. In *Zakon*, no. 11, pp. 135–150.

Rodionov A. O. (2024) Neobkhodimost' pryamogo sudebnogo normokontrolya v trudovom prave [The Need for Direct Judicial Review in Labour Law]. In *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, no. 3, pp. 19–24, DOI: 10.34076/2410-2709-2024-141-3-19-24.

Salikova N. M., Batukhtina E. M. (2023) Lishenie premii za narushenie trudovoi distsipliny: pravovye pozitsii Konstitutsionnogo Suda RF [The Revocation of Bonus Pay in Case of Labour Misconduct: Legal Propositions of the Constitutional Court of the Russian Federation]. In *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, no. 6, pp. 4–12, DOI: 10.34076/2410_2709_2023_6_4.

Shergin A. P., Ziborov O. V., Kainov V. I. (Eds.) (2021) *Administrativnaya yustitsiya zarubezhnykh stran: uchebnoe posobie* [Administrative justice of foreign countries: textbook]. Moscow, YuNITI-DANA, 335 p.

Shcherbakova O. V. (2021) *Vliyaniye moral'nykh norm i npravstvennykh printsipov na pravovoe regulirovanie trudovykh otnoshenii* [The influence of moral norms and moral principles on the legal regulation of labour relations]. Moscow, Prospekt, 144 p.

Shevchenko O. A. (2021) *Pravovaya doktrina regulirovaniya truda v sfere professional'nogo sporta i puti ee realizatsii v Rossii* [The legal doctrine of labour regulation in the field of professional sports and ways of its implementation in Russia]. Moscow, Prospekt, 224 p.

Smirnov O. V., Snigireva I. O. (Eds.) (2008) *Trudovoe pravo* [Labour law], 3rd ed., revised and add. Moscow, Prospekt, 600 p.

Solov'ev A. A. (2020) *Pravovoe regulirovanie sudebnogo normokontrolya: opyt zarubezhnykh gosudarstv* [Legal regulation of judicial regulation: experience of foreign states]. Moscow, INFRA-M, 219 p.

Tal' L. S. (1918) *Ocherki promyshlennogo prava* [Essays on industrial law], 2nd ed., add. Moscow, Moskovskoe nauchnoe izdatel'stvo, 224 p.

Timoshkin K. A. (2006) Sudebnaya zashchita prav i zakonnykh interesov grazhdan i organizatsii kak realizatsiya printsipa «sderzhek i protivovesov» organov gosudarstvennoi vlasti [Judicial protection of the rights and legitimate interests of citizens and organizations as the implementation of the principle of «checks and balances» of public authorities]. In *Rossiiskii sud'ya*, no. 7, pp. 8–10.

Vedeshkina T. P. (2020) Vnutrennie ustanovleniya religioznoi organizatsii kak netipichnyi istochnik trudovogo prava [Religious organizations internal rules as an unconventional source of labour law].

In *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, no. 4, pp. 156–163, DOI: 10.34076/2410-2709-2020-4-156-163.

Velichko M. B. (2019) Otdel'nye osobennosti administrativnogo sudoproizvodstva po sravneniyu s grazhdanskim, kotorye podlezhat otrazheniyu v protsedure dokazyvaniya, primeneniya pravil o prejuditsial'nosti sudebnogo akta, obuslovlivaya ikh osobennosti [Some features of administrative proceedings compared to civil which should be reflected in the procedure of proof, the application of the rules on prejudicial judicial act, causing their features]. In *Vestnik grazhdanskogo protsesssa*, no. 1, pp. 423–437, DOI: 10.24031/2226-0781-2019-9-1-423-437.

Veselova E. R. (2004) *Lokal'nye normy trudovogo prava: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Local norms of labour law: an abstract of a candidate of legal sciences thesis]. Tomsk, 36 p.

Viflyantsev A. O. (2021) Institut osparivaniya normativnykh pravovykh aktov v tsivilisticheskom protsesse [The institution of challenging normative legal acts in civil procedure]. In *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 1, pp. 69–82, DOI: 10.34076/20713797_2021_1_69.

Yarkov V. V., Spitsin I. N. (2018) Sudebnyi normokontrol' v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse: sovremennoe sostoyanie i puti sovershenstvovaniya [Contesting of normative legal acts in court: Procedure de lege lata and ways of improving]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo*, vol. 9, is. 4, pp. 554–567, DOI: 10.21638/spbu14.2018.407.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.10.2024

Дата принятия рукописи в печать: 20.02.2025

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К «РОССИЙСКОМУ ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»

Редактор *О. Ю. Петрова*
Дизайн обложки *И. М. Митрофановой*
Компьютерная верстка *О. Ю. Петровой*

Подписано к использованию 28.02.25.
Уч.-изд. л. 8,08. Объем 2,00 МВ

Согласно п. 1 ч. 2 ст. 1, ч. 4 ст. 11
Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ
маркировке не подлежит